

Нелли Шульман
Вельяминовы
За горизонт

Нелли Шульман

**Вельяминовы. За горизонт.
Книга вторая. Том второй**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. За горизонт. Книга вторая. Том второй /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938703-5

В СССР строится Братская ГЭС, в Южной Америке начинаются операции партизанских отрядов Че Гевары. Доходы от продажи опиума из Золотого Треугольника финансируют тайные операции нацистов, направленные на возвращение к власти наследника фюрера.

ISBN 978-5-44-938703-5

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть третья	27
Братск	27
Трасса Братск-Тайшет	29
Берега реки Чуна	31
Тайшет	35
Скорый поезд Владивосток-Москва	37
Москва	39
Волоколамск	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вельяминовы. За горизонт Книга вторая. Том второй

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2018

© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8703-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-8370-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Лондон, декабрь 1963

Индейку запаковали в нарочито грубую оберточную бумагу и перевязали искусно разлохмаченной бечевкой. На сургуче печатей раскидывал крылья ворон, к птице прилагалась карточка:

– Порода черный норфолк, выращена на ферме «Золотой Ворон», вес десять фунтов... – Марта щелкнула ножницами:

– Это Сюзанна, то есть миссис Берри. У нее отличная деловая хватка. Она не только кондитер, но и бизнесмен, если выражаться по-американски... – на скромной кухне домика Мэдисонов в Сент-Джонс-Вуде бубнило радио. Вера, подпоясавшись фартуком, разделявала курицу:

– Индейку положим в рефрижератор, – заметила Марта, – пойдешь к Кларе и Джованни на праздник не с пустыми руками, а сейчас приготовим курицу по-черкесски, или сациви, как говорят в СССР... – Вера вытерла руки:

– Это грузинское блюдо, – педантично сказала Моль, – то есть название соуса, как, например, голландский соус... – Марта пообещала:

– Его тоже сделаем, для лосося... – она прислушалась к радио:

– Кения сегодня становится независимой... – миссис Мэдисон взяла пакет грецких орехов:

– Через неделю Занзибар пойдет тем же путем, – заметила она, – что, новостей из Африки пока нет... – пучок бронзовых волос качнулся. Марта вздохнула: «Нет».

Механик сидел в Эс-Сувейре, ожидая свою Тату:

– Он, наверное, сам не рад, что отпустил ее в Сахару, – хмыкнула Марта, – неизвестно, когда туареги пересекут пустыню. Но так было надежнее, чем отправлять ее одну через страну, кишашую бандитами... – в Аккру месье Ламберу больше хода не было, но, судя по всему, беглые нацисты тоже покинули Гану:

– Шуман исчез в неизвестном направлении, подхватив Сэма... – Марта отвела взгляд от эмблемы «Золотого Ворона», – Берри крепятся, но Сэм единственный сын... – она поехала в Плимут неделю назад, после возвращения из Америки.

В госпитале Уолтера Рида, при выписке, Марте велели вести спокойный образ жизни:

– Я бы вас подержал здесь до Рождества, – сочно заметил лечащий врач, – хотя вы из палаты устроили офис... – он шлепнул печать на историю болезни. Марта краем глаза прочла:

– Засекречено. Совсем как у бабушки Марты, когда она заслонила собой Линкольна. Сведения о ней хранятся в сейфах секретной службы, моя папка ляжет рядом... – Руби упорно молчал. Марта понимала, что от выкорыща мафии не стоит ждать откровенности:

– Паук его так напугал, что он собственной тени боится. Наверняка, представился ему посланцем мафии, обещал, что до Руби дотянутся и в тюрьме, если он начнет болтать... – Марта не сразу поняла, о чем ее спрашивает врач:

– Никакого напряжения, – пообещала она, – Рождество я проведу в кругу семьи и вообще у меня сидячая работа... – о том, что она собирается делать после праздника, Марта не распространялась:

– О миссии знают только те люди, которым положено это знать, – успокоила себя она, – кроме сбежавшего Филби, у нас больше нет предателей... .

Младшие дети считали, что она едет в очередную командировку:

– Леон проследит за ящиком мистера Миллса, – заметил Волк, – и перешлет письма в Лондон. Даже если беглые нацисты пустят хвост за Циммерманом, опасности нет. В конце концов, он бывший клиент Миллса, его приятель... – Марта поцеловала белокурый, в едва заметной седине, висок:

– Ты только будь осторожен, милый... – Волк аккуратно провел пальцем по свежему шву между ее ребер:

– Я тебе то же самое могу сказать, особенно учитывая будущую миссию... – Марта поднялась на локте:

– Мы даже Густу не собираемся задействовать. Пешком переходим границу... – они решили отказаться от парашютов, – двигаемся в Москву, находим девчонок Эмиля и Павла, узнаем, что случилось с остальными... – Волк помолчал:

– Здесь забот хватит на пять миссий, милая... – Марта уверила его:

– Обещаю, что к Пасхе мы окажемся дома... – Вера стучала пестиком. Марта вспоминала грустный голос Сюзанны Берри:

– Дедушка, – женщина помолчала, – каждый день ходит на залив, якобы прогуляться. Он почему-то думает, что Сэм вернется именно морем... – Сюзанна подсунула Марте тарелку:

– Ешь мильфей. В Лондоне такого не найдешь, пока я там кондитерскую не открывала... – женщина коротко улыбнулась, – Ворон, гостя у нас, уничтожил по три десерта в день... – юный баронет привез сувениры из Хьюстона для авиационного музея старика Берри:

– Луиза тоже их навещает на каникулах, когда приезжает в Плимут... – Марта курила у раскрытого окна, – но понятно, что, пока Сэм не окажется дома, они себе места не найдут... – потушив сигарету, она нарочито бодро сказала:

– Правильно, что вы елку не наряжаете. У Клары и Джованни большое дерево из Норвегии... – Инге и Сабина проводили зиму в институте Бора, под Копенгагеном, – детей ждут подарки... – Клара сразу согласилась присмотреть за Чарли и Эмили:

– Адель с ними повозится, – пообещала миссис ди Амальфи, – и Лаура приедет домой на рождественские каникулы. Пауль у нас вообще самая лучшая нянька... – на потертом ковре в гостиной Мэдисонов валялись искусно выточенные Паулем игрушки. На деревянных рельсах стояли разноцветные, веселые вагончики. Сабина, как по секрету сказала Клара, шила полный гардероб для кукол Эмили:

– Ей три года, а Чарли четыре... – Марта взглянула на подернутые сединой волосы женщины, – а самой Вере за сорок... – она неожиданно обняла женщину:

– Вера, – Марта помолчала, – может быть, не стоит тебе ехать... – миссис Мэдисон аккуратно толкла орехи в мраморной ступке:

– Я хочу посмотреть в лицо убийце моего мужа, – спокойно ответила Моль, – как я смотрела в лицо убийце моего сына, прежде чем привести в исполнение его приговор... – серые глаза твердо взглянули на Марту:

– Я решила и будет так. Русского я не знаю, но я не стану вам обузой... – Марта погладила ее по плечу:

– Не станешь. Но насчет глаз, вряд ли мы увидим Кепку. Его скорее всего не пускают гулять по Москве. И Паука нам лучше не встречать, – Марта прислушалась к шуму в палисаднике, – не забывай, и тебя, и меня и нашего, – женщина усмехнулась, – сына и племянника, могут знать в Москве... – Вера вздернула бровь:

– Мои снимки Филби мог утащить в СССР, но ты работаешь на засекреченном этаже, а его светлость... – Вера была церемонна, – тогда еще учился в школе... – Марта пробормотала:

– Береженого Бог бережет... – она вспомнила, что Пауль не расстается со свадебным журналом:

– У Клары много таких изданий, она модный декоратор. Пауль показывал фото разных девиц в роскошных платьях и настаивал, что надо остерегаться какой-то невесты... – Марта

пожала плечами, – наверное, опять постановка, только телевизионная... – Пауля было не оторвать от детских передач. Дверь в передней стукнула. Марта сняла фартук:

– Приехали, сейчас потребуют чай, затем ужин, – наследный герцог водил Чарли и Эмили в Британский музей.

– Дядя Джованни им показывал галерею Кроу. Хорошо, что так, пусть дети к нему привыкнут... – Маленький Джон всунул светловолосую голову на кухню:

– Снег пошел, – весело сообщил юноша, – может быть, нас ждет белое Рождество... – он помахал коричневым пакетом, – и я привез наши новые документы.

– После чая всем займемся, – Марта забрала у него конверт, – мойте руки и пора за стол.

Не желая ездить на отцовских машинах, Маленький Джон купил себе скромный Mini. Лимузин герцога и его спортивный автомобиль по распоряжению Джона отправили в подземный гараж на Ганновер-сквер. Дворники Mini возили по ветровому стеклу серую кашу растаившего снега:

– Словно я жду его возвращения, – Джон затаился сигаретой, – но ведь так оно и есть... И Полина ждет, только она не говорит ничего открыто... – сестра держала в спальне на Ганновер-сквер довоенную фотографию отца:

– Он там мой ровесник, – понял юноша, – снимок сделали в тридцать третьем году. Папа тогда учился в Кембридже с покойным дядей Питером, потом он поехал в Германию, где встретил отца Теодора-Генриха... – о кузене, после его выходов в эфир из восставшего Новочеркаска, ничего слышно не было:

– Мария, дочь дяди Максима, тоже пропала... – Джон скосил глаза на конверт, лежащий на пассажирском сиденье, – но мы хотя бы знаем, что живы дочери дяди Эмиля, что жив Павел Юдин... – до отъезда тети Марты в Америку он предлагал женщине отправиться на поиски господина Ритберга фон Теттау:

– Даже не думай, – отрезала тетя Марта, – в твоём возрасте не создать правдоподобной легенды, ты не можешь быть беглым нацистом... – Джон пожал плечами:

– Я могу быть сыном беглого нациста. В конце концов, тетя Марта... – юноша тяжело вздохнул, – рядом с Ритбергом, то есть Максимилианом, обретается мой брат... – об Адольфе не знала даже Полина. Джону было стыдно за такого родственника:

– Если бы я с ним мог поговорить, – заметил Джон тете, – я уверен, что все повернулось бы по-другому... – тетя скептически хмыкнула:

– В Марокко он сообщил о тебе Рауффу, а Рауфф ударил тебя кастетом по голове. Адольфу на тебя наплевать, – она слегка пожалала руку юноши, – у него воспитание Макса, а это... – недовольно покрутив головой, женщина добавила:

– Ты похож на отца, как две капли воды. Максимилиан сразу поймет, кто ты такой... – выкинув сигарету в окошко, Джон ухмыльнулся:

– В СССР тоже могут понять, но насчет СССР тетя Марта со мной спорить не решилась. В конце концов, мой долг узнать, что стало с отцом... – глядя в зеркальце Mini, он пригладил светлые, немного влажные от непогоды волосы:

– Ян Вальд, восемнадцати лет, сын Марты Вальд, племянник Веры Вальд... – их сделали поволжскими немцами:

– Я родился в Казахстане, осенью сорок пятого года. Мой отец скончался, когда я был младенцем, я его не знал... – повторял Джон, – моя мать повар, моя тетя Вера, глухонемая, швея. Я закончил школу и профессиональное училище, я автомеханик, комсомолец... – с осени он занимался языком по несколько часов в день:

– Мы едем на великие стройки Сибири... – Вальдов снабдили всеми необходимыми бумагами, – но по дороге осматриваем достопримечательности Москвы... – тетя Марта хотела найти кого-то из старых поделщиков дяди Максима:

– У папы были надежные адреса, – подумал Маленький Джон, – если он выжил, он мог отыскать этих людей... – он надеялся, что все именно так и случилось:

– Может быть, папа даже столкнулся где-то с Теодором-Генрихом... – рука юноши потянулась к конверту с израильскими марками. Он повертел письмо:

– Больше, чем было, не будет, но я хочу еще раз на нее посмотреть... – конверт Маленький Джон подхватил у тети Клары и дяди Джованни под предлогом интереса к фотографиям археологических раскопок рядом с Кирьят Анавим. Кузен Аарон Майер и Тиква отправились, как выражалась тетя Клара, на зимовку:

– Они навестили Мон-Сен-Мартен, заглянули в Рим к Лауре, а теперь обосновались в Тель-Авиве... – кузен ассистировал главному режиссеру «Габимы». Тиква снималась в чуть ли не первом израильском фильме, «Салах Шабати»:

– Лента об иммигрантах из Северной Африки, Тиква играет девушку, живущую во временном палаточном лагере... – Джон взялся за яркие снимки, – это из города, из кибуца...

Дядя Авраам, действительно, как сказала тетя Клара, помолодел. Профессор Судаков обнимал за плечи двоих долговязых парней и черноволосую девицу в почти несуществующих шортах:

– Наши три мушкетера, Моше, Джеки и Яков, – писал дядя, – парни собираются в авиацию, по стопам Эмиля, а Джеки мечтает о разведке, учитывая, что Фриде все-таки удалось туда пробиться... – сердце Джона отчаянно стукнуло, как и всякий раз, когда он слышал или читал имя кузины:

– Иосиф приезжает к нам почти каждый шабат, – продолжал дядя, – но по понятным причинам, не попадает в кадр. У Шмуэля все хорошо, он посылает нам африканские сувениры. Фрида с Эмилем решили поставить хупу через четыре года. Она к тому времени закончит университет, Эмиль получит офицерское звание... – кузина с женихом держались за руки. Рыжие волосы падали на худую спину, в армейском хаки, запыленная юбка, тоже защитного цвета, приоткрывала острые коленки. Джон видел облупившийся алый лак, на так знакомых ему пальцах:

– В пещере я стоял на коленях, целовал ее ноги... – он закусил губу, – я ее помню всю, до последней веснушки. Она была сладкая, словно сахар, она... – со злостью отбросив письмо, юноша завел машину:

– Она тебе ясно все сказала. Ты был развлечением, ты ей не нужен. Слезай сдохлой лошади, граф Хантингтон...

Сент-Джонс-Вуд забил плотный поток предрождественских покупателей центральных магазинов. Безуспешно посигналив, Джон отпил из фляги врученного ему тетей Верой кофе:

– На дорожку, милый племянник, – улыбнулась женщина, – мы с миссис Мартой поработаем, раз дети угомонились... – Чарли и Эмили прикорнули на продавленном диване:

– Тетя Вера, то есть миссис Вера, получает пенсию за мистера Джеймса, – пришло в голову Джону, – но ведь она не работает, с двумя малышами. Она консультирует, а это не большие деньги. Видно, что им трудно приходится... – тетя Марта велела ему ехать на Ганновер-сквер:

– Сегодня возвращаются Ворон с Максимом, – напомнила ему женщина, – Волк обещал постные щи и пироги с рыбой... – Джон подумал о заманчиво румяной корочке пирога:

– Сациви тоже был очень вкусный... – пробка, наконец, рассеялась, – и вообще, хватит страдать, товарищ Вальд, на ней свет клином не сошелся. В Лондоне есть Луиза Бромли... – он вспомнил, что кузен Питер охраняет Луизу лучше Банка Англии:

– К ней и не подойти, – недовольно подумал юноша, – но Питеру ничего не светит. Ясно, что Луиза ждет возвращения Сэма. У Питера шансов мало, впрочем, как и у меня. Лаура почти монахиня, а подружки Полины еще девчонки. Жаль, что я не попросил Тикву познакомить меня с какой-нибудь ее соученицей. Ворон, кажется, так сделал и теперь расхаживает с доволь-

ной рожей... – Джон прибавил газу, – но в Москве тоже есть девушки. Например, дочки дяди Эмиля. Если они похожи на тетю Розу, они королевы красоты, как теперь говорят... – насвистывая себе под нос:

– Someone to love, somebody new... – Джон погнал машину на Ганновер-сквер.

Лампа под зеленым абажуром бросала мягкий отсвет на безукоризненное сукно стола, на начищенный серебряный прибор для письма. В подножие вещицы врезали золоченую табличку: «Мистеру Питеру Кроу, эсквайру, по случаю его юбилея, от совета директоров компании «К и К». Насколько знал Питер, его покойный отец не пользовался прибором:

– В восемнадцать лет он разгуливал по Кембриджу в черной рубашке штурмовиков Мосли, – смешливо говорила мать, – потом уехал в Германию, потом началась война... И вообще он предпочитал печатать на машинке или писать паркером... – рядом с блокнотом Питера, в крокодиловой обложке, с таким же, как на приборе, тиснением, тоже лежала автоматическая ручка.

Его будущий кабинет содержали в полном порядке. Террасу, выходящую на Темзу, закрыли на зиму, оливы в кадках укутали холстом. В камине горели кедровые дрова, на стене блестели рамки королевских патентов и свидетельств об изобретениях. Подросток часто заглядывал в офис «К и К», по соседству с церковью святой Елены:

– Я даже уроки здесь делаю, – хмыкнул Питер, – хотя из дома почти все разъехались, но Ник и Полина еще те трещотки. С ними не сосредоточишься, а в конторе тишина. Жаль только, что собаку сюда не привести... – Шелти почти всегда выгуливал Питер, поднимавшийся до рассвета. Он любил утренние часы, когда дом еще спал:

– Остальные ленивцы, валяются в постелях, пока могут, но Максим тоже ранняя пташка... – братья привыкли готовить завтрак вместе и вместе выпивать первую чашку кофе, – хорошо, что он сегодня приезжает из Кембриджа... – Питер скучал по старшему брату:

– С ним будет Ворон, – подросток усмехнулся, – но тот дома не сидит. Он пропадает в клубах и на танцуйках... – баронету никто не давал его пятнадцати лет:

– Ворон выглядит на восемнадцать, и он куда угодно просочится, у него язык без костей... – сам Питер такими развлечениями не интересовался:

– Мне надо закончить школу, получить в управление компанию, поступить в Кембридж... – учиться он собирался почти заочно, – и сделать предложение Луизе... – Питер в прошлом году признался матери, что хочет пойти на производство:

– Оператором на химический завод, наладчиком, сборщиком, – он улыбнулся, – мне надо знать весь процесс от начала и до конца. Я буду одновременно учиться и работать, не волнуйся, а потом пересяду за конторку, к юристам и экономистам... – он почесал кончиком паркера хорошо подстриженный каштановый висок:

– Луиза останется в университете, – вздохнул подросток, – она не согласится уйти из Кембриджа и поехать со мной на север. Но и не надо, в конце концов, у нее есть обязанности перед их компанией, то есть юридической фирмой...

Питер аккуратно расчертил лист блокнота на две колонки, снабдив их плюсом и минусом. Минус был единственным, но жирным. После их с Луизой свадьбы семье пришлось бы поменять юридическую контору:

– «К и К» тоже надо переводить в другую фирму, – недовольно покрутил головой Питер, – это большие расходы. Таких скидок, как Бромли, нам никто не даст, они чуть ли не три века нас обслуживают... – ручка заколебалась над блокнотом, – а теперь все придется менять из-за моей прихоти, то есть чувства... – он вспомнил светлые волосы Луизы, строгие очки в золотой оправе:

– Она мне не откажет, – уверенно подумал Питер, – я четвертый по богатству человек в Англии, и намереваюсь стать первым. Более того, я считаю, что женщины в профессиональ-

ной сфере достаточно прозябали на вторых ролях. Пусть Луиза делает карьеру, она станет отличным адвокатом, главой семейной фирмы. Дети... – подросток задумался, – для детей всегда можно нанять нянь... – он не очень представлял себе мать, ставшую бабушкой:

– У Луизы настоящая бабушка, – подросток все смотрел на колонки, – миссис Бромли никогда в жизни не работала, она посвятила себя семье. Но мистеру Бромли этим годом семьдесят восемь лет, а она немногим младше. Скоро Луиза может остаться совсем одна. У нее есть тетя, но вряд ли миссис Кэтрин вернется из Америки... – Питер, правда, не ожидал, что мистер Бромли умрет, не передав внучке контору:

– Он ходит в оперу с женой и устраивает званые обеды, не говоря о том, что в восемь утра он уже на работе, – хмыкнул Питер, – их поколение нам не чета, как и Волк с мамой. В те времена люди были другими... – он вспомнил юного Ворона:

– Если бы шла война, он бы не повалялся в кровати как сейчас. В наши годы мальчишки партизанили, взять хотя бы дядю Михаэля в Израиле... – Питер, наконец, перечеркнул минус:

– Я оправдаю расходы перед советом директоров, – решил он, – и у нас будет скромное венчание. Никаких восточных оркестров и парчовых халатов... – Питер откинулся на спинку кресла, – устроим маленькую церемонию, в церкви святого Георга или в Мейденхеде, и семейный обед... – на задней странице блокнота Питер давно составил объявление для газет:

– Мистер Максим Волков... – он оставил место для будущего звания королевского адвоката, – мистер Филип Бромли, королевский адвокат, и миссис Филип Бромли рады сообщить о помолвке его пасынка, мистера Питера Кроу, эсквайра и их внучки, мисс Луизы Бромли... – мать, по соображениям безопасности, избегала упоминаний в прессе:

– Но все придется отложить, – понял Питер, – если Теодор-Генрих не даст о себе знать. Тогда вместо венчания я поеду в СССР, то есть я и Максим... – они считали себя обязанными найти старшего брата:

– Помолвку все равно можно отпраздновать, – успокоил себя подросток, – а Луиза меня подождет... – инкрустированный янтарем телефон на столе затрещал:

– Когда я стану главой компании, я все поменяю, – напомнил себе Питер, – мы поставим более скромные аппараты. Надо расспросить Инге, когда он вернется из Копенгагена, о будущем вычислительных машин, то есть компьютеров. Он говорил, что когда-нибудь их станут носить в портфелях, а телефоны в карманах... – пока в портфеле Питера лежал конверт, доставленный из Кенсингтона, от Адели и Генрика:

– Места на их рождественские концерты в Альберт-Холле, – довольно подумал подросток, – мы туда пойдем семьей, но еще я приглашу Луизу... – секретарь из вестибюля вежливо сказала:

– Мистер Волков и сэр Стивен Кроу... – они встречались в Сити, чтобы отправиться за рождественскими подарками:

– Сложим все у наследного герцога, – Питер поднялся, – и пронесем в дом по одному. Иначе от любопытства Полины и Ника не уберечься... – в трубке раздался какой-то треск. Он вздрогнул от громкого голоса кузена:

– Эсквайр, двигай задом, – бесцеремонно велел Ворон, – нас ждет такси, а не все такие богачи, как ты... – Питер отозвался:

– Не ори, я спускаюсь... – заперев дверь кабинета, он пошел к личному лифту... – невысокий, легкий, с прямой спиной. Ступив в кабину, Питер поправил перед зеркалом и без того ровный галстук:

– Когда можно будет заказывать подарки по телефону? То есть можно, но в магазины не дозвониться, а в ноябре они еще не открывают линии. Очень неразумно с их стороны... – накинув непромокаемую куртку, натянув на голову кепи, он подмигнул своему отражению:

– Луизе понравится мой выбор... – он дарил будущей невесте антикварное латинское издание речей Цицерона, – а на помолвку она получит от меня самое лучшее кольцо... – баро-

нет дымил сигаретой, рассматривая возвышающийся в вестибюле земной шар. Рядом с такси виднелась светловолосая голова брата. Холодно сообщив кузену: «Здесь не курят», Питер нырнул во вращающиеся двери здания «К и К».

Шетландская овчарка свернулась клубочком под заваленными книгами и тетрадями столом. На ковре валялись шкурки мандаринов, серебрилась фольга шоколадной плитки. Треск пишущей машинки умолк, Полина потребовала: «Слушай». Девочка громко прочла:

– Новый президент США Линдон Джонсон, в недавней речи, пообещал поддержку силам, стремящимся расколоть Вьетнам и сделать из страны новую Корею. Америке стоит вспомнить о десятках тысяч убитых на корейской войне и задать себе вопрос – стоит ли в очередной раз бросать жизни своих граждан в топку фобии так называемого коммунистического влияния...

Ник бросил в рот дольку мандарина:

– Топка фобии неплохо получилась, – одобрительно сказал подросток, – но ученический листок Квинс-колледжа никогда такого не напечатает... – Полина сладко улыбнулась:

– Ученический листок Квинс-колледжа годится только на фунтики для семечек, как говорит Волк. Нет, – она положила изящную руку на машинку, – это пойдет в «Лейбористский рабочий»... – по мнению Полины газету давно надо было переименовать в «Социалистический рабочий»:

– Лейбористы никакого отношения к социализму не имеют, – заявила она старшему брату, – они стали такими же капиталистами, как и тори... – Маленький Джон фыркнул:

– Не в твои года рассуждать о политике, и вообще, зачем тебе писать такие статьи... – он пожал плечами, – у тебя отлично выходят рассказы для девочек... – Полина вздернула нос:

– Тетя Тони не разменивалась на дребедень, а сразу стала работать над большой книгой. Я собираюсь поступить похожим образом... – Полина завела папку, куда аккуратно складывала вырезки из газет. Она следила за Южной Америкой и особенно за команданте Че, как его называли в прессе:

– Тетя Тони брала интервью у Троцкого, а я поеду к Че Геваре, – давно решила Полина, – Аарон Майер хочет сделать о нем фильм. Лента станет сенсацией на экране, а я обеспечу сенсацию в газетах... – рядом с довоенной фотографией отца Полина пристроила старый снимок тети Тони в строгом платье. Коротко стриженные волосы прикрывала беретка, она носила на плече планшет:

– Волк и тетя Марта помнят ее такой, – поняла Полина, – она сражалась с Волком в его партизанском отряде, в России... – Полина думала о тете с восхищением:

– Тогда для журналиста было больше возможностей, – грустно заметила она Нику, – испанская война, мировая война. Сейчас не осталось ничего интересного... – кузен сухо отозвался:

– Очень хорошо, что так. Не забывай, на войне гибнут люди... – Полина поинтересовалась:

– Что ты читаешь... – кузен сидел на полу, обложившись книгами из недавно полученной посылки. Доктор Эйриксен отправлял ученику, как он говорил о Нике, все научные новинки. Подросток рассеянно передвинул фигуру на шахматной доске:

– Читаю про радиоактивный распад мезонов... – Полина, закатив глаза, вернулась к пишущей машинке. Дома было тихо:

– Мама... – Ник всегда называл Марту именно так, – заперлась с Маленьким Джоном в кабинете, Волк гоняет Максима в библиотеке, готовит его к зимним экзаменам, – Ник мимолетно улыбнулся, – в следующем году мне предстоит вступительные испытания... – он, как и его покойная мать, намеревался покинуть школу в четырнадцать лет:

– Оставаться в классах смысла нет, – хмыкнул подросток, – у меня отдельная программа по математике и физике, а с сочинением я справлюсь, спасибо дяде Джованни... – дядя занимался с ним английским и латынью:

– Ворон куда-то ускакал после обеда, наверное, на свидание... – Ник вернулся к расставленным на доске фигурам, – а Питер сказал, что у него дела. Должно быть, он встречается с Луизой...

По окну ползли потеки растаявшего снега. Нику всегда было грустно в ненастье. Он мало что помнил из детства:

– На островах тоже случались метели, – пришло ему в голову, – нелетная погода, как говорил папа... – он почувствовал прикосновение большой, ласковой руки отца. Они с Мартой сопели, прижавшись к друг другу под толстым одеялом. Рядом с кроваткой шумно вздыхал Пират:

– Папа пел нам русскую колыбельную про котика, – подросток поморгал, – мама приходила из кабинета, они сидели рядом, а мы с Мартой засыпали... – ему послышался далекий, нежный голос матери. На узких ладонях, на тонких пальцах, темнели пятна чернил:

– Мамы больше нет, – напомнил себе Ник, – и папы нет и Марты. Ребенком я думал, что их могли похитить инопланетяне, как в «Докторе Кто» ... – они смотрели новые научно-фантастические серии по телевизору, – но это ерунда, их убили русские. Я и шагу в СССР не сделаю после такого... – Ник знал, что в СССР его никто и не пустит:

– Закончив Кембридж, я останусь в лаборатории Кавендиша, заниматься теоретической физикой. Я тоже буду засекречен, как мама. Но на континент мне надо выбраться, меня ждут в Мон-Сен-Мартене...

Письмо, вложенное в монографию о мезонах, пришло именно из Мон-Сен-Мартена:

– Мы зажигаем ханукальные свечи, – читал Ник ровный почерк, – у Мишель в этом году появился собственный светильник... – она стояла над ханукией, слегка улыбаясь. Темные волосы падали на плечи девочки, огоньки свечей переливались в стеклах пенсне:

– Тетя Лада очень хорошо владеет камерой, – Нику тоже нравились фотографии, – мы шутим, что, когда поселковый фотограф уйдет на покой, она займет его студию. Маргарита прислала ханукальные подарки из Африки, – продолжала Роза, – а я составила новый этюд, подарок тебе на Рождество, – по мнению Ника, этюд был очень хорошим. Пальцы мальчика заколебались над черной королевой, он достал из письма журнальную вырезку.

– Я утатила у папы американский журнал по психологии... – Роза собиралась стать психологом, как ее покойная мать, – там очень интересная статья про эксперимент, проведенный в США... – Ник внезапно спросил:

– Полина, как бы ты поступила, если бы тебе велели бить меня током? Например, за неправильные ответы на вопросы? Мама бы велела, или Волк... – кузина выдула пузырь жвачки:

– Что за чушь ты несешь, – сочно сказала девочка, – тетя Марта или Волк никогда бы в жизни такого бы не сделали... – Ник почесал золотисто-рыжие кудри:

– Хорошо, не они, а кто-то из твоих учителей в школе... – кузина ухмыльнулась:

– Сунула бы электроды им в рожу... – Роза писала мелким, четким почерком:

– Папа сказал, что именно поэтому и уничтожали евреев. Люди всегда выполняют приказы, даже самые жестокие. Но папа считает, что, все равно, всегда найдутся те, кто откажется причинять боль другим людям... – Ник все смотрел на ее фотографию:

– В следующем году я поеду в Мон-Сен-Мартен, – внезапно решил подросток, – с охраной все как-нибудь устроится. Летом, когда там все цветет. Мы с Розой поднимемся на Ботранж, полазим по пещерам... – Ник поймал себя на улыбке, – она ходит в скаутский отряд и знает тамошние края... – передвинув фигуры, Ник сверился с записью этюда:

– Все верно, – сказал себе подросток, – белые начинают и выигрывают.

В полуоткрытую дверь библиотеки из рабочего кабинета матери доносилось монотонное чтение:

– Три миллиона пятьсот семьдесят... – голос заколебался. Максим едва не крикнул кузену: «Тысяч!». Маленький Джон справился сам:

– Тысяч, – уверенно продолжил юноша, – пятьсот семьдесят тысяч тонн хлопка – Родине... – Максим услышал широкий зевок. Кузен оживился:

– Тетя Марта, смотрите, здесь об убийстве Кеннеди... – Маленький Джон каждый вечер читал матери советские газеты:

– Для практики в языке, – подумал Максим, – акцент у него слышен, но советские немцы в семьях говорят на немецком языке, на старом диалекте. Товарищ Ян Вальд не вызовет подозрений, у мамы русский родной, а тетя Вера разыгрывает глухонемую...

Максим не заикался о своем участии в миссии:

– Бесплезно, – понял юноша, – сейчас меня никто никуда не отпустит...

Они с Питером слышали об истинной цели командировки матери, но младшие, как они звали Полину и Ника, оставались в неведении:

– Меньше знаешь, лучше спишь, – хмыкнул Максим, – мы не проболтаемся, а они могут... – в библиотеке горел камин. Волк проверял его работу по римскому праву для зимней сессии. Максим незаметно изучал невозмутимое лицо отца:

– Он говорит, что вернулся в подполье, – юноша знал о некоем мистере Миллсе, – а маму ранили в Далласе, на линии огня, – Максиму было неловко, что родители, немолодые, по его мнению, люди, рискуют жизнью.

– Бабушка Анна сидит на острове и никуда не ездит, а папа еле вырвался из СССР. Теперь еще и мама туда отправляется... – семейные портреты, с комодом черного лака, расписанным драконами, перенесли в библиотеку. Мать исправно раскладывала письма по ящичкам, с выстуканными на машинке ярлычками:

– Нью-Йорк, Париж, Израиль, Сиэтл, Мон-Сен-Мартен... – Максим знал, что его дядя Петр сейчас в Канаде:

– Он прячется от ФБР, но мама не сказала, почему... – покосившись на отца, он взял сигарету, – у нас в семье это стало традицией. Покойный дядя Меир от них скрывался, а теперь Петя бегаёт от Гувера и компании...

Щелкнула зажигалка. Отец вздернул бровь, но ничего не сказал. Максим полюбовался тонкой фигурой матери на портрете. Ветер развевал бронзовые волосы, за ее плечами бился рыбацкий бушлат. Мать смотрела в морской простор:

– Дедушка говорит, что картина в стиле Серова, – вспомнил Максим, – а остальные портреты семнадцатого и восемнадцатого века. Только следующей Марты здесь не появится, наша Марта погибла... – над камином висел короткий кортик с золоченым эфесом, украшенным наядами и кентаврами. Мать не разрешила юному Ворону забрать оружие в кадетскую школу:

– Во-первых, там не разрешают держать при себе такие вещи, – объяснила она, – а во-вторых, здесь реликвии надежней. Закончишь военную академию, станешь пилотом и забирай клинок на здоровье... – Ворон недовольно что-то пробурчал, но спора не затеял:

– Он, наверное, отправился на танцуйки... – Максим выдохнул дым, – а Питер поехал в Сент-Джонс-Вуд, к Луизе. Они, скорее всего, пошли в кино... – брат хотел посмотреть «Воскресенье в Нью-Йорке»:

– Луиза напоминает Джейн Фонда, – усмехнулся Максим, – они могут сейчас целоваться... – брат, как и Ворон, не распространялся о личной жизни, но не скрывал, что хочет сделать предложение Луизе. Максим очнулся от веселого голоса отца:

– Пару абзацев надо отшлифовать, но, в общем и целом, неплохо, дорогой будущий адвокат... – Максим велел себе: «Вот сейчас». Об их с Питером плане никто не знал, однако он не собирался скрывать от родителей главного:

– Маме я об этом говорил, – вздохнул подросток, – а теперь и папа услышит... – он закрыл лежащий у него на коленях «Один день Ивана Денисовича». Максим откашлялся:

– Я стану адвокатом, да... – он увидел смешинку в ярких глазах отца, – но я хочу работать на правительство... – Максим встряхнул белокурой головой, – то есть под началом мамы. Не всегда, – торопливо поправил он себя, – ты не волнуйся, – отец улыбался, – контору ты мне успеешь передать... – Волк забрал у сына сигарету:

– Хватит тебе, – сварливо сказал он, – я, в общем, и не волнуюсь... – он окинул Максима долгим взглядом:

– Мне, значит, придется еще лет тридцать работать, – весело сказал Волк, – но что с тобой делать, милый? Отправляйся под начало к маме... – Максим хотел прибавить, что знает языки и умеет стрелять, но прикусил язык:

– Папа все понимает, незачем зря тратить слова и время... – большая рука отца похлопала по креслу:

– Иди сюда, – ласково попросил Волк, – посиди со мной... – подвинувшись, он обнял сына. Максим привалился головой к надежному плечу:

– Надо всех найти и привезти домой, – тихо сказал он, – это мой долг, папа, то есть наш долг... – Волк, как в детстве, погладил его по голове:

– Да, милый... – он послушал гудение пламени, – как любит говорить твоя мама, делай, что должно, и будь что будет... – они посидели, не разнимая рук, глядя на огонь в камине.

Пустынную Харли-стрит поливал ледяной дождь. Хлопья мокрого снега таяли на капоте Maserati Mistral, цвета голубиноного крыла, с номерной табличкой MOZ ART. Машину припарковали у белых колонн, осеняющих вход в докторскую практику.

Забросив ногу на ногу, попивая хорошо заваренный кофе, Тупица изучал рождественские открытки под пышной елочкой, перемигивающейся огоньками гирлянд. Подписи на дорожных карточках были ему знакомы:

– Скрипачи, пианисты, певцы, – он узнавал фамилии приятельниц Адели по труппе Ковент-Гардена, – профессор Люмсен чуть ли не лучший специалист по слуху в Британии, – скрипела ручка доктора.

Генрик откашлялся:

– Простите, что я заставил вас прилететь в Лондон перед Рождеством, – Люмсен работал в Эдинбурге, но держал кабинет в столице, – однако мне показалось, что есть какие-то проблемы.

Врач благодушно отозвался:

– Мы с семьей все равно послезавтра отправляемся в Италию из Хитроу. Жаль, что придется пропустить ваши праздничные концерты, но на обратном пути мы не преминем сходить в оперу.

В этом сезоне Адель пела принцессу Эболи в «Доне Карлосе». Обычно партию получали меццо-сопрано, но, по словам режиссера, голос жены стал таким сильным, что она могла справиться и с этой ролью.

– В любом случае, – весело сказал режиссер, обедая у них в Кенсингтоне, – партия Елизаветы не ваша стезя, миссис Майер-Авербах. Она юная девушка, олицетворение невинности, а вы настоящая валькирия... – Генрик заметил красные пятна на щеках Адели:

– Она болезненно переносит намеки на вес, – вздохнул Авербах, – лечение гормонами закончилось, но набранные килограммы остались... – никакой беременности не произошло:

– Это из-за нее, – в который раз сказал себе Генрик, – у меня все в порядке благодаря русскому лекарству. Дора ждала моего ребенка, но произошло несчастье... – приехав в Москву на конкурс Чайковского он не просил о встрече с девушкой:

– Пошла она к черту, – думал Авербах, – много чести за ней бегать. Хватит рисковать, вспомни, что случилось в Гамбурге... – он понятия не имел о судьбе Магдалены Брунс:

– И я не собираюсь таким интересом, – Генрик допил кофе, – она опасная сумасшедшая. Придумала себе, что она якобы моя сестра. Упаси меня Бог от таких родственников, она хотела примазаться к моему имени... – на конкурсе он получил новую упаковку таблеток:

– Откройте ящик на лондонском почтамте, – гласила записка на пакете, оставленном в его апартаментах в «Метрополе», – сообщите номер по этому телефону и забирайте посылки два раза в год... – Генрик последовал совету:

– Я ничего дурного не делаю, – успокаивал себя Тупица, – навещаю Америку, я только звоню по телефону и рассказываю о разговорах в творческой среде... – у Генрика не было времени интересоваться искусством или литературой:

– Все обсуждают Солженицына, а я его даже не читал, – пришло в голову Тупице, – какое чтение, когда у меня по десять часов репетиций и концертов в день... – сюда он приехал тоже с репетиции:

– Адель покупает подарки, – он скосил глаза на часы, – надо будет все сложить в машину для удобства... – они ехали в Хэмпстед на праздничный обед:

– В честь Хануки и приезда Лауры... – Генрик забирал жену с Риджент-стрит, – потом нас ждет большое Рождество... – Адель считала, что он пошел стричься:

– У меня длинные волосы... – темные кудри падали на его кашемировый свитер, – она не заметит разницы... – врач отложил ручку:

– Не извиняйтесь, мистер Авербах, – он подмигнул Тупице, – ваша братия мнительные люди. В конце концов, ваши гонорары зависят от слуха. Но у вас все в полном порядке... – Генрик внезапно подумал:

– В порядке, если верить машинам, но у меня самый тонкий слух в мире. Никто, кроме меня, не ощутит никаких заминок... – он заметил что-то странное еще на конкурсе Чайковского:

– Но ни один музыкант в мире не уловит того, что ловлю я, – Тупица достал чековую книжку, – папа мог, но папы больше нет. Он прошел все круги ада ради меня, он согласился работать на русских, чтобы я жил. Он бы обрадовался внукам... Господи, – рука Генрика замерла, – пожалуйста, помогите нам. Если у нас появится ребенок, я никогда больше не посмотрю на других женщин, обещаю, – он видел тоску в темных глазах жены.

– Адель о таком не говорит, но ей тоже тяжело, – понял Генрик, – у нас нет своего ребенка, и она не может помочь Сабине. Хотя она вряд ли бы отдала дитя, пусть и сестре... – выписывая чек, он сказал себе:

– Профессор прав, все ерунда. Я устал, мне надо отдохнуть... – Генрик подул на чернила:

– Но какой отдых? Все поедут в Мейденхед, а мы с Аделью остаемся в городе из-за концертов и оперных представлений. В январе мне надо быть в Скандинавии на гастролях. Ладно, я хотя бы увижу Инге и Сабину... – сбросив чек в ящик стола, врач спохватился:

– Совсем забыл. Вы принимаете какие-то лекарства, мистер Авербах... – Тупица снял с вешалки роскошную куртку, подбитую канадской норкой:

– Нет, профессор Люмсен, не принимаю, – он обаятельно улыбнулся, – только редкое снотворное при трансатлантических перелетах... – Люмсен пробормотал:

– Это не в счет. Счастливых праздников, мистер Авербах... – Генрик кивнул: «Вам тоже». Люмсен проводил глазами изящно посаженную голову:

– Он великий музыкант. Да, у него обостренная чувствительность, но сейчас он все себе придумал, – заварив еще кофе, профессор вернулся к историям болезней.

На персидском ковре гостиной дома в Хэмпстеде лежали деревянные палочки.

– Два и два будет четыре, – гордо сказала Эмили Мэдисон, – меня мама научила. Смотри... – девочка завозилась, – сколько будет два и три... – Пауль медленно посчитал на пальцах:

– Пять, – он улыбнулся, – будет пять... – Чарли Мэдисон устроился на диване, покрытом марокканским ковром. Болтая ногами, грызя предобеденный леденец, мальчик не поднимал головы от старой книги, исчерканной цветными карандашами:

– Великие мореплаватели, – гравюры неаккуратно раскрасили, – история географических открытий... – Вера в очередной раз сказала себе:

– Им здесь будет хорошо. Миссис Клара и мистер Джованни замечательные люди, у малышей отличная детская. Они сразу потянулись к Томасу, – кот потерял о ее ноги, – и Пауля, действительно, не оторвать от малышей.

Чарли и Эмили навестили мастерскую в садовом домике, им показали закрытый на зиму пруд и фонтан:

– Мы с вами будем ходить в парк, – добавила Клара, – на площадку. Туда приводят ослика, вы покатаетесь на тележке... – Чарли запрыгал:

– И на карусели! И я люблю сахарную вату, тетя Клара... – Вера сжала худые пальцы:

– Потом начнется весна, – ласково сказала миссис Майер, – мы высадим овощи, я покажу вам ульи... – в кладовой стояли банки с, как весело говорила Клара, хэмпстедским медом

– После Рождества поедете в Мейденхед, – пообещала Марта малышам, – у нас там речной дом. Дедушка Джованни займется с вами чтением и письмом... – Пауль увел детей в гостиную. Джованни, зажигая сигарету, смешливо заметил:

– Мне пошел восьмой десяток. После отставки я превратился в настоящего дедушку... – Марта заметила тень в глазах дяди:

– Один внук у него в Африке. Потом Джо поедет в Гонконг, а дядя Джованни не может привести семью в квартиру на набережной Августинок, к Пьеру. Старшая Лаура непреклонна, до чего упрямая женщина... – покинув Британский музей, мистер ди Амальфи принялся работу над семейным архивом:

– В музее было легче, – однажды признался он Марте, – в Мейденхеде, в подвале, со времен бабушки Марты ничего не разбирали, не говоря о том, что половина документов переехала в государственные сейфы. Но семейную хронику я напишу или, по крайней мере, начну... – родословное древо занимало несколько больших музейных папок. Впервые увидев его полностью, Марта зажмурилась:

– Пока больше добавлять некого... – дядя Джованни указал на маленький листок с именем Ирены Горовиц, – она самая младшая... – имя Марты Смит, как она значилась на древе, обвели черной каймой:

– Я ничего не могу говорить Нику, – вздохнула Марта, – у меня нет точных сведений. Одна тетрадка с зашифрованным именем Марты Журавлевой ничего не значит... – она подумала, что может наведаться в Куйбышев:

– Оставлю Веру и Джона у надежных людей и предложу обменять Марту на его обязательство о работе... – Марта раздула ноздри. Обязательство, написанное Журавлевым в сорок пятом году, покоилось в сейфах Набережной:

– Журавлевы могут знать, где Маша, – поняла Марта, – если ей не удалось уйти от Комитета на Урале, ее могли вернуть под родительское крыло... – Марта начертила в блокноте схему:

– Волк все одобрил, Механик тоже со мной согласился, – хмыкнула она, – начинаем с ЦУМа и квартиры Лопатиных на Арбате... – по словам Волка, у его светлости имелся адрес Алексея Ивановича Лопатина:

– Он должен быть стать московским смотрящим, – заметил муж, – он человек основательный, все его уважали. Джон мог его найти и попросить о помощи... – в ЦУМе Марта хотела отыскать Виктора, сына Марсея:

– Может быть, Нина жива, – поняла она, – но даже если она не отпустит парня с нами, мальчик должен знать, что его отец в порядке... – Монах тоже, разумеется, собирался отправиться в СССР, но Марта ему запретила:

– Сиди в шахтерской глуши и расти девчонок, – сказала она Эмилию по телефону, – Аннет и Надин мы тебе привезем, не волнуйся... – в миссии пригодился бы Виллем, но Марта не хотела оставлять, по ее выражению, Африку без присмотра. Волк считал, что его нескоро позовут на сборище беглых нацистов:

– Сначала Краузе еще раз со мной встретится, – заметил он Марте, – может быть, он притащит кого-то из беглых нацистов... – муж скривился, – но вряд ли Максимилиана. Для него такие, как Зигфрид, мелкая сошка, расходный материал... – Хана обещала немедленно связаться с Лондоном в случае, если Краузе привезет в Америку какие-то документы:

– От особняка она отказалась, – хмыкнула Марта, – но и в своем гарлемском пристанище она сможет сфотографировать его бумаги... – в Африке обретались Шмуэль и Маргарита, туда ездила Ева, но Марта не могла положиться на врачей или священника:

– Или на Джо, сидящего на шахтах, – напонила себе она. – Виллем воюет в тех краях, он знает все вокруг и будет держать глаза и уши открытыми. Вдруг Шуман или Рауфф опять заглянут на экватор, – Марта бросила взгляд на бледное лицо Веры.

Сердце заныло. Она вспомнила, как провожала Теодора-Генриха на зональную границу:

– Я его увижу, – твердо сказала себе женщина, – и Вера увидит своих ребятишек. Все будет хорошо, мы вернемся домой... – она шепнула женщине:

– Мы успеем покурить. Джон привезет младших с Ганновер-сквер, Волк и Максим вернуться из Хитроу, – муж и сын встречали Лауру, – появится Питер с устрицами... – наследник «К и К» отправился на Биллинггейт, – и сядем за стол... – спускаясь по скрипучей лестнице старого дуба, Марта положила руку на перила:

– Максим поехал в аэропорт. Ему нравилась Лаура, я по глазам его видела. Бесполезно, даже Клара, кажется, смирилась с тем, что девочка примет обеты... – по ногам пахло холодом, она услышала красивый баритон Генрика:

– Вот и мы! Надеюсь, для служителей Мельпомены найдется кофе перед обедом... – мелькнула шубка коричневого соболя. Клара строго сказала:

– Адель, шарф не снимай, вдруг сквозняк... – Марта помахала: «Мы сейчас придем!».

На выложенном плиткой рыночном полу таял лед. Под стеклянными сводами рынка Биллинггейт шумела толпа. Распахнув куртку, Питер расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Юноша никогда не снимал старого крестика потускневшего золота:

– Пара к нему погибла с Мартой, – грустно подумал он, – теперя распятия никогда не соединятся... – мать надеялась вернуть семейное кольцо с синим алмазом, украденное Максимилианом фон Рабе.

– Но икону Богородицы дедушка у него отобрал. Кольцо он тоже отдаст, рано или поздно. Реликвия должна вернуться в Париж, к Пьеру, – закончив летом лицей святого Людовика, кузен тоже решил подождать с университетом.

– Мама, разумеется, была против, – вспомнил Питер строки из письма, – однако Джо следующим годом защищает докторат, что ее немного умиротворило. Я обещал, что пойду в Эколь де Лувр, когда получу первое офицерское звание в полиции. Занятия живописью и реставрацией я не оставляю, хотя времени у меня не так много, если и вовсе нет...

Кузен охранял порядок в самом, по его выражению, бойком месте, на острове Ситэ:

– Меня отправили в комиссариат четвертого аррондисмана, потому что я знаю языки, – Пьер нарисовал веселую рожицу, – у нас не протолкнуться от туристов, а я почти единственный, кто может с ними объясниться... – кузен намеревался одновременно учиться в полицейской академии и Эколь де Лувр:

– Став детективом, я перееду на набережную Орфевр и, наконец, займусь поисками нашей коллекции... – пока от собраний деда и покойного дяди Мишеля осталось ровно две картины:

– Кандинский в Америке, а этюд Моне висит у Пьера на набережной Августинок, – вздохнул Питер, – хотя дедушка за пятнадцать лет собрал неплохую коллекцию современного искусства... – сам Питер предпочитал искусство старое:

– Гейнсборо и Тернера, как в замке у Маленького Джона, – он взглянул на часы, – или картины бабушки Изабеллы... – Питер любил ходить в Национальную Галерею к портрету мадемуазель Бенджаман:

– Вчера вечером я туда заглянул, потому что Луиза была занята... – позвонив в Сент-Джонс-Вуд с приглашением в кино, он не застал Луизу в особняке:

– Она на дне рождения у соученицы, милый, – объяснил мистер Бромли, – вернется поздно. Но завтра она, кажется, весь день будет дома... – набрав номер Бромли в одиннадцать утра, он услышал длинные гудки:

– Теперь я промедлил и не куплю устриц, – недовольно подумал Питер, – ладно, я знаю, куда мне надо отправиться. Заодно и перекушу...

Рынок сворачивался. Здоровые ребята в испачканных рыбой, застиранных халатах, таскали пустые корзины. Домохозяйки в старых пальто, с плетеными сетками, торговались за остатки рыбы в деревянных ящиках. Нырнув под вывеску «Устрицы, угри, креветки, краб, ракушки, лобстер», толкнув тяжелую дверь, Питер оказался на Лоуэр-Темз-стрит. Отсюда было несколько минут хода до Патерностер-роу и бывшего подвальчика Скиннера, а ныне ресторана «Берри в городе». Питер был уверен, что у мистера Берри найдутся устрицы:

– Они не пользуются рынком, у них поставщики с побережья, – в лицо ударил ледяной ветер, – добегу туда и возьму такси в Хэмпстед. По дороге сжую пирог с угрем, а то я проголодался...

При ресторане имелась забегаловка с выложенными белым кафелем полами и мраморными прилавками. В обеденное время по Патерностер-роу вилась очередь клерков из Сити, ожидающих порции румяного пирога, картофельного пюре на картонной тарелке с лужицей зеленого соуса из петрушки и мисочки маринованных яиц с солодовым уксусом:

– И чай, такой, как положено, – Питер поймал себя на улыбке, – крепкий, с молоком и тремя ложками сахара... – у него заурчало в животе. Школу распустили на каникулы, но Питер все равно поднимался до рассвета. Он выгуливал собаку и готовил завтрак для семьи:

– Я завтракал в шесть утра, – подросток взглянул на часы, – а сейчас почти полдень. Я завоzilся в конторе с новыми отчетами из Ньюкасла...

Питер читал все материалы, обсуждаемые на совете директоров компании. У него пока не было права голоса, однако он заметил, что к его мнению прислушиваются:

– Мама рассказывала, что у папы тоже так было, – вспомнил Питер, – он никогда не повышал голос, но ему и не требовалось. Когда он говорил, все замолкали... – Питер подумал о любимом выражении отца:

– Неважно, кто виноват в ошибке. Важно, что вы сделали, чтобы ее исправить... – он довольно хмыкнул:

– Но я не делаю ошибок, ни в учебе, ни в остальном. Я все рассчитал и вычислил, Луиза станет мне самой подходящей женой. И я ее люблю, конечно... – несмотря на субботу, на узком тротуаре Патерностер-роу, под золочеными буквами: «Пирог и Пюре от Самюэля Берри», теснились желающие отведать угрей с картошкой:

– Здесь все туристы, – Питер пробился ко входу в ресторан, – Берри теперь упомянут во всех путеводителях. Они взяли нашу эмблему, немного ее изменив... – глава рекламного отдела компании на совещании весело сказал:

– Мы не протестовали. В конце концов, птица есть птица, а рисунок у них другой. Тем более, они как раз и называются «Золотым Вороном» ... – Питеру немного не нравилось, что рестораны пользуются похожим, как теперь говорили, логотипом:

– Мы серьезная компания, а они всего лишь повара... – в вестибюле ресторана блеснули знакомые, светлые волосы:

– Что Луиза здесь делает, – удивился Питер, – пришла пообедать с бабушкой и дедушкой... – стряхнув капли воды с кепки, он шагнул внутрь.

В такси они устроились на разных сторонах сиденья. Питер поставил между ними деревянный ящик с пересыпанными льдом устрицами.

В ресторане он полез за портмоне. Мистер Берри отмахнулся:

– Пять дюжин, ерунда. Твой отчим расплатится, когда придет на обед в очередной раз... – бывая в Сити, Волк часто заглядывал в бывшее заведение Скиннера:

– Владелец отправился на покой, – вспомнил Питер, – а ресторан, то есть бывшая рыбная лавка, стоит здесь чуть ли не со времен первой королевы Елизаветы. Они только во время блица закрылись, почти пять сотен лет на одном месте...

Луиза, по ее словам, заглянула к Берри договориться о доставке рождественской индейки:

– Я занималась в библиотеке Иннер-Темпля, – Луиза незаметно скрестила пальцы за спиной, – и решила прогуляться до Патерностер-роу... – девушка чуть не сослалась на хорошую погоду, но вовремя заткнулась.

Луиза разглядывала потеки мокрого снега на окне такси.

– Я себя чувствовала словно на перекрестном допросе в суде, – в библиотеку адвокатской ассоциации ее, школьницу, никто бы не пустил, но девочка надеялась, что бухгалтер, как она про себя называла Питера, не заинтересуется подробностями.

– Дедушка мог позвонить библиотекарю, он бы сделал исключение... – Луиза разозлилась:

– Почему я вообще об этом думаю? У меня слишком мягкий характер. Леона фыркнула бы и не стала ничего объяснять... – Луиза завидовала американской кухне:

– Тамошние парни простые, словно Ворон... – от подружек из Квинс-колледжа она слышала, что баронет не обижается на отказы в свидании, – им можно сказать нет, и они все поймут... – она предполагала, что Питер Кроу не знает такого слова:

– Он четвертый по богатству человек в Англии, – Луиза прикусила пухлую губу, – и намеревается стать первым. О планах Питера она услышала в прошлом году:

– Дедушке с бабушкой он нравится, – вздохнула Луиза, – они намекают, что ждут венчания... – на прошлой неделе Луиза слышала краем уха разговор бабушки с приятельницей, пришедшей к чаю:

– Милая моя, у нас незамужняя внучка на руках, – миссис Бромли нарезала кекс, – я обещала мистеру Бромли, что не умру, пока Луиза не пойдет к алтарю... – девочка почти весело подумала:

– Стоит оттянуть торжественный момент как можно дольше. Но с Сэмом я бы села на автобус в Гретна Грин, наплевав на мнение общества... – она комкала носовой платок в кармане пальто:

– На Рождество мы заперлись в кладовке... – девочка почувствовала краску на щеках, – он приехал с мистером Берри готовить званый обед для партнеров дедушки... – повара обычно не появлялись в столовой. Луиза почувствовала себя спокойно:

– Я бы не смогла сидеть за столом, обслуживай нас Сэм... – она молча смотрела вперед, Питер углубился в блокнот, – но их вызвали наверх, гости хотели похвалить обед... – Луиза вышла из столовой, сославшись на головную боль:

– Их с отцом не пригласили присесть, они стояли у двери, – девушка сжала руку в кулак, – Сэм потом сказал, что в Америке нам было бы легче... – Сэм нашел ее на черной лестнице особняка:

– Ерунда, – услышала Луиза горячий шепот, – не обращай внимания, любовь моя. Все еще изменится... – Сэм поднял девушку со ступеней, – пойдём, – он раскрыл ладонь, – у меня есть ключ от вашей кладовой... – такси миновало Сент-Джонс-Вуд:

– Весь город торчит в центре, в магазинах, – поняла Луиза, – поэтому нет пробки. Бухгалтер собирается отправить меня домой тоже на такси... – девушка согласилась поехать в Хэмпстед только из-за тети Марты:

– Бухгалтер сказал, что она будет на обеде, – Луиза скосила глаза в блокнот Питера, – он что, подсчитывает расходы на венчание... – юноша вычислял, – ладно, Лаура приезжает, а я ее давно не видела. И надо выведать у тети Марты, обиняком, может быть, что-то слышно о Сэме... – наследный герцог разводил руками:

– Все, что я знал, я тебе сказал, – хмуро заметил Маленький Джон, – из Ганы он уехал или его увезли... – Луиза вздрогнула, – а потом он сумел один раз позвонить по безопасному телефону, но связь была скверной... – Луиза повторяла:

– Джунгли. Сэм может быть, где угодно, в Африке, в Азии или в Южной Америке... – слезы закипели в глазах, – я даже ничего не успела спросить у мистера Берри... – девушка, впрочем, подозревала, что отец Сэма знает не больше ее:

– По телевизору он всегда улыбается... – бабушка Луизы смотрела кулинарную программу с мистером Берри, – но глаза у него грустные. Надо было нам прошлым годом сбежать в Гретна Грин. Мне исполнилось пятнадцать, Сэму семнадцать, но мы бы что-нибудь придумали, переправили бы мою метрику... – в Шотландии свадьбы заключали с шестнадцати лет, без согласия родителей или опекунов:

– Дедушка поднял бы на ноги всех законников Британии, – мрачно подумала Луиза, – и нашел бы зацепки для аннуляции брака. Он никогда в жизни не разрешит мне выйти замуж за Сэма. Ладно, сначала Сэм должен вернуться домой... – вспомнив кладовку, Луиза зарделась:

– До конца ничего не случилось, мы хотели дождаться венчания. Теперь неизвестно, случится ли вообще... – блокнот захлопнулся. Питер победно сказал:

– Как я и думал, я сэкономил на устрицах, даже с учетом стоимости такси. Цена за дюжину на Биллинггейте... – Луиза закатила глаза:

– Я не сомневалась, что сэкономил... – такси свернуло к парку. У особняка ди Амальфи стоял серебристый роллс-ройс тети Марты. Отвернув окно, Луиза высунулась наружу: «Лаура! Добро пожаловать домой!».

Еще в зала прилета аэропорта Хитроу, Максим заставлял себя не смотреть в сторону Лауры. Она появилась в декабрьской лондонской хмари, сверкая средиземноморским загаром и белыми зубами. Девушка небрежно размахивала дорожным саквояжем от Vuitton. Длинные ноги в сапогах мягкой кожи прикрывала скромная твидовая юбка. Она носила модную накидку, похожую на монашеский плащ:

– От Пьера Кардена, – улыбнулась Лаура, – зимняя коллекция этого года... – Максим видел, какие взгляды бросали на кутину мужчины:

– Я и сам не могу от нее глаз отвести, – тяжело вздохнул подросток, – но она на год старше меня и, кажется, твердо решила принять обеты... – усаживая ее в лимузин, он украдкой коснулся мягкой норки на рукаве накидки:

– Прошло время, когда мы играли в салки, – мрачно подумал юноша, – теперь ее даже касаться нельзя. По сравнению с ней я мальчишка, пусть и студент. Она ездила в Африку, работала в госпитале у Маргариты...

По дороге Лаура рассказывала о Леопольдивиле:

– Жары я не испугалась, дядя Максим, – заметила девушка, – хотя с римской ее не сравнить. Я трудилась медсестрой в хирургическом отделении. Я начала с мытья полов, но потом мне стали поручать и уход за больными. Маргарита хвалила меня, в следующем году я опять поеду в Конго... – несмотря на настоятельные просьбы Лауры, пострижение откладывалось:

– Мне исполнилось восемнадцать, – недовольно подумала девушка, – я совершеннолетняя. Но сестры считают, что я сначала должна получить диплом. Данута не закончила университет, но принимает обеты после Рождества... – товарка вернулась из госпиталя в Катанге с безмятежной улыбкой:

– Словно она не с больными работала, а отдыхала на вилле, – удивленно хмыкнула Лаура, – я здесь сбиваюсь с ног, а она, кажется, лежала у бассейна... – в ответ на вопрос о Джо, Данута коротко отозвалась:

– Мы виделись один раз, когда он приезжал в город. Сходили, выпили кофе. Он очень занят, и я тоже... – Лаура никому не упоминала об отце Симоне Кардозо:

– Но попадалась ему на глаза в Леопольдивиле, – девушка скрыла победную улыбку, – я удостоверилась, что он слышал похвалы Маргариты и почти добилась результата...

В Рим аккуратно приходили конверты с конголезскими марками. Священник писал ей о пастырской работе, Лаура советовалась с ним о занятиях:

– Осталось немного подождать, – размышляла девушка, – приняв обеты, я вернусь в Африку, и он возьмет меня в экономки. Тогда... – она не задумывалась о дальнейшем. Сердце часто стучало, она тяжело дышала:

– Я останусь с ним до конца наших дней. Мы разделим кров, разделим постель... – некоторые девушки в университетском общежитии занимались тем, что священники на исповеди называли греховными деяниями. Лаура удерживалась от соблазна:

– Я хочу прийти к Симону... – про себя она называла отца Кардозо по имени, – как положено, девственной не только телом, но и душой... – Лаура считала, что она все хорошо продумала:

– Если появится дитя, тоже ничего страшного, – решила девушка, – я проведу время беременности в уединении, а Симон возьмет на воспитание сироту. Это христианское, богоугодное дело. Мы признаемся во всем ребенку, когда он подрастет... – она не ожидала, что кузен откажется от обетов:

– Мой прадедушка, отец Пьетро, сделал так ради прабабушки Эми, – вспомнила Лаура, – но Симон не покинет церковь даже ради меня... – отца Кардозо уважали в Леопольдивиле:

– Во всем Конго тоже, – подумала девушка, – его ждет блестящая карьера. Ему нет тридцати лет, а он викарный епископ. Он получит аметист на палец, станет кардиналом, членом папского конклава, а, может быть, даже и... – у нее захватывало дух:

– Никто другой мне не нужен, – Лаура видела тоскливые глаза кузена Максима, – я посвящу жизнь Симону, стану его помощницей, как говорится в Библии. Будь он англиканским священником, стало бы проще, но и так все устроится...

Лимузин замедлил ход, Волк смешливо заметил:

– Питер по дороге не только устрицы подхватил, но и подружку. Луиза тебе машет, из такси высунулась... – Клара в наспех накинутой шали сбежала в палисадник:

– Доченька, – женщина раскрыла объятия, – милая... – Лаура заметила седые пряди в аккуратно уложенных локонах матери:

– Ей идет шестой десяток, а папе семьдесят три года... – Джованни торопился вслед за женой, опираясь на костыль, – но я не могу оставаться в Лондоне, у меня другая стезя... –

выбравшись в предупредительно распахнутую Максимом дверь лимузина, Лаура весело сказала: «Вот я и дома!».

Обед пришелся на разгар православного рождественского поста, однако Клара знала, что по субботам рыба разрешена:

– Это пока, – заметил Волк, – в январе нам с Максимом придется отказаться и от устриц, и от лосося... – Клара приготовила рыбу в ореховой панировке:

– Латкес постные, – отозвалась она, – а шоколадный торт очень легкий, без масла... – она посмотрела в сторону старшей дочери:

– Такое тебе можно, Адель... – на тарелке девушки лежал одинокий кусок вареного лосося. Адель взяла брюссельской капусты:

– Мне даже орехи нельзя, мама, – с чувством ответила она, – я съем несколько долек мандарина... – Адель ощутила прикосновение детской ладошки:

– Я никому не скажу, – шепнула маленькая Эмили, – держи... – в пальцах Адели оказалась помятая, теплая шоколадная монета. Ханукальные свечи зажгли до обеда:

– Генрик и зажигал... – муж на противоположном конце стола разговаривал с тетей Мартой, – а я пела благословения... – Адели отчаянно захотелось почувствовать вкус шоколада:

– Нельзя, – одернула она себя, – нельзя возвращаться к временам, когда я объедалась по вечерам, а потом засовывала два пальца в рот. Надо взять себя в руки, отказаться от сладкого раз и навсегда. Даже стыдно, я вешу больше Сабины...

Инге и сестра позвонили перед обедом с поздравлениями:

– Сабина добрая душа, – вздохнула Адель, – она утешает меня, говорит, что я хорошо выгляжу. И режиссер прав, голос у меня стал сильнее. Но я тяжелее мамы, а ей идет шестой десяток... – Клара носила отлично скроенное платье своего пошива, из темно-синего шелка:

– По сравнению с Лаурой я лошадь, – Адель сглотнула слезы, – у нее такая хорошая фигура. У меня была похожая, в пятнадцать лет... – запястье под манжетой блузки отчаянно зачесалось:

– В пятнадцать лет я сидела в плену, – зло подумала Адель, – и служила игрушкой для беглого нациста. Он мог пристрелить меня или отдать на потеху арабам. Я брела зимой через горы, чтобы добраться до Израиля. Никто мне не помог, никто меня не искал... – она считала, что, пропади младшая сестра где-нибудь в Африке, семья немедленно отправилась бы ей на помощь:

– Маргариту с Евой тоже бы никто не бросил, а я должна была справляться одна. Генрик меня не любит... – Адель сомневалась в чувствах мужа, – он живет со мной из-за удобства... – ей стало жалко себя. Маленькая ручка легла в ее ладонь:

– Ты пела, – зачарованно сказала Эмили, – так красиво. Ты красивая, тетя Адель, словно королева... – девушка не могла не улыбнуться:

– Я сейчас пою принцессу в Ковент-Гардене, – она сунула монету в карман жакета, – я не выступаю на детских представлениях, но, когда вы с Чарли придете на «Щелкунчика», мама Клара проведет вас в мою уборную... – Эмили распахнула голубые глаза:

– У тебя есть корона... – Адель вспомнила ряды диадем и корон в театральной костюмерной:

– У тебя тоже появится, – пообещала она девочке, – я тебе принесу из театра... – Чарли встрял:

– Мы видели ее величество, тетя Адель, – мальчик погрузился, – когда папа погиб, нас пригласили во дворец... – Вера почти неслышно сказала Кларе:

– На чай. Джеймс охранял покойного короля Георга, ее величество была к нам очень добра. Но его светлость, – она кивнула на Маленького Джона, – и леди Полина вообще хорошие приятели наследных принцев и принцессы Анны... – до них донесся уверенный голос Ворона:

– Смотрите, я стану особой королевской крови... – парень развалился на стуле, – то есть мужем особы. Мне дадут графский титул, как лорду Сноудону, который раньше был просто мистером Армстронг-Джонсом... – юноша расправлялся с индейкой, – нет, я и так баронет. Меньше, чем на герцога, я не согласен... – Полина почти по складам сказала:

– Ты ей не нравишься, даже не надейся... – Марта усмехнулась:

– Принцессе Анне. Но надо признать, что Ворон умеет обращаться с дамами. Он, кажется, по пути ограбил цветочный магазин... – Стивен примчался на такси к зажиганию свечей, с десятком букетов и заманчивыми пакетами для Чарли и Эмили:

– У нас меньше дам, милый, – весело сказала Клара. Баронет отмахнулся:

– Цветов много не бывает, тетя. Букеты останутся на Рождество и новый год.

Столовая хэмпстедского дома утопала в сиянии кремовых, розовых, красных лепестков. Маленькая Эмили покрутила головой.

– Мне идет веночек, тетя Адель... – Адель заставляла себя не вспоминать о крошечной темноволосой девочке, сопевшей в шерстяном одеяльце:

– Ей сейчас четырнадцать лет, она подросток... – Адели хотелось разодрать руку ногтями до крови, – оставь, ее нет, ее никогда не было... – девушка ласково погладила светлые волосы Эмили:

– Очень, милая. Полина хорошо плетет венки. Она в детстве всегда ходила в таком, только из ромашек... – Эмили прижалась мягкой щечкой к ее руке:

– Когда мама придет домой, – серьезно сказала девочка, – мы тоже заведем котика. Или собачку, Чарли хочет собачку... – Адель тоскливо подумала:

– Дай мне детей, или я умру. Пожалуйста, Господи, пусть у нас появится ребенок. Не наказывай меня за случившееся, я достаточно страдала... – она потормошила Эмили:

– У меня и дяди Генрика в Кенсингтоне тоже живет котик, Тигр. Вы с Чарли придете к нам на чай и поиграете с ним... – Адель взглянула в сторону отчима:

– Нет, здесь такого делать нельзя. В Хэмпстедке дома папа, мама, Пауль... – Пауль даже за столом сам с собой играл в шахматы, – на Ганновер-сквер тоже всегда толпа, а у нас в Кенсингтоне опасно, Генрик может без предупреждения вернуться с репетиции...

Адель не видела в своем плане ничего плохого:

– Дело не во мне, у меня все порядке, – она незаметно скомкала салфетку, – дело в Генрике, только он никогда не согласится на анализы... – Адель не хотела уходить от мужа:

– Я его люблю и не брошу. Он никогда ни о чем не узнает. Даже если ребенок получится светленький, он потемнеет. Миссис Вера говорила, что Чарли родился блондином, а сейчас у него каштановые волосы... – она искоса взглянула на Маленького Джона:

– Нет, я не смогу, он слишком похож на отца... – Адель прикрыла глаза длинными ресницами:

– Меня приглашали на сборный концерт, весной, в Кембридже. Кембридж красивый город... – она изящно отпила воды, – можно остаться на несколько дней, пожить в хорошей гостинице, отдохнуть. Генрик не удивится. Если он вообще будет в стране, а не на гастролях... – опустив хрустальный бокал, Адель улыбнулась:

– Ему семнадцать лет, скоро восемнадцать. Максим мальчик, он будет счастлив, что я на него обратила внимание. Тетя Марта и Волк ни о чем не догадаются, тем более, тетя Марта уезжает... – Адель протянула тарелку: «Я передумала, мамочка. Положи мне немного торта».

Высокие свечи догорали в бронзовом канделябре. К вечеру неожиданно распогодилось. Золотой закат играл над черными деревьями Хэмпстедского парка. На темнеющем небе виднелась яркая полоска заходящего солнца. Среди слабых звезд двигалась мерцающая огнями точка самолета:

– Генрик и Адель уехали, у них вечером концерт... – Ник расставлял шахматные фигуры, – Полина с Лаурой трещат по-испански... – девочки устроились на дальнем конце дивана, – а Луиза сегодня какая-то хмурая... – оглянувшись, он понял, что Питера в гостиной нет:

– Мама с папой отправили его и Ворона домой, – весело сказал Максим, – у них завтра утром футбольный матч... – баронет, хоть и учился в колледже Уэльбек, но не упускал шанса поиграть в старой команде:

– Я тоже поеду, – Максим потянулся, – поболее за них... – понизив голос, он заметил Луизе:

– Маленький Джон прав. Мама ничего не расскажет о Сэме даже тебе, по соображениям секретности... – все попытки Луизы расспросить тетю Марту закончились ничем, – но ты не волнуйся, его светлость... – он подмигнул кузену, – будет держать глаза и уши открытыми... – наследный герцог погладил сонно заурчавшего кота:

– Буду. Мне остался год до окончания академии... – в Сандхерсте он получил отпуск по семейным обстоятельствам, для поездки в СССР, – я бываю там... – юноша неопределенно повел рукой, – только на каникулах... – Луиза тряхнула светловолосой головой:

– Все равно. Если вы что-то узнаете, сообщите мне немедленно... – Максим кивнул: «Разумеется»

– Питеру вряд ли что-то светит, – смешливо подумал он, – но пусть Луиза сама ему все скажет, незачем вмешиваться в их дела... – наследный герцог взглянул на часы:

– Мы тебя проводим, то есть я, – пообещал Маленький Джон, – Максим отвезет малышню домой... – Волк и Марта забрали Веру с детьми. Джованни и Клара пошли отдохнуть:

– Папа с мамой тоже иногда спят после обеда, по крайней мере, уходят в спальню, – вспомнил Максим, – они пожилые люди. Папе скоро пятьдесят, маме год до сорока лет... – он избегал смотреть в сторону Лауры, – хотел бы я, чтобы у меня случилось так, как у них, один раз и на всю жизнь... – отец рассказал Максиму, что в сорок пятом году вернулся в СССР именно из-за матери:

– Я не мог позволить ей пропасть во второй раз, – признался Волк, – в метро я решил, что больше ее не увижу. Но, поняв, что она жива, я больше ни о ком другом и думать не мог. У тебя тоже так случится, – он внимательно посмотрел на сына, – у тебя мое сердце, милый... – Максим повертел чашку:

– Папа уверен, что Мария жива. Старшая сестра, – он поймал себя на улыбке, – ей двадцать один год, как Теодору-Генриху. Может быть, они встретились в СССР, и его светлость тоже жив... – Ник протянул Паулю сжатые кулаки:

– Выбирай... – соперник ткнул пальцем в левый. Ник раскрыл ладонь:

– Играешь белыми, я тебе дам фору... – раскосые глаза Пауля ласково взглянули на Ника. Он помотал лысеющей головой. Светлые волосы трогательно завивались над оттопыренными ушами. Пауль криво застегнул верхнюю пуговицу на сшитой Кларой фланелевой рубашке:

– Ему идет четвертый десяток, – пришло в голову Нику, – а он словно Чарли, кажется, что ему пять лет... – Пауль аккуратно переложил фигуры:

– Нет, – он не сводил глаз с Ника, – белыми играешь ты. Запомни, – Пауль погрузился, – только белыми, не сделай ошибки. Белая королева, – он поднял фигуру с доски, – белая, а не черная... – его взгляд стал тусклым, далеким. Ник даже испугался:

– Ты чего, – пробормотал подросток, – я сыграю белыми, если ты так хочешь... – Пауль поднял палец вверх:

– Она хочет, чтобы черными, а она сильнее... – он помолчал, – но помни, что любовь сильнее ее. Любовь всему верит, всего надеется, все переносит... – Ник не представлял, откуда Пауль подхватил евангельскую цитату:

– Нет, дядя Джованни берет его в Бромптонскую ораторию, а тетя Клара ходит с ним в синагогу. Но в синагоге Евангелия не читают, значит, он услышал слова где-то на проповеди... – Лаура отозвалась:

– Но любовь из них больше. Любовь к Иисусу и святой церкви... – Пауль не выпускал черной фигурки:

– У тебя будет другая, – нежно сказал он, – другая любовь. Появятся дети, много... – он нахмурился, – я не умею посчитать... – Лаура хмыкнула:

– Ты говорил, что мальчик и девочка... – Пауль улыбнулся:

– Это не твои. Это ее... – оживившись, он вскочил на ноги, – то есть потом их. Две девочки и мальчик, – поправил он себя, – только одна далеко, она летит по небу...

Расставив руки в стороны, Пауль забегал по ковру. Томас, недовольно мяукнув, соскочил с дивана. Маленький Джон, поднявшись, поймал Пауля:

– Играли в шахматы, так и играйте спокойно... – юноша услышал тихий шепот:

– Он жив, жив. Ты его увидишь, обязательно, но остерегайся невесты... – пытаюсь посадить Пауля на место, наследный герцог весело сказал:

– Кому-то надо меньше смотреть телевизор. У тебя в голове одни мыльные оперы, как теперь говорят... – Полина спохватилась:

– Сейчас начнется «Доктор Кто». Лаура, пошли, – она потянула кузину за собой, – или монахиням такого не разрешают, то есть почти монахиням... – Максим проводил глазами темные волосы кузины:

– Оставь, бесполезно, – тяжело вздохнул юноша, – ты слышал, она почти монахиня... – теплая рука Пауля бесцеремонно легла ему на плечо:

– У нее корона, она королева... – Пауль показал ему фигурку, – только тебе придется служить за нее... – Максим шутливо отозвался:

– Семь лет, и они покажутся мне, как несколько дней... – Пауль кивнул:

– Покажутся. Только не семь лет, а дольше... – он подхватил конфету из раскрытой коробки, – не знаю, сколько... – зачавкав шоколадом, Пауль вернулся к шахматной доске.

Часть третья

СССР, февраль 1964

Братск

Подслеповатые окна барака покрылись разводами инея. Наросты льда закрывали стекло, почти касаясь высокого сугроба у стены. В первый день февраля неожиданная оттепель закончилась. За одну ночь ртуть в большом градуснике, висевшем на крыльце управления гидростроительства, рванула, как смеялись ребята, к абсолютному нулю.

Стройке морозы не мешали. Над скованной холодом плотиной бились на ветру кумачовые лозунги:

– Завершим задание партии в рекордно короткий срок! Введем в действие центральный пульт управления, уложим последний кубометр бетона... – огромная серая стена терялась в белесом, обжигающем горло тумане. Последний кубометр, разумеется, не означал конца стройки. Комсорги на участках наставительно говорили:

– Впереди нас ждет прием плотины правительственной комиссией, прокладка железной и автомобильной дорог. Потом мы двинемся на восток, к Амуру... – ходили слухи, что Братск станет одной из крупнейших станций на проектируемой железной дороге. Рельсы до города дотянули еще зэка, работавшие в давно несуществующем Бамлаге, однако в Братске предпочитали о таком не упоминать.

На дощатой стене барака висела карта области с прочерченной красным извилистой линией:

– Тайшет-Братск-Усть-Кут... – кричали жирные гуашевые буквы, – комсомолец, отдай свои силы будущей магистрали... – в Усть-Куте дорога обрывалась. До Тайшета, старой станции Транссибирской дороги, пассажирские поезда, в любом случае, пока не ходили. Полотно занимали бесконечные товарные составы, гнавшие в город цистерны с бензином и мазутом и контейнеры стройматериалов:

– Но иногда перепадают и фрукты, – усмехнулся юноша в синей спецовке под расстегнутым тулупом, – мы доедаем новогодние подарки из Москвы... – на длинном столе расставили несколько тарелок с мандаринами и дешевыми конфетами. Черную грифельную доску осеняла большая фотография с размашистой подписью:

– Героям Братска от советских поэтов. Евгений Евтушенко... – весной в этой комнате, помещении горкома комсомола, московский гость читал свою поэму. К грифельной доске прицепили карту мира. Для ежедневной политинформации выделяли ровно четверть часа:

– Ребята не ленятся вставать пораньше, потому что комсорг не дурак... – каменщик шестого участка, товарищ Миллер, расхаживал у доски, – он понимает, что без конфет и вафель сюда никого не залучить... – заледенелые вафли отдавали дешевым одеколоном, напоминая Теодору-Генриху о единственной в городе парикмахерской, располагавшейся в таком же бараке.

Каменные здания в городе можно было пересчитать по пальцам:

– Горком партии, управление гидростроительства, металлурги, железнодорожники... – он отхлебнул дымящегося чая из жестяной кружки, – остальные сидят при буржуйках, как во времена военного коммунизма... – на совести проводящего политинформацию была и распотка буржуйки в комнате. Топором и пилой товарищ Миллер владел отлично:

– Еще мастерком и рулем грузовика... – он упер указку в карту, – ладно, товарищ Миллер, потерпи немного... – Теодор-Генрих откашлялся:

– Силы контрреволюции, совершившие на этой неделе переворот в Южном Вьетнаме, не останутся безнаказанными, товарищи. Советское правительство оказывает братскую помощь коммунистической партии Северного Вьетнама. Борцы за свободу страны будут противостоять неизбежной агрессии США. Наша цель, товарищи, объединенный Вьетнам, уверенно идущий по дороге социалистического будущего... – поссорившись с Китаем, Советский Союз отчаянно нуждался хоть в каком-то оплоте в бывшем Индокитае:

– На Северной Корее далеко не уедешь, – усмехнулся Теодор-Генрих, – Корея одна, а вокруг нее американские базы в Корее Южной, на Окинаве, на Тайване. СССР не оставит в покое Вьетнам и США тоже не уйдет из региона. Они опять, как в Корее, начнут воевать чужими руками. То есть, американцы хотя бы сражались сами, а у севера были советники из СССР... – ребята даже заплотировали:

– Что касается олимпиады в Инсбруке, – добавил юноша, – то нас, несомненно, ждет победа в конькобежном спорте, с товарищем Скобликовой, и золотая медаль в хоккейном состязании... – сзади крикнули:

– А биатлон, Генрих? В биатлоне у нас тоже будут медали... – девушка у чайника, закутанная в ватник, подняла руку:

– Товарищи Белоусова и Протопопов, в фигурном катании, не подведут...

Телевизоров в Братске, разумеется, не существовало. Новости узнавали из радиоточек в бараках и приходивших сюда с опозданием газет. Теодор-Генрих был уверен, что убийство Кеннеди дело рук СССР:

– Дядя Джон тоже так считает, он мне целую схему нарисовал... – юноша заставил себя не улыбаться, – закружись, товарищ Миллер, у тебя рейс через полчаса.

На тайшетской трассе постоянно требовались шоферы: «Долг каждого комсомольца – помощь стройке!» – призывал очередной плакат в коридоре барака: «Записывайся на курсы водителей!». Предъявив права, полученные якобы в Казахстане, товарищ Миллер присоединился к комсомольскому шоферскому отряду.

Два раза в месяц они гоняли порожние грузовики в Тайшет, возвращаясь с грузами для стройки. Полтысячи километров по выстроенному до войны шоссе машины проходили за десять часов.

– Но сейчас я буду ехать дольше, – понял Теодор-Генрих, – вчера было минус пятнадцать, а сегодня почти сорок, дорога обледенела... – даже в натопленной комнате ребята не снимали тулупов и шапок, – не говоря о том, что я кое-куда сверну по пути... – он шутливо развел руками:

– И в биатлоне и в фигурном катании мы не обойдемся без медалей, товарищи. Наша цель – первое место в общем зачете... – комсорг участка щелкнул фотоаппаратом:

– Для истории, – весело сказал парень, – десять лет назад на строительстве прошла первая политинформация... – Теодор-Генрих старался не попадать под объективы приезжающих на стройку корреспондентов:

– Ладно, – успокоил он себя, сворачивая карту, – снимок дальше нашего местного листка не пойдет, если фото вообще получится. В любом случае, в апреле, когда потеплеет, мы двинемся дальше на восток, к Сахалину... – за окном засвистел гудок:

– Семь утра, начало рабочего дня... – Теодор-Генрих проверил свои часы, – через четверть часа мне надо сесть за руль... – бросив в рот конфету, дохлебав чай, он замотал воротник тулупа деревенским шарфом грубой вязки. На крыльце барака ему в лицо ударил ледяной вихрь. Нахлобучив на голову треух, оскальзываясь среди не расчищенных сугробов, юноша побежал к низкому бараку, где помещался гараж строительного управления.

Трасса Братск-Тайшет

Лыжам в кабине ГАЗ-53 никто не удивлялся. На трассе часто случались поломки, деревни и поселки отстояли друг от друга на десятки километров. В случае неисправности шофер должен был добраться до ближайшего телефона и вызвать ремонтную бригаду:

– Хорошо, что здешние районы телефонизировали до войны... – Теодор-Генрих аккуратно вел машину, – иначе в рейс приходилось бы брать рацию, как на стройках тридцатых годов...

О возведении Магнитогорска им рассказывал один из инженеров, приехавший на Урал по комсомольскому призыву:

– Он работал бетонщиком, отучился в институте, но потом его арестовали, правда, выпустили перед войной. Потом еще раз арестовали за плен, сослали... – юноша почувствовал тяжелую злость:

– У него украли десяток лет жизни, только он все равно ничего не понял... – инженер выступил на комсомольском собрании, где ребята обсуждали «Один день Ивана Денисовича»:

– Он сказал, что книга клеветническая и в лагерях сидели за дело. Тогда кто-то из парней крикнул, получается, что вы тоже попали в ГУЛАГ не просто так... – не отрывая руки от руля, юноша чиркнул спичкой, – а инженер ответил, что да, по молодости лет он якобы позволял себе контрреволюционные высказывания. Страна проклятых шарманок, как говорила мама...

Теодор-Генрих старался не думать о матери и вообще о семье. Дядя утверждал, что так лучше:

– Поверь моему опыту, милый мой, – сварливо сказал герцог, – ты пять лет в разлуке с домом, но у тебя есть Мария, а теперь и сын появился, – он подмигнул юноше, – а я здесь торчал в полном одиночестве, без надежды на возвращение... – Джон положил руку на книжку «Нового мира», привезенную Теодором-Генрихом в тайгу:

– Они, наверное, – герцог махнул в сторону Москвы, – волосы на себе рвут из-за того, что такое напечатали. Впрочем, у Никиты и волос нет, – смешливо добавил дядя, – но, как говорится, что написано пером, того не вырубишь топором. Эту повесть в России еще будут изучать в школах... – Теодор-Генрих поправил его «В СССР». Дядя вскинул бровь:

– В СССР как раз не будут, но СССР не вечен... – глядя на плотину Братской ГЭС, Теодор-Генрих не был так в этом уверен:

– Дядя считает, что мы еще увидим распад Советского Союза, – вспомнил юноша, – Впрочем, чтобы увидеть хоть что-то, сначала надо выбраться отсюда.

Именно затем он и забирал дядю из тайги и вез в Тайшет. На пассажирском сиденье рядом с Теодором-Генрихом покачивалась кошелка с библиотечными книгами, русской классикой, с пакетами замерзших пряников и вафель. На заимке хватало меда и кедровых орехов, но Генрих хотел побаловать жену.

– Рождественский пост прошел, – он знал православный календарь, – ей такое можно. Она кормит, – Теодор-Генрих поймал себя на счастливой улыбке, – ей надо хорошо питаться... – на заброшенную заимку им указали в старообрядческом поселении на берегах реки Чуны. В деревню их не пустили:

– Марию пускают и Феденьку мы у них окрестили... – мальчика назвали в честь прадеда, – но в остальном старообрядцам с нами даже за одним столом есть нельзя... – жена принесла из деревни семена и разбила на заимке грядки:

– Ульи там стояли с послевоенных времен, – Теодор-Генрих взгляделся в указатель на шоссе, – а куриц, козу и лайку для охоты мы тоже достали в деревне... – их кормила тайга, но юноша всегда привозил из города муку, постное масло, кофе и папиросы для дяди.

По дороге на восток они купили из-под полы на золотые десятки Хомутова хорошие тульские ружья:

– У меня тоже с собой ствол, – Генрих всегда брал в рейс оружие, – ничего подозрительного, много ребят устраивает охотничьи вылазки... – официально зарегистрировав ружье, Генрих покупал патроны в Тайшете:

– Но двух тулок для побега из СССР мало, – впереди показалась стрелка: «Чунский», – надо достать пистолет, надежные документы...

Паспорт Генриха был безукоризненным, но у дяди не водилось ничего, кроме старых бумаг давно покойного Василия Хомутова:

– По ним нас в пограничную зону не пустят... – Генрих свернул на заледенелый проселок, – а у Марии и Феденьки вообще нет никаких документов, ни паспорта, ни метрики... – он уговорил жену воспользоваться, как выражалась Маша, печатями Антихриста:

– Все равно они поддельные, – весело сказал Генрих, – считай, что это фантики... – дядя намеревался вернуться из Москвы к началу марта:

– Я его встречу в Тайшете, а с началом весны мы пойдем на восток... – Генрих не намеревался торчать в СССР после исхода лета:

– Пора ехать домой, – он усмехнулся, – мама и Волк обрадуются, что у них появился внук... – он рассказал дяде о виденной им встрече Гуси и товарища Матвеева, у колонн Большого театра. Герцог задумался:

– Насчет товарища Бергера, – он почесал отросшую, побитую сединой, бороду, – ты прав, парень плевать хотел на Комитет, он вращается на теневой стороне жизни, как Алексей Иванович Лопатин. Может быть, они даже были знакомы... – дядя считал, что Лопатин погиб или был арестован на Москве-реке:

– Павла и сестер Левиных держат в живых, чтобы обеспечить хорошее поведение нашего знакомого Кепки, – добавил герцог, – надеюсь, что его я больше не увижу, – дядя затянулся «Беломором», – но относительно Гуси я постараюсь выяснить, в чем было дело. В общем, – он полистал советский календарь, – я буду ждать тебя в Тайшете каждую субботу, начиная с десяти утра, под известным тебе барельефом... – комсомольские рейсы, официально считавшиеся добровольными, устраивали по выходным:

– На стройке у нас семидневка со скользящим графиком... – Теодор-Генрих миновал скованный морозом поселок, – ладно, под барельефом так под барельефом... – строгий профиль Горского красовался на мемориальной доске, на здании тайшетского вокзала. Партизаня в Сибири, Александр Данилович заехал сюда на митинг:

– Заехал и отправился восвояси, а доску все равно повесили, – юноша отхлебнул чая из фляги, – но Тайшету больше и похвастаться нечем, – он прибавил газу.

Машина скрылась на пустынной дороге, среди заснеженных сосен.

Берега реки Чуна

Деревянная ложка стучала о край глиняного горшка.

В старообрядческом поселении пользовались дореволюционной посудой. Местные жители предпочитали не сталкиваться со слугами Антихриста, как истинно верующие называли советскую власть. Притащив из деревни короб древних мисок и ложек, Маша весело сказала дяде:

– Придется все отскребать. Мне дали что поплоче, хотя в хозяйстве и такие вещи стоятся... – здешние старообрядцы были кержаками, потомками бежавших на Урал истинно верующих из нижегородских земель:

– Сие в восемнадцатом веке случилось... – возвращаясь из деревни, Маша несколько дней говорила на старинный манер, – после скитского разорения и выгонки при императрице Екатерине... – кержаки двигались на восток, пока не осели в глухих лесах Прибайкалья:

– Они беспоповцы, – объяснила Маша, – то есть теперь беспоповцы. Раньше их беглые попы окормляли, а теперь и оных нет. Общину возглавлял старик уставщик, родившийся при императоре Александре Освободителе.

– Ему восемьдесят четыре года, – хмыкнул Джон, – но у них нет недостатка в мужчинах, они не останутся без церковной службы, то есть без молебнов... – уставщик и крестил внука, как Джон думал о Феденьке. Мальчик родился прошлым февралем:

– У них еще в сторожке Корнея Васильевича все получилось, – смешливо подумал герцог, – когда мы с Марией добрались до здешних мест, стало все понятно: племянница велела ему не рисковать и не появляться в Братске.

– Мало ли что, – решительно сказала Маша, завязывая дешевый платок, – после Новочеркасска вас, наверняка еще ищут, а я чалдонка, – девушка блеснула белыми зубами, – деревенщина, меня никто не в чем не заподозрит... – Джон не хотел отпускать девушку одну на трассу:

– Ты не знаешь, кто в такие места вербуется, а я знаю, – заметил герцог, – в газетах пишут про комсомольцев, но это только половина правды. Вокруг достаточно и бывших зэка... – в деревне старообрядцев тоже жили беглые зэка:

– Семейские, – вспомнил Джон, – истинно верующие с Алтая. Их раскулачили в тридцатые годы, сослали или отправили в лагеря, откуда они и бежали... – старообрядцы отлично управлялись с немногими расчищенными от леса участками пашни:

– Даже яблоки у них вызревают... – племянница поставила кадушку моченых плодов, – они все люди хозяйственные, аккуратные... – по немногим намекам, Джон понял, что среди жителей деревни имелись и бывшие белые партизаны:

– Как покойный Иван Григорьевич Князев, что твоего прапрадеда сжег в паровозной топке, – сказал он мальчику, – но то дела давно минувших дней, вспоминать о таком не стоит... – старообрядцы почти не выбирались в деревни и поселки на тайшетской трассе:

– У них даже соль своя... – герцог отправил в рот парню ложку каши, – а нас обеспечивает Генрих... – первая и последняя поездка Марии в Братск обошлась без неприятностей:

– Я его сразу отыскала, – девушка подтолкнула мужа вперед, – товарищ Миллер висел на доске почета, как лучший каменщик участка... – Теодор-Генрих откладывал оклад ударника и северные надбавки. По подсчетам Джона, денег и оставшегося золота Хомутова хватало на оружие и два чистых паспорта:

– Тебе бумаги не нужны, – он пощекотал толстый бок мальчика, – ты у нас пока обойдешься без документов... – разинув ротик с четырьмя зубками, Феденька сладко зевнул:

– Доедай, – Джон поцеловал мягкие, каштановые волосы, – папа с мамой придут из парилки и спать ляжете... – при заимке имелась рубленая по-черному банька:

– Здесь тихо, – Джона тоже клонило в сон, – воздух чистый, парню хорошо расти. Но это сейчас спокойно, а завтра могут появиться слуги Антихриста, как о них говорит Мария... – рожала племянница в деревне старообрядцев, с помощью местных женщин:

– Я сделала вид, что мы с Генрихом венчаны, – девушка покраснела, – что он православный. Они бы не поняли иначе, они люди другого воспитания... – герцог отозвался:

– Вы все равно, что венчаны, милая. Доберемся до Лондона и устроим свадьбу... – Феденька потер кулачками голубые, яркие глаза:

– Ты у нас в Волка пошел, – сказал ему герцог, – а подбородок у тебя папы, то есть бабушки твоей... – внук попытался забрать у него ложку. Каша была, как выразалась Мария, полбяная, на козьем молоке:

– Жадина, – ласково пожурил его Джон, – мама тебя еще грудью покормит, ты своего не упустишь... – он все время вспоминал Полину:

– С Маленьким Джоном мы встретились, когда ему три года исполнилось, – вздохнул герцог, – а Полину я купал, пеленал ее, кормил, как сейчас Феденьку. Господи, ей тринадцать лет, а мне два года до пятидесяти... – в сторожке было жарко натоплено, Джон держал мальчика на коленях. Ребенок бойко ползал по дощатому полу и пытался встать:

– Чтобы гоняться за Цезарем... – рыжая лайка ждала Джона в сених, – славный пес попался, жалко будет его здесь оставлять... – лайка опекала мальчика. Феденька часто засыпал, привалившись к ее мягкому боку:

– Ты отправишься в постель, – Маша разгородила комнатуху домотканой завесой, – а дедушка Джон пойдет на охоту, – герцог покачал мальчика.

Теодор-Генрих приезжал из Братска всего пару раз в месяц. Не желая мешать молодым, герцог в эти ночи отправлялся с собакой в тайгу. Цезарь застучал хвостом в сених, скрипнула дверь, по ногам пахло холодом. Они прятались под тулупом Теодора-Генриха, Маша замотала голову шерстяной шалью.

– С ума сошли, – строго сказал герцог, поднимаясь, – минус тридцать на дворе, а у тебя ноги голые... – племянница носила валенки на босу ногу:

– Мы в снегу купались, дядя Джон, – Генрих стряхнул иней с тулупа, – идите, каменка еще горячая... – Джон накинул короткий полушубок:

– Пар не тот, – он передал Феденьку отцу, – я после охоты привык мыться. Укладывайте графа фон Рабе... – мальчик тихо посапывал, – и сами отдыхайте... – Генрих не мог оставаться на заимке надолго:

– Он провел здесь летний отпуск, сделал вид, что ездил на Байкал, но сейчас ему надо на рассвете возвращаться к машине... – Генриха ждало десять километров лыжного хода по глухому лесу. Юноша шутил, что именно его и надо посылать на Олимпиаду:

– У нас впереди еще парусный спорт, то есть управление катером, – отвечал Джон, – только сначала надо доехать до Сахалина, – свистнув Цезарю, герцог обернулся на пороге.

Холщовая занавесь даже не колыхалась.

– Пусть спят, они устали... – Цезарь потерялся о его руку, – а мы с тобой, дружище, пойдем на белок или глухаря подстрелим... – в заимке Джон говорил по-русски, ради практики, но наедине с псом переходил на английский язык. Цезарь все отлично понимал:

– Доедем домой, – Джон поднял мешок с припасами и патронами, – Федор Генрихович будет расти на Ганновер-сквер, где его все разбалуют. Они будут счастливы, а я... – сердце тоскливо сжалось, герцог поправил черную повязку на утерянном глазе:

– Детей бы вырастить. Маленькому Джону восемнадцать, совсем большой мальчик. Ладно, дружище, – он распахнул перед Цезарем дверь, – делай, что должно и будь, что будет.

Пробравшись среди сугробов на крохотном дворе, Джон нырнул в растворенную калитку.

В подвешенном на бревенчатую стену старом фонаре оплывала восковая свеча. В сто-
рожке пахло березовыми вениками, дымом буржуйки, сладко тянуло молоком и пряниками:

– Ты сама словно пряник, – пробормотал Генрих, уткнувшись в плечо Маши, – я так
скучаю, так скучаю, любовь моя... – в середине ночи они устроили мальчика между собой, под
тулупом и деревенским стеганым одеялом:

– Он проснулся потому, что ты здесь, – неслышно сказала Маша, кормя ребенка, – он чув-
ствует, что папа рядом... – Феденька всегда тянулся к отцу. Генрих обнимал Машу, не выпус-
кая теплой ручки сына:

– Не ходишь еще, – он улыбнулся, глядя на сонное личико мальчика, – ты у нас осто-
рожный.

Маша кивнула:

– Не только осторожный, но и толстенький, – она погладила ребенка по голове, – но, как
побежит, так похудеет... – Генрих потянулся:

– Мама рассказывала, что я тоже после года пошел, а заговорил еще позже. Может быть,
оно и к лучшему, – вздохнул юноша, – я при Гитлере рос, а потом проклятый Максимилиан
заставлял меня трехлетним отдавать нацистский салют... – Маша беспокоилась насчет тети
Марты, как она называла мать Генриха, но юноша уверил ее:

– Лучшего человека и не найти. И она замужем за Волком, все складывается отлично... –
Маша хихикнула:

– Они удивятся, что в их годы обзавелись внуком... – Генрих согласился:

– Мама меня рано родила, в восемнадцать лет, а нам с тобой почти двадцать два.
Ничего, – он аккуратно накрыл одеялом спящего Феденьку, – главное, достичь Японии. Мама
с Волком прилетят, заберут нас домой. Бабушка Анна тоже через Японию бежала из СССР... –
Маша подняла бровь:

– И твой прадед, Горский. Нам в школе рассказывали, как он спасся из ссылки... –
девушка вздохнула:

– Но как же это получается, Генрих? У Марты жив брат, а мы не можем вывезти ее
из СССР... – герцог строго запретил им появляться в Куйбышеве. Джон повел рукой:

– У меня есть рычаги влияния на Журавлева, – дядя помолчал, – но, чтобы их применить,
мне надо сначала оказаться в Лондоне. Не думай, что Журавлевы не предадут тебя, – сказал он
племяннице, – как только ты появишься на пороге их дома, они побегут в Комитет... – Маша
мрачно буркнула:

– Раньше, чем пропоет петух. Но мне жалко Марту, она живет во лжи, как жила я... –
Джон почесал бороду:

– Уверяю тебя, что она пошла в мать, то есть в Констанцу. Она не проглотит советскую
дребедень, у нее своя голова на плечах... – Маша часто вспоминала приемную сестру:

– Она, наверное, добилась своего, отправилась в ПТУ, – сказала девушка мужу, – она
растет упрямой, не чета мне... – девушка посмотрела вдаль:

– Если бы не Зоя, мученица, – Маша перекрестилась, – у меня бы глаза не открылись,
но Иисус и Божья Матерь позаботились о нашей встрече. Только она, наверное, давно сгинула
в тюрьме или сумасшедшем доме, вроде того, где дядя сидел... – о своем пребывании во вла-
дениях профессора Кардозо Джон племянникам не рассказывал:

– Меньше знаешь, лучше спишь... – он иногда ощупывал скрытый под волосами шрам
на голове, – не надо им о таком слышать. Марте надо, но до Марты нам еще предстоит
добраться... – он сомневался, что Кардозо удастся призвать к ответу:

– Мерзавец все предусмотрел, его защищает мощь СССР. Он сделал мне операцию
на мозге, но какую... – Джону не нравились его внезапно появившиеся музыкальные способ-
ности:

– Циона мне всадила заточку в глаз, сделала мне лоботомию, но я плохо помню, что было дальше... – он, однако, хорошо помнил время пробуждения, как называл это герцог:

– Я стал лучше мыслить, я откуда-то узнал, что Фрида дочь Максимилиана и Ционы, что у Ционы родился еще один ребенок, украденный воровкой по фамилии Генкина... – Джон предполагал, что медики поднимут его на смех:

– Никто никогда не пересаживал доли мозга, это ерунда. Но откуда я могу знать то, что знала только Циона... – он не ожидал, что бывшую жену оставили в живых:

– Ее пристрелили и зарыли тело в безымянной могиле, если вообще не сожгли. СССР она больше не нужна, она отработанный материал. В любом случае, края, где сидит Кардозо, Среднюю Азию, нам тоже навещать нельзя. Нам вообще не стоит задерживаться в СССР... – то же самое говорил жене и Генрих:

– Все равно, – он провел губами по нежной ключице, по рассыпавшимся вокруг белокурым волосам, – нам недолго осталось здесь куковать. Вернется дядя, начнется весна и мы пойдем на восток, к океану, то есть поедem... – они хотели добраться с новыми документами до Иркутска и сесть там на владивостокский поезд:

– Только мне не нравится, что вы с Феденькой остаетесь одни, – озабоченно сказал Генрих, – я буду приезжать, но, может быть, тебе лучше перебраться к людям...

Маша приподнялась на локте:

– До деревни еще километров двадцать, – невесело сказала девушка, – туда даже лыжня не ведет, одна тропинка. Тебе станет сложнее нас навещать, если мы там обоснуемcя, а в Братске нам с Феденькой появляться опасно... – Генрих знал, что жена права, но все равно не мог избавиться от беспокойного чувства. Маша мимолетно улыбнулась:

– Не волнуйся. Припасы у нас есть, дрова я наколю. В скиту я сама себе избушку срубила. Дядя через месяц вернется, настанет весна... – Генрих поцеловал ее в улыбку:

– Ты моя весна, – неслышно сказал юноша, – как у Боттичелли на картине. Ты моя жизнь, мое дыхание... – Маша шепнула:

– погоди, я маленького переложу... – распущенные волосы метнулись по ее спине. Она ловко устроила мальчика в колыбели из домотканого рядна, привешенной к потолку сторожки:

– Нет, это ты, – Маша оказалась в его руках, – ты моя жизнь, Генрих... – ему оставался какой-то час до отъезда.

– Всякий раз, я словно отрываю часть от себя, – успел подумать юноша, – Господи, скорей бы все закончилось... – откинув голову, Маша сдержала низкий стон:

– Закончится, – девушка припала к его губам, – мы всегда останемся вместе. Я люблю тебя, люблю... – пламя в буржуйке играло теплыми отсветами на стенах:

– Она сама как золото или янтарь... – Генрих не хотел закрывать глаза, – сколько я бы на нее не смотрел, мне всегда будет мало... – свеча, зашипев, потухла.

Тайшет

Дощатый пол парикмахерской при железнодорожных банях покрывал слой состриженных волос. Пахло дешевым одеколоном и табаком, на шкафу, где хранили плохо простиранные салфетки, хрипела черная тарелка репродуктора:

– Старшинов вырывается вперед, пас от Майорова и... – комментатор ахнул, – и очередная шайба летит в ворота венгров. Пятнадцать-ноль, небывалый результат... – плюгавый мужичок, почти потонувший в дерматиновом кресле, заявил:

– Им всем дадут черные «Волги» за золотые медали. У меня кум проводником в спальном вагоне работает, летом в его составе ехал товарищ Чернышев, тренер сборной... – кто-то протянул:

– Динамовец, – мужичок кивнул:

– Он самый. Он в Омск отправлялся, на турнир. Кум, значит, коньячку ему принес, икорки, а товарищ Чернышев и говорит:

– Я слышал, у вас в Сибири настойка есть, для мужчин полезная... – собравшиеся заготовали, – кум кедрача нацедил, значит, выпили они, и слово за слово товарищ Чернышев про «Волги» и рассказал... – из угла заметили:

– До «Волг» надо победить чехов, шведов и канадцев... – мужичок харкнул на половицы:

– Как два пальца... – для верности он поднял пальцы, в несмываемых пятнах машинного масла, – вертели мы канадцев сами знаете где... – тарелка взорвалась очередным воплем комментатора. Мастер поинтересовался:

– Одеколоном пройдемся... – одноглазый, крепкий посетитель, с ежиком светлых, седоватых волос, покачал головой:

– Н-не н-надо, с-с-пасибо. С-сколько с меня... – валенки у него были старые, но крепкие, тулуп аккуратный. За спиной он тащил брезентовый вещевого мешок, пахло от него, – мастер принюхался, – вроде кедром:

– В баню ходил, – он принял двугривенный, – контуженый какой-то. Заикается, бедняга, и шрам у него есть на голове.

Мужик заикался и в кассах, расплачиваясь за билет в общем вагоне до Новосибирска. В тесном зальчике скопилась очередь, люди расстегивали тулупы, женщины скидывали с головы платки. Кассирша швырнула на зазвеневшую тарелочку картонный билетик и сдачу:

– Отправление через три часа, – громко, как глухому, сказала она, – смотри, дедушка, не перепутай... – в привокзальной стекляшке одноглазого мужчину тоже называли дедушкой. Парень лет шести, перевязанный крест-накрест пуховым платком поверх тулупчика, восторженно заорал:

– Мама, смотри, пират! Дедушка пират... – мальчишка подскочил к посетителю:

– У вас есть деревянная нога и попугай... – невзрачная, усталая женщина смутилась:

– Простите, товарищ, он книжку прочитал про пиратов... – она дернула сына за руку:

– Извинись. Товарищ, наверное, воевал... – одноглазый улыбнулся. Хмурое, бородатое лицо разгладилось, он присел перед парнем:

– Ноги у меня свои, а попугай улетел к домой, в теплые страны... – мальчишка заявил: «На Кубу!». Мужчина кивнул:

– Именно туда... – поднимаясь, он коротко взглянул на женщину:

– Ничего страшного... – одноглазый помолчал, – у меня тоже есть дети, правда, они выросли... – незнакомец затерялся в толпе, осаждающей прилавок забегаловки, а женщина все глядела ему вслед:

– Он из реабилитированных, должно быть. Сразу видно, что осанка у него офицерская... – щеки еще полыхали, – на меня так никто и не смотрел никогда. Непростой он человек...

В кармане тулупа непростого человека лежал просроченный паспорт, выписанный до войны в Новочеркасске на имя Василия Корнеевича Хомутова:

– На железной дороге и не просят документов, – Джон возвращался к станции путевыми задворками, – главное теперь, не попасться на глаза милиции... – на щите с соответствующей надписью он своего фото не обнаружил:

– Но это ничего не значит, – хмуро сказал он Генриху, за обедом в городской чайной, – все равно надо соблюдать осторожность. Вообще, – подхватив погнутой ложкой пяток пельменей, он щедро полил порцию укусом, – борода сильно меняет человека. Правда, от повязки на лице мне никак не избавиться...

Джон перебрался через последние рельсы по дороге на вокзал. Деревянное здание тонуло в морозной дымке:

– В зале ожидания мне лучше не показываться... – герцог сверился с часами. До прибытия транссибирского поезда оставалось минут двадцать.

– Перекантуюсь где-нибудь, как сказал бы Волк, – усмехнулся Джон, – а думать буду в вагоне, под стук колес... – путь до Новосибирска занимал почти сутки, – подумать мне надо о многом. Надо еще купить провизии в дорогу ... – закулив, он пошел к привокзальной площади.

Скорый поезд Владивосток-Москва

Общий вагон покачивался на стыках. Из полукрытой двери тамбура тянуло холодком, в коридор вползал табачный дым. Возбужденный голос сказал:

– Шведы ерунда, а у канадцев плохая оборона. Главное для нас, пройти чехов...

Шипел титан, хныкал проснувшийся ребенок. Под потолком тускло горели немногие лампочки. По столу ездил раскрытый упаковку вафель, позванивали стаканы с недопитым чаем. Одноглазый мужик, севший на поезд в Тайшете, чая не пил и не брал у проводника волглое белье. Ловко забравшись на верхнюю боковую полку, он улегся на матрац. Вещевой мешок перекинул ему под голову. Накрывшись казенным одеялом и тулупом, попивая из стальной фляги, он изучал школьный блокнот в картонной обложке.

Страницы покрывала понятная только Джону путаница стрелок, инициалов и дат. На прощанье он велел племяннику не лезть на рожон:

– Если я не приду к барельефу, – заметил Джон, – снимайтесь и двигайтесь на восток... –

Генрих помял в руках треух:

– Но так нельзя, дядя, – неуверенно сказал юноша, – получится, что мы вас бросаем... – герцог вздохнул:

– Милый мой, к тому времени либо мое тело сожгут в подвалах Лубянки, либо я буду ждать смерти, как избавления... – юноша вздрогнул. Джон прикоснулся к его руке:

– Ты знаешь методы работы в твоём бывшем ведомстве... – Генрих невесело кивнул, – в первый раз они меня не сломали, но невозможно предугадать, что случится сейчас... – Джон добавил:

– Кольцо Маши не продавайте, это ваша реликвия, вещь Феденьке перейдет. Не рискуй, – он посмотрел в серо-зеленые глаза юноши, – у тебя семья на руках, ты за них ответственен. Твой отец поступил бы так же... – Джон рассматривал страницу блокнота:

– И я бы пошел таким путем, и Марта тоже... – он прикрыл глаз, – я уверен, что Марта согласилась бы со мной... – на странице он отметил оставшийся не отвеченным звонок Теодора-Генриха в посольство:

– Это не могло быть ошибкой, – говорил себе Джон, – все дипломатические представительства знали сигнал тревоги. Значит, звонок принял кто-то, не желавший спасения нашего агента... – племянник никого не слышал:

– Я сказал все, что надо было сказать, – развел руками юноша, – но в посольстве положили трубку... – восклицательный знак на странице указывал Джону, что с этим надо разбираться:

– Надо поднять архивы, взглянуть на какой кабинет перевели звонок... – он поворочался:

Теодор-Генрих видел Густу у Большого театра, вместе с Пауком. Их встреча выглядела, как свидание... – Джон сомневался, что за время его пропажи Марта стала поручать племяннице секретные миссии:

– У Густы отличная крыша, она сидит в посольстве с дипломатическим паспортом, – хмыкнул герцог, – зачем Марте перебрасывать ее на задания, где требуется особая подготовка? Густа знала покойного мистера Мэдисона, знала о Пеньковском... – о суде над предателем и шпионом, как в газетах называли Пеньковского, узнали и они:

– Но Густа не могла переметнуться на Лубянку, – уговаривал себя Джон, – ее отца расстреляли русские, зачем ей это... – он решил все равно проследить за посольством:

– Надо понять, куда она ходит, с кем встречается, – Джон завернулся в колючее одеяло, – а еще надо поспать, мистер Холланд. Ладно, утро вечера мудреней... – ребенок затих, спорщики утомонились.

Летнее солнце пекло затылок, над зеленой водой речушки Червелл шныряли стрекозы. Джон слышал детский смех, по корме разбросали ромашки:

– Смотри, какой у меня веночек... – донеслось до него, – правда, красивый... – улыбнувшись: «Полина девчонкой всегда плела венки», он заснул глубоким, спокойным сном.

Москва

– Пятница, седьмое февраля, в столице девять вечера. Передаем прогноз погоды на выходные дни. В Москве и Подмосковье ожидается оттепель, температура нулевая, возможны осадки в виде мокрого снега с дождем...

Осадки уныло стекали по пуленепробиваемому стеклу кабинета. Площадь Дзержинского тонула в серой хмари. Сквозь предвечерний туман пробивались рассеянные лучи уличных фонарей.

Закинув длинные ноги в американских джинсах на стол, Скорпион изучал свежее офицерское удостоверение, заложенное в яркую книжку с силуэтом Нового Моста в Париже на обложке. Роман Саше понравился:

– Хемингуэй всегда хорошо писал, – он любовался четкой фотографией, – жаль, что он погиб, то есть его убило ЦРУ. Я бы хотел ему позвонить, как называет это Сэлинджер... – Саше казалось, что ему бы нашлось, о чем поговорить с Хемингуэем:

– Страница обретается на его любимой Кубе... – Саша краем уха слышал, что у девушки все хорошо, – везет ей, у нее нет мокрого снега с дождем. И у пани Дануты тоже нет, у нее солнце и мороженое на берегу Тибра, под стенами замка святого Ангела...

Саша лениво подумал, что можно заказать из буфета эскимо:

– И съесть его с видом на памятник Дзержинскому, – он фыркнул, – но это совсем не то...

Он еще раз прочитал каллиграфически выведенные буквы. Удостоверений было два, офицерское и наградное. Саша наизусть помнил строки из приказа:

– За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм присвоить товарищу Гурвичу, Александру Матвеевичу, внеочередное звание старшего лейтенанта и наградить его орденом «Красной Звезды»...

После торжественного вручения ордена в узком кругу коллег, Саша спустился в закрытый архив Комитета. Папку отца нельзя было заказывать даже в кабинет. Он смотрел на строгий очерк лица, вглядывался в серые глаза:

– Ты бы обрадовался, папа... – тихо сказал Саша, – обещаю, что я всегда буду достоин тебя и бабушки...

Из Далласа Скорпион спокойно добрался на автобусе до мексиканской границы. Он узнал, что Джек Руби выполнил задание якобы мафии, попивая лимонад у открытого бассейна дешевой гостиницы, в захолустном городке по ту сторону реки Рио-Гранде:

– Дальше о Руби позаботятся американские коллеги, – лениво улыбнулся Скорпион, – я свое дело сделал... – бережно убрав удостоверения в личный сейф, Саша полистал «Праздник, который всегда с тобой»:

– Бывает вечер, когда нечем заняться... – он старался не смотреть на пухлую папку с газетными вырезками, – в театрах ровно ничего интересного. «Доброго человека из Сезуана» я посмотрел, а в кино ходить не на что. Не на «Тишину» же... – Саша скривился, – роман неплох, но две серии фильма я не выдержу...

На Фрунзенской его ждал переданный Невестой новый роман о Джеймсе Бонде. Рука Саши заколебалась над телефоном:

– Ей я звонить не собираюсь, – кисло подумал юноша, – много чести. Для посольства я продавец книжного магазина, а они все сейчас закрыты... – Невеста продолжала появляться на оперативной квартире товарища Матвеева два раза в неделю:

– Глаза бы мои ее не видели, – сочно пожелал Саша, – но теперь до понедельника я свободен, – несмотря на его настойчивые рапорты, руководство пока считало нецелесообразным заканчивать операцию с девушкой.

– Она передает отличные сведения, – вздохнул Саша, – придется потерпеть... – по глазам Невесты он понимал, что девушка ожидает кольца на палец:

– Не дождется, – он вытащил сигарету из пачки «Мальборо», – еще полгода-год, и мы от нее избавимся... – он мог позвонить младшей Куколке, Надежде Наумовне:

– Она, наверняка, болтается на какой-нибудь вечеринке... – на прошлой неделе Саша столкнулся с девушкой на брехтовском спектакле, – она прошла мимо меня с свитой, и бровью не повела. Или это была ее сестра, их никак не различить... – всякий раз, думая от двойняшках, Саша чувствовал головную боль, – но, в общем, какая разница? Анна Наумовна тоже мне откажет, сучки считают такое ниже собственного достоинства. Какое достоинство, на них давно пробы негде ставить... – на Патриарших прудах обретался еще и Фокусник.

Саша терпеть не мог парня:

– Метит в советские Яны Флеминги, тиснул очередной рассказик в «Юности», о работе ЧК в годы гражданской войны... – по мнению Саши, Левин и в подметки не годился британскому писателю:

– Фокуснику шестнадцать, но он разговаривает со мной свысока, мерзавец... – Левин находился под личным кураторством генерала Мортина, заместителя начальника Сашиного первого управления, внешней разведки. Мортин несколько лет провел в Китае и считался признанным специалистом по стране:

– Он носится с Фокусником, как с писаной торбой, – недовольно подумал Саша, – большое дело, китайский язык. Парень нахал, каких поискать, но трогать его нельзя, иначе неприятностей не оберешься... – Саша взглянул на часы. Мыши, в Куйбышев, звонить было поздно:

– Ей не поздно, она полуночица, но Журавлевым... – Мышь летом получала аттестат и отправлялась напрямик в ПТУ:

– Она станет слесарем-наладчиком широкого профиля, – ухмыльнулся Саша, – она намекала, что хочет попасть в космическую программу. И попадет, она упорная девчонка... – Новый Год он провел на Волге. Наталья Ивановна закармливала его домашним наполеоном и кружевными блинами:

– Пани Данута тоже хорошо печет блины, – хмыкнул Саша, – но до нее тем более никак не добраться... – девушка постригалась следующим летом:

– Приняв обеты, она постарается стать экономкой викарного епископа Кардозо... – священник пока сидел в Африке, но Саша не сомневался, что того ждет отличная карьера:

– Наши глаза и уши пригодятся рядом, как говорит товарищ Котов.

Наставник считал, что переезд Дракона, графа Дате, в Гонконг, придется как нельзя на руку:

– Мы будем воевать во Вьетнаме, – Саша потянулся, – воевать и побеждать американцев. Нам нужен свой человек в регионе. Ничего, граф полетит и в Рим, и не только в Рим, если там будет обретаться Монахиня... – отогнав мысли о девушке, Саша с отвращением посмотрел на затасканную папку.

Получив орден, он не должен был, как выражался товарищ Котов, почивать на лаврах. Саша вызвался сделать доклад на комсомольском собрании его Первого Управления. Скорпион был приписан к отделению С, занимавшемуся нелегальными операциями за границами СССР:

– Придут не только наши ребята, – он откровенно зевнул, – ожидается сотни две участников, надо не ударить в грязь лицом... – ему не хотелось просматривать пачку полуграмотных материалов из сибирских газет о героях комсомольских строек:

– Собрание только в апреле, на ленинскую годовщину, – облегченно подумал Саша, – ударники подождут... – на столе красовалась еще одна папка, тощая. Этого задания ему было никак не миновать. Почерк генерала Сахаровского, начальника Первого Управления, славился разборчивостью:

– Не то, что некоторые коллеги, – Саша взял записку, – царапающие, словно курица лапой. Пишущие машинки испортили нам почерк... – к записке Сахаровского прикрепили бланк на немецком языке, с эмблемой восточногерманского комсомола:

– Тов. Гурвичу, – начальство писало кратко, – по представлению лично тов. Вольфа в Советский Союз направляется тов. Брунс, для учебы в нахимовском училище в г. Ленинграде... – со времен бесследно пропавшего фальшивого каменщика Рабе, Саша с подозрением относился к рекомендациям Вольфа, – прошу взять тов. Брунса в личное кураторство...

Скорпион потянул к себе папку: «Посмотрим, что за немец к нам едет на этот раз».

Длинные пальцы в пятнах краски покрутили рычажок. Аня подхватила вылезавший из машинки лист:

– Ловкость рук и никакого обмана, – провозгласил брат, – почти такой аппарат стоит в музее на Лесной улице... – идея пришла в голову Павлу на экскурсии учеников Строгановского училища в бывшую подпольную типографию газеты «Искра»:

– Конструкция несложная, – объяснил он Ане, – смотри, что пишет герой революций и войн, – голос юноши дышал презрением, – товарищ Александр Данилович Горский... – он полистал затрепанный томик «Прерванного полета»:

– Дорогой Володя, «Искру» мы успешно печатаем в подвале. Ротатор машина простая. Один человек вооружен валиком, левая его рука подкладывает под рамку чистые листы и выбрасывает из-под нее отпечатанные. Кончик сапога движением вверх и вниз приподнимает и опускает рамку с трафаретом. Таким образом, можно свободно обходиться при печатании без посторонней помощи. Благодаря моим техническим навыкам мы усовершенствовали прибор... – Павел зевнул:

– Дальше идет похвальба, обычная у Горского... – брошюрка полетела в стену. Пьеро и Арлекин, спавшие на софе Павла, даже не пошевелились:

– Совсем разленились, – смешливо сказал юноша, – они старенькие, бедняги. Не зря Витька оставил мне ключи от комнаты, – подмигнул Павел сестре, – у меня теперь есть теневая мастерская... – Лопатин-младший осенью ушел в армию. Приятеля, правда, послали всего лишь в Кронштадт:

– Но в военно-морской флот, на три года, – недовольно подумал юноша, – хотя он даже на корабле пока не побывал... – Витька служил в береговых частях:

– После учебки меня определили в столовую морского штаба, – писал приятель, – я варю кофе для адмиралов... – Павел предполагал, что его самого освободят от призыва:

– Мортин постарается, – подумал он о кураторе, – он намекнул, что поступление на восточный факультет мне обеспечено. Будем вместе с Аней ездить в университет...

Павел вернул с малаховской дачки на Арбат чемоданчик с рабочими принадлежностями. Не доверяя советским сберкассам, он завел неприметный саквояж, куда складывал плату за фальшивые документы. Багаж Павел хранил на вокзалах, каждую неделю перевозя его с места на место:

– Или перетаскивая, как на Каланчевке... – сестра изучала отпечатанный лист, – это наш неприкосновенный запас на случай побега... – на тот же случай Павел держал в саквояже чистые, ворованные в Гознаке, бланки советских паспортов. Сестрам он о своих планах пока ничего не говорил:

– Впрочем, это даже не планы, – в приемнике громко играли битлы, – а подготовка к непредвиденным обстоятельствам... – ротاپринт Павел собрал сам, тщательно изучив устройство похожего аппарата, стоявшего под замком в отдельной комнате при канцелярии училища:

– Нашу машину снабдили особым журналом, – весело сказал он Ане, – советская власть боится, что кто-то начнет копировать антисоветчину... – сестра так же смешливо отозвалась:

– Что, в общем, действительно правда... – они поставили аппарат на рабочий стол в гостиной. Аня загоразивала спиной поле обзора возможных камер в вентиляционных отдушниках. Под звон гитар ребят из Ливерпуля она одними губами сказала:

– Получилось отлично, но рисковать больше не стоит. Уноси машинку и учебник на Арбат... – сестры знали, что у Павла есть ключи от комнат Лопатина, – будем делать по несколько экземпляров в неделю и посылать бандеролью в Киев...

Лазарю Абрамовичу не удалось избежать очередной психиатрической экспертизы:

– На Хануку он вышел на Крещатик со светильником и зажег свечи под плакатом «Отпусти мой народ», – написала Фаина Яковлевна, – у нас отказали в выезде несколькими семьям. В здешней больнице ему делать нечего, и он принялся составлять учебник святого языка... – главы Бергер передавал жене на свиданиях, под видом писем:

– Учебник хороший, – со знанием дела сказала Аня, – в Москве он тоже пригодится... – сестра продолжала разбирать синагогальный архив:

– Надо организовать группу изучающих иврит, – заметила девушка, – в ешиве его преподают, но туда принимают только парней. В синагогу на праздники ходят не только религиозные люди... – девушка задумалась:

– С раввином говорить бесполезно, – она вздохнула, – мне скажут, что в синагоге осведомитель на осведомителе... – Аня встряхнула темными локонами:

– На Пуриме я прошупаю почву. Если найдутся желающие, мы сколотим группу, будем встречаться у ребят на квартирах... – Павел восхищенно отозвался:

– Ты сама уже можешь преподавать... – девушка смутилась:

– Начальный уровень, конечно. Но иврит, по сравнению с китайским, простой язык... – Павел ловко опустил ротатор в заранее приготовленный портфель:

– Говоря о китайском, мне еще надо позаниматься... – куратор из КГБ, неприметный человек с серым лицом, снабжал его бесконечным потоком строго секретных документов, как сообщали красные печати с иероглифами:

– Бумаги воруют в Пекине, – понял Павел, – отношения между СССР и Китаем практически разорваны, но у гэбистов остались агенты в стране... – Аня кивнула:

– Мне тоже. У меня завтра доклад на семинаре, о советской текстильной промышленности. Слава Богу, что мне разрешили со следующего курса перевестись на кафедру истории средних веков. Больше не надо читать бюрократические писульки из наркоматов... – Аня хотела продолжить занятия экономической историей:

– Буду писать о фландрских текстильных мануфактурах, – заметила девушка, – о торговле тканями. Так больше шансов попасть в Бельгию... – они пока не смогли передать письмо доктору Гольдбергу:

– Но передадим, обязательно... – Аня полюбовалась свежотпечатанным листом, – и вообще, нам недолго осталось здесь болтаться... – они верили, что рано или поздно покинут СССР:

– Пока мы еще не знаем, как, – Павел уложил в портфель перебеленные сестрой листы учебника, – пусть хотя бы кого-нибудь из нас выпустят на запад... – он понимал, что на такое шансов мало. Аня щелкнула зажигалкой:

– Пойду кофе сварю. Надя велела ее не ждать... – по стеклу ползли потеки мокрого снега, – она сегодня на вечеринке в Доме Кино... – устроившись на диване, по соседству с мопсами, Павел потянулся за китайской тетрадью. На клетчатый плед выпала скромная открытка со снегирем:

– У меня все хорошо, – читал он неряшливый почерк, – летом я сдаю выпускные экзамены и поступаю в профессиональное училище. Зима на Волге суровая, у нас часто бушуют метели. Мне всегда грустно, когда на дворе метель. Наверное, это с детства. Пиши мне, твой друг Марта Журавлева...

Павел вспомнил крохотный золотой крестик на узкой ладони девочки, тихий голос:

– Мне сказали, что мои родители погибли в ходе секретного эксперимента. Они были физики, но я не знаю их имен... – отыскав под грудой папок чистую тетрадку, Павел решительно вывел вверху страницы: «Полигон. Повесть». Он быстро писал, наклонив рыжеватую голову. Поставив рядом чашку кофе, неслышно поцеловав теплые волосы на затылке брата, Аня пошла к себе.

Тебя, Россия, вконец опутывали,
Но не для рабства ты родилась,
Россию Разина, Россию Пушкина,
Россию Герцена не втопчут в грязь!

Выбросив руку вперед, поэт склонил голову. Стол взорвался аплодисментами, с дальнего конца закричали:

– Водки! За это надо выпить, Василий Васильевич! Это настоящая русская поэзия, не чета всяким Мандельштамам и обери... – говорящий запнулся, – обери... – Надя неслышно сказала: «Обэриутам». Бархатный, вкрадчивый голос над ее ухом заметил:

– У вас хорошее образование, Наденька. Обычно актрисы таким не блещут... – Надя поднесла сигарету к огоньку его зажигалки:

– Я говорила, товарищ Королёв... – на его висках сверкала изысканная седина, – я не актриса, я модель и танцовщица. Я студентка училища при Большом Театре, работаю в ансамбле Моисеева... – бесконечные ноги Нади в черных чулках американского нейлона, едва прикрывало такое же черное платье, скромного, почти монашеского покроя:

– Только длина у него не монашеская, – усмехнулась девушка, – товарищ Королёв дырку во мне проглядел. На закрытый показ «Вчера, сегодня, завтра», с Марчелло Мастроянни и Софи Лорен, Надю пригласил один из ее официальных, как весело говорила девушка, работодателей.

– Я словно Марианна во Франции, – замечала Надя, – ни одна мозаика или фреска о молодежи Страны Советов не обходится без меня... – художник-монументалист готовил эскизы отделки проектирующегося дворца культуры в Братске. Насколько видела Надя на газетных фотографиях, Братск пока большей частью состоял из барачков и палаток:

– Ничего, – уверенно сказал монументалист, – все впереди. Из вас выйдет отличная бетонщица, товарищ Левина... – Надя была рада позировать в комбинезоне. Ей не нравились откровенные взгляды художника:

– Но товарищ Королёв вообще едва слюну не пускает... – стряхнув опьяневшего монументалиста, Надя собиралась поехать домой, но у столика появился хорошо знакомый ей поэт, в сопровождении вальяжного мужчины с благородной сединой, в отлично сшитом костюме:

– Надюша, – раскрыл объятия знакомец, – позволь тебе представить. Василий Васильевич Королёв, наш бард и скальд, певец жизни героя революции и гражданской войны, товарища Горского. Он не может покинуть ресторан, не познакомившись с олицетворением красоты... – Королёв склонился над ее рукой:

– Аншанте, мадемуазель, – сказал он с тяжелым акцентом, – по-французски это значит... – Надя отчеканила:

– Je sais ce que ça veut dire. Très bien... – танцуя с ней, Королёв все время вставлял в разговор французские слова. Чувствуя его настойчивую руку пониже спины, Надя дерзко сказала:

– Вы определитесь, месье Королёв, – она слегка отстранилась, – вам, наверное, тяжело в вашем возрасте переходить с языка на язык... – Королёв напыщенно отозвался:

– Мне всего шестьдесят, по французским меркам, я еще молодой человек... – Надя поняла, что он носит протез:

– На левой руке, писать это ему не мешает. Он упоминал, что его ранило, когда он служил ординарцем у Горского... – Королёв рассказал, что скоро отправляется в очередную заграничную командировку:

– Цюрих, Женева, Париж... – он заказал для Нади шампанское и фрукты, – я собираю материал для большого романа, саги о трех русских революциях. Он станет моей... – Надя едва не встряла: «Лебединой песней». Девушка велела себе прикусить язык:

– Седина в бороду, бес в ребро... – Королёв не выпускал под столом ее коленки, – он может взять письмо для папы, не задавая вопросов. Он партиец, приближен к Комитету, – за водкой и закусками Королёв хвастался знакомством с чекистами, как он называл работников Лубянки, – его не обыщут на таможне. Надо сделать так, чтобы он потерял голову. Конверт у меня при себе, я придумала историю о заграничной подруге. Придется с ним... – Надя подавила вздох отвращения, – но зато папа получит наше письмо, узнает, что мы живы.

Их компания оставалась последней в опустевшем ресторане. На измятой скатерти расцвели пятна соуса и сигаретного пепла, на паркете валялись виноградные косточки:

– За нашего друга, – Королёв поднял стопку, – настоящего русского поэта... – зазвенел хрусталь, кто-то рассмеялся:

– Яснолобый отрок – это Ленин... – парень помахал сигаретой, – ты молодец, даже сюда Ленина ввинтил... – он рыгнул:

– Премия тебе обеспечена, не в этом году, так в следующем... – за столом шел разговор о премиях, о путевках в творческих союзах, о кооперативах и машинах:

– У меня своя «Волга» с водителем, – сообщил Королёв Наде, – я переехал в новую квартиру на проспекте Калинина... – Павел называл проспект, с его небоскребами, вставной челюстью Москвы. Подумав о Павле, Надя мимолетно улыбнулась:

– Меня не представили по фамилии, а потом поэт напился. Хорошо, потому что Королёв критиковал Павла... – «Литературная газета» напечатала большую статью, где прозаик клеймил современных авторов, гонящихся, как он выражался, за дешевой популярностью:

– Павла, Стругацких и еще кого-то, – вспомнила Надя, – Иосиф написал Павлу, чтобы он не обращал внимания на всяких нафталиновых старцев... – Королёв, впрочем, старца не напоминал. Он ловко подхватил Надин бокал:

– Вы совсем не пьете, Наденька. Шампанское дамский напиток, позвольте себе расслабиться... – Королёв бесцеремонно мял подол ее платья, гладил край чулка, большая рука двигалась дальше:

– Терпи, – велела себя девушка, – это все ради нас. Но мерзавцы пируют, а Иосиф сидит в тюрьме... – в январе из Ленинграда пришли вести об аресте приятеля. Бродского обвинили в тунеядстве:

– Собравшиеся здесь не стоят его мизинца, – зло поняла Надя, – они травили Пастернака и затравят Иосифа... – ленинградские друзья передали Левиным номер тамошней «Вечерки» со статьей, где Бродского называли бездарностью:

– Окололитературный трутень, – Надя раздула ноздри, – это вовсе не текст, а пасквиль. Павел сказал, что в старые времена мерзавцев, его напечатавших, вызывали бы на дуэль... – в конце декабря Иосиф навестил Москву:

– Мы его уговаривали остаться или вообще уехать подальше от милиции, но он сказал, что у него в Ленинграде личные дела, что он должен вернуться. Он вернулся, чтобы сестра в тюрьму... – поэт, прикончив водку, опять поднялся: «Теперь «Братская ГЭС!»». Наде хотелось зажать уши. Она повторяла про себя:

– Спаситель родился в лютую стужу, в пустыне пылали пастушьи костры... – кто-то заорал:

– Ура! Ура славе земли русской! Надо еще выпить... – напротив Нади вскинули вилку с маринованным рыжиком. Пьяный голос икнул:

– Герцен, кстати, был немец или еврей... – сосед говорившего грохнул кулаком по столу, грязные тарелки подпрыгнули:

– Не смей трогать Герцена, – он покачивался, – Александр Иванович наша гордость, а ты... – он затейливо выматерился. Надя услышала тихий шепот Королёва:

– Хотите посмотреть, как я живу, Надюша... – ткнув сигаретой в переполненную пепельницу, Надя подхватила черную сумочку на цепочке: «Очень хочу, Василий Васильевич».

Павел рассказал сестрам об интуристе, которого пытались арестовать в ЦУМе:

– Но на такое рассчитывать нельзя, – задумчиво отозвалась Аня, услышав брата, – это ничего не значит. Он мог забыть наши имена, забыть имя папы или вообще посчитать все ерундой... – Надя вертела эскиз лица незнакомца:

– Он явно работал в охране африканского деятеля, – заметила девушка, – комитет посчитал его шпионом, поэтому они и появились в ЦУМе. Но Аня права, – она бережно убрала рисунок, – не стоит надеяться на мимолетные несколько слов... – Павел вскинул бровь:

– Учитывая обстоятельства, при которых они были сказаны, я бы поспорил, но письмо вещь более верная...

Конверт с отстуканным на машинке адресом лежал на журнальном столике полированного ореха, рядом с бутылкой коньяка. Королёв жил на верхнем этаже высотки. В окне гостиной переливался огнями проспект Калинина:

– Я переехал перед Новым Годом, – он усадил Надю на просторный, обитый кожей диван, – квартира еще не обжита... – Надя видела такие интерьеры в каталоге, где они заказывали одежду:

– В ванной у него черная плитка и зеркала, – девушка успела навестить ванную и кухню с американским рефрижератором, – сначала он меня здесь... – Надя подавила тошноту, – а потом поведет в спальню... – дверь в спальню пока оставалась закрытой.

Гостиную осенял увеличенный фотографический портрет железного Горского:

– С этого снимка писали знаменитую картину в Третьяковской галерее, – Королёв развалился на диване, – вы, наверное, видели холст... – Александра Даниловича неожиданно изобразили не в шинели с буденовкой, а в белой рубашке и галифе. Горский сидел, опираясь на спинку стула, глядя прямо на зрителя:

– Знаете, Наденька, – Князев повел рюмкой в сторону фотографии, – я помню его и таким. Он не только воевал, он много читал, отлично играл на фортепьяно, знал музыку. Разносторонний человек... – губы Королёва касались ее уха, – как и вы... – Василий Васильевич не сомневался, как Горский повел бы себя с девушкой:

– Он бы с ней не церемонился, как и с остальными женщинами. Подержал бы при себе немного, потом отдал бы матросам на потеху, а те бы ее расстреляли и сбросили в реку. Но с классово близкой женщиной Горский такого бы себе не позволил... – Александр Данилович наставительно говорил:

– Краеугольным камнем нового общества станет уважение к подруге, воину, трибуну, борцу. Вообще, – он поднимал палец, – скоро мы выбросим на свалку отжившие практики, откажемся от института брака, буржуазного инструмента угнетения. Мужчины и женщины будут соединяться, следуя взаимному влечению... – понимая, что партия не считает еврейку подходящей подругой для Александра Даниловича, Королёв не упоминал в книгах о Фриде:

– В любом случае, она погибла в революции пятого года, – хмыкнул Василий Васильевич, – в моем романе она стала Катей... – он держал на стене снимок покойной Лады в роли ткачихи-революционерки:

– Говорят, что Феллини плакал на просмотре фильма, – вспомнил Королёв, – он сказал, что сцена смерти Кати войдет в анналы кинематографа... – Василий Васильевич заранее пристроил новую, еще не написанную книгу, в заботливые руки режиссеров:

– Сначала двухсерийный фильм, потом телевизионные новеллы, – решил он, – новый формат с короткими сериями очень выигрышен. Ничего, что про революцию, с хорошими актерами никто не заметит революции... – Надя тоже узнала девушку на фотографии:

– Она погибла, в газетах писали о трагической утрате для советского искусства. Она тоже была много его младше... – Надя заставила себя не отстраняться. От Королёва пахло коньяком, писатель пытался расстегнуть защелку на ее бюстгальтере:

– Вы испытываете ко мне влечение, Наденька... – бормотал он, – отбросьте условности, отриньте ложный стыд, станьте моей подругой, самкой... – Надя лукаво отозвалась:

– Вы обещали взять письмо, Василий Васильевич... – его рука зашарила по столу:

– И возьму, – отозвался Королёв, – пароль д’онёр, как говорят французы... – Надя объяснила, что доктор Гольдберг отец ее приятельницы:

– Она бельгийка, тоже балерина. Она приезжала сюда с гастролями... – Надя мимолетно вспомнила об афишах конкурса Чайковского. Летом она ждала звонка от товарища Матвеева, однако ее оставили в покое:

– Авербаху присудили второе место, потому что он израильтянин, – Надя устало закрыла глаза, – то есть у него два гражданства. Хорошо, что Комитет не стал опять меня под него подкладывать... – она думала о музыканте с брезгливостью, – а доктора Эйриксона... – сердце защемило, – здесь больше ждать не стоит. Он женат, забудь о нем, вы никогда не встретитесь... – Надя разозлилась:

– Мы вырвемся отсюда и все случится по любви. Я забуду о мерзавцах вроде Королёва... – забрав письмо, Василий Васильевич помахал конвертом:

– Послезавтра я улетаю в Париж, ваша весточка уйдет по назначению. Подождите, Наденька, я сейчас... – девушка поняла:

– За презервативами пошел. Может быть, ничего не произойдет, он пожилой человек... – Королёв вернулся со второй бутылкой французского коньяка:

– Письмо, он, наверное, положил в чемодан... – бесцеремонная рука шарилась по телу Нади, – нет, кажется, пока у него все получается... – Королёв положил ее ладонь на расстегнутую ширинку:

– Видите, – он сыто рассмеялся, – я давно готов, Наденька. Ваше платье только мешает... – платье сбилось к талии, шелкнули застежки чулок. Он пытался скинуть брюки, Надя задыхалась от крепкого запаха спиртного. Откинув голову назад, она почувствовала тяжесть его тела. Королёв хрипел, в свете торшера его лицо казалось багровым:

– Оно такое и есть... – Надя не успела вскочить с дивана, – надо вызвать скорую помощь... – на лицо ей закапала слюна, рот писателя перекосялся. Надя распласталась под мертвым, неподвижным телом Королёва.

За большими окнами зала ожидания Киевского вокзала царила беспросветная тьма раннего февральского утра. Приемщик камеры хранения в подвальном этаже, позевывая, выдал скромный саквояж высокому парню в дорогой дубленой куртке и твидовом кепи. Лицо юноши было бледным, взволнованным. Сверив паспорт гражданина Бергера с квитанцией, приемщик пожелал юноше счастливого пути. Смахнув серебро в ящик, он проводил глазами широкие плечи:

– Одет хорошо, модные штаны носит... – приемщик забыл, как называются такие брюки, – а чемодан у него паршивый. У него этюдник на боку, художник, наверное... – тарелка над головой ожила, диктор сказал:

– Сегодня суббота, восьмое февраля. В Москве шесть утра, температура ноль градусов. Передаем спортивные новости с Олимпиады... – наострив уши, приемщик забыл о поднявшемся вверх посетителе.

Павел нашел сестру в только что открывшейся стекляшке. Надя нахохлилась над граненым стаканом напитка, который Павел называл кофе секкио:

– Звучит красиво, – весело добавлял он, – это самое главное... – так называемый кофе дымился за стойкой в эмалированном ведре:

Надя не поднимала глаз от пластика стола:

– Не знаю, зачем я его взяла. Я вообще не понимаю, что делать дальше... – она прикусила губу. Вытащив флягу со сваренным Аней черным кофе, Павел забрал секкио себе:

– Я выпью, – он отхлебнул половину стакана, – а ты ешь и слушай меня... – на дне его сумки болтались мандарины и криво отрезанный Аней кусок салами:

– Держи билет, – Павел выложил на стол картонный квадратик, – добираться до Брянска и пересаживаешься на киевский поезд. По дороге домой я зайду на почту... – он понизил голос, – дам телеграмму Фаине Яковлевне. Она тебя встретит в Киеве и обо всем позаботится... – на колени Нади лег конверт:

– Твой паспорт, – шепнул Павел, – и вот еще возьми... – в ее руке оказалась перетянутая резинкой пачка сторублевок:

– На первое время, – Павел заставлял себя говорить спокойно, – потом все устроится, в Киеве тоже есть художники и театры с танцевальными труппами. Ты найдешь работу, не беспокойся. Фаина Яковлевна откроет тебе ящик на почтамте, напиши сюда, сообщи его номер... – он вырвал лист из блокнота. Сестра подняла припухшие, темные глаза:

– Почему Бергер... – Павел ухмыльнулся:

– Когда Лазаря Абрамовича арестовали у Колонного Зала, надо было носить ему передачи, а их принимали только у родственников. Я переделал попавший мне в руки документ... – старшая сестра разбудила Павла утром:

– Даже не утром, а в четыре ночи... – он заметил на лице Нади следы слез, – будем надеяться, что гэбисты ничего не поняли... – Аня приблизила губы к его уху:

– У Нади неприятности, – шепнула она, – одевайся, бери этюдник, езжай на Киевский вокзал... – сестра только сказала, что она собралась в гости к общим друзьям, на юг:

– С того вокзала, где мы их провожали, – добавила Надя, – я сейчас здесь... – включив в ванной воду, Аня заметила:

– Ночные записи они прослушают утром. Надя не позвонила бы просто так, дело серьезное... – пост охраны в подъезде менялся в семь утра:

– Я отправился на этюды, день выходной, – объяснил Павел Наде, – когда я вернусь, внизу будут сидеть другие твари. Объясню, что электричку отменили, не было смысла ждать... – он сказал Ане, что позаботится о деньгах. Сестра ничего не спросила, но по ее глазам Павел видел, что она все понимает:

– Ротапринт и учебник остались в квартире, – вспомнил он, – я не успел отнести технику на Арбат. Но вряд ли к нам приедут с обыском прямо сейчас, хотя неизвестно, когда товарищ Матвеев собирался встретиться с покойником... – Надя сдерживала болезненный озноб. Она не помнила, как выбралась из-под тела Королева:

– Надо забрать письмо... – рванувшись в спальню, девушка уперлась в закрытую дверь, – черт, замок защелкнулся. Но где мне искать ключи... – она вздрогнула от телефонного звонка:

– Почти два ночи, кому он понадобился... – Королев обзавелся новой техникой, автоответчиком. Надя узнала голос:

– Василий Васильевич, здравствуйте, – развязно сказал товарищ Матвеев, – вы, должно быть, в гостях. Я заменяю вашего куратора, я заеду за сведениями, учитывая, что вы в воскресенье улетаете... – Надя закуталась в шубку:

– Я не смогла отыскать письмо, было опасно оставаться в квартире. Матвеев мог решить навестить его и ночью... – Павел накрыл теплой рукой холодную ладонь сестры:

– Ты все правильно сделала, нельзя было рисковать. И помни... – он улыбнулся, – мы всегда с тобой, мы твоя семья. Мы никогда не расставались, не расстанемся и сейчас... – Павел хотел перекинуть саквояж на Белорусский вокзал и дать телеграмму Фаине Яковлевне из местного почтового отделения. Допив кофе, сестра шмыгнула носом:

– В квартире везде отпечатки моих пальцев, – она помолчала, – но он умер сам, Павел. Юноша фыркнул:

– Даже если бы ты его стукнула бутылкой по голове, потеря для человечества невелика. Письмо... – он дернул щекой, – ладно, может быть, гэбисты его не найдут. Пойдем, – он взглянул на часы, – нам на третью платформу... – он сунул в карман шубки Нади пакет с недоодеванной провизией:

– Сумка у тебя есть, то есть сумочка... – вагон был почти пустым, – к обеду окажешься в Брянске... – он обнял Надю:

– Все будет хорошо, милая. Дай телеграмму сразу по приезду в Киев. Фаина Яковлевна найдет тебе комнату... – фонари на перроне тонули в сыром тумане. Надя прижалась лбом к запотевшему стеклу. Стащив кепи, брат помахал ей:

– Скоро увидимся, – прочла Надя по его губам, – помни, один за всех и все за одного... – блеснули рыжеватые волосы. Надя вспомнила:

– Он был таким маленьким, что мы с Аней называли его куклой... – в ушах сухо затрещали выстрелы, зашумел океан. Запахло сандалом, она услышала испуганные детские голоса:

– Non, non, Paul frère... – застучали колеса, Надя откинулась к жесткой стенке плацкарты:

– Котов хотел его вышвырнуть в море. Мы цеплялись за него, плакали. Котов не его отец, к нам он тоже не имеет никакого отношения... – Надя сжала руку в кулак:

– Мы увидим нашего отца, обещаю. Мы вырвемся отсюда, чего бы нам это не стоило... – прислонившись виском к окну вагона, девушка велела себе немного поспать.

Очередь в камеру хранения Белорусского вокзала двигалась медленно. Шурша купленной на почте «Комсомолкой», Павел с высоты своего роста разглядывал коротко стриженный светловолосый затылок невзрачного парня, стоявшего впереди. Крепкий юноша носил затасканное пальто и разбитые деревенские сапоги. Под мышкой он зажал облысевший заячий трюх. Парень тащил древний фибровый чемодан и брезентовый рюкзак. На чемодане химическим карандашом криво вывели: «Вальд»:

– Прибалт, – подумал Павел, – или советский немец, с них сняли ссылку, разрешили ездить по стране... – в вокзальном почтовом отделении все прошло легко:

– Телеграмму Фаине Яковлевне я дал, завтра она встретит Надю, – в подвале было жарко, Павел вытер пот со лба, – может быть, стоило позвонить Ане, успокоить ее... – взглянув на часы, он решил не рисковать. Стрелка перевалила за семь утра, подслушка могла появиться на работе:

– Официально я поехал на пленэр, – Павел поправил этюдник, – я могу сказать, что электричку отменили, она поймет. Ладно, я через четверть часа буду дома... – сверившись с расписанием, он запомнил время отправления действительно отмененной электрички на Можайск:

– Какой пленэр в такую погоду, – развеселился Павел, – под ногами хлюпает, над головой течет. Хотя певца русской природы Левитана это бы не остановило... – на прилавок камеры хранения шлепнулись чемодан и рюкзак. Парень сказал с акцентом: «На неделю, пожалуйста»:

– Точно, прибалт, – Павел сунул газету в карман дубленки, – комитетская тварь, товарищ Рабе, говорил похоже. Но тот был фальшивый пролетарий, а этот, кажется, настоящий... – сильные руки парня покрывали ссадины, под ногтями виднелась каемка грязи. Приемщик, шевеля губами, выписывал квитанцию.

Юноша неожиданно повернулся к Павлу. Глаза у него были спокойные, прозрачной голубизны:

– Совсем невидный, – усмехнулся Павел, – сморгни и не заметишь... – он вспомнил веселый голос Дануты:

– С тобой, милый, не стоит ходить на свидания в людные места... – Павел приподнялся на локте:

– Это почему еще... – девушка наклонилась над ним, рассыпав вороные, спутанные волосы:

– Потому, – Данута поцеловала его в нос, – что нельзя быть красивым таким... – она улыбалась, – девушкам не нравится, когда все смотрят на их молодого человека... – Павел притянул ее к себе:

– Ерунда. Все смотрят только на тебя... – он в который раз пообещал себе:

– Я ее найду, не знаю, как, но найду, даже если ради этого придется делать вид, что я лоялен СССР и писать про чека... – рассказ про доблестного чекиста Павел настроил в шутку, когда Надя пожаловалась, что в СССР никто не пишет на манер Яна Флеминга:

– Это вам не майор Пронин, – девушка помахала ярким томиком на английском языке, – от Пронина хочется зевать, а Бонда не закроешь, пока не дочитаешь до конца... – Павел в ответ провозгласил:

– У нас появится свой Бонд, советский Бонд... – в «Юности» похвалили рассказ о московском сироте, потерявшем родителей, пришедшем шестнадцатилетним парнем на работу в ВЧК.

У Павла имелись большие планы на героя:

– Это опубликуют, – мрачно подумал он, – а «Полигон» останется в ящике стола. Никто не напечатает повесть о том, как Советский Союз ради создания атомной бомбы принес в жертву жизни сотен людей... – Павел был уверен, что родители Марты, кем бы они ни были, погибли именно так. Он очнулся от неуверенного голоса парня:

– Простите, товарищ, как проехать на Красную площадь? Мы гости столицы, хотели посмотреть мавзолей Владимира Ильича... – Павел незаметно скривился:

– Половину Прибалтики выслали в Сибирь, немцев отвезли в товарных вагонах в Казахстан, а они притащились в Москву поклоняться мумии фараона. Правильно Аня говорит, то есть в Библии написано, должно пройти время, пока вымрут все, кто родился в рабстве... – юноша сухо ответил:

– Выйдете на улицу Горького, сядете на любой троллейбус в сторону центра. Извините, я тороплюсь... – несмотря на субботний день, троллейбус Павла был забит:

– Провинция за колбасой приехала, – он галантно пропустил к свободному месту худенькую женщину в ватнике и сером платке, – у нее при себе тоже авоська... – женщина сунула в карман ватника матерчатую сумку, – в Можайске, наверняка, магазины пустые...

Сойдя с троллейбуса у бывшей Алексеевской больницы, Павел гуляющей походкой направился к Патриаршим прудам. Гастроном на углу еще не открыли, но у входа скопилась небольшая очередь:

– Еще десять минут, – он заметил давешнюю тетку из троллейбуса, – точно, она решила прямо к открытию подойти. В училище говорят, что у нас хороший магазин... – Павел и сестры не переступали порога гастронома:

– Нам все привозят на дом... – потянув тяжелую дверь подъезда, он насторожился, – странно, почему вахтеров, то есть гэбистов, нет на месте... – он и не думал разворачиваться и отправляться на Арбат:

– Во-первых, нельзя бросать Аню, а во-вторых, меня найдут и на Арбате. У комитета есть адрес Витьки, они знают, что мы дружим. Инструменты я держу в тайнике, но гэбисты не поленятся вскрыть полы... – взбежав на третий этаж, он обнаружил настежь распахнутую дверь квартиры. На полу разбросали одежду. Павел обвел глазами гостиную:

– Где портфель с ротапринтом и учебником... – он замер. Опустившись на колени, юноша аккуратно коснулся неподвижных мопсов. На первый взгляд, собаки дремали:

– Они похолодели... – Павел почувствовал влагу на ресницах, – Аня с Надей никогда бы не повезли их в ветеринарную лечебницу. Они хотели, чтобы Пьеро и Арлекин оставались дома до конца... – на Дальнем Востоке и в интернате, кто-то из мопсов непременно приходил в кроватку Павла:

– Он лизал мне щеку, я утыкался в него носом и засыпал. Он был теплый, он сопел мне в ухо... – Павел слышал сзади небрежный голос:

– Они не страдали, гражданин Левин. Старые собаки, им давно пора было сделать соответствующий укол... – товарищ Матвеев не успел больше ничего сказать. Согнувшись, он схватился за разбитый нос. Павел от всей души добавил ему по ребрам:

– Сука, – сказал он тихо, – подлая, мерзкая тварь. Где моя сестра... – его схватили за плечи, товарищ Матвеев кивнул:

– Наручники. Где ваша сестра... – он вытер кровоточащий нос крахмаленным платком, – о том же самом я хотел спросить у вас, гражданин Левин. И спрошу, не сомневайтесь... Саша распорядился: «В машину его».

На отчищенной от жира, сверкающей электрической плитке, шипела сковородка. По словам хозяйки дачного домика, не было смысла водружать большую плиту в тесном кухонном углу:

– Ничего, – женщина затянулась папиросой, – кому надо готовить и спиралью обойдется. У меня летом мамыши с детьми комнаты снимают, а зимой командировочные живут или как вы, проезжий народ...

Электричка от платформы Немчиновка до Белорусского вокзала шла всего двадцать минут. Марта поняла, что две комнатухи, заставленные хламом, заваленные стопками разлохматившихся журналов, сдаются по цене московских гостиниц:

– Но в гостиницы не устроиться без командировочного удостоверения... – хозяйка, на вид ровесница ее и Веры, едва мазнула взглядом по паспортам семейства Вальд, – а здесь никаких бумаг не требуют, плати и живи. Впрочем, и квитанции никакой не выдают... – по пути от станции к поселку Вера напомнила ей о графе оперативных расходов:

– Эти деньги мы спишем, – уверенно сказала миссис Мэдисон, – но в магазинах надо брать чеки... – Марта похлопала себя по дерматиновой сумочке:

– У меня целый конверт накопился... – не желая рисковать, как кисло выразилась Марта, очередным полковником Вённерстремом, они не показывались в Стокгольме:

– Вы бы подружились с Гретой и Кампе, – вздохнула Марта, – но, как говорится, не в этот раз... – британская подводная лодка всплыла на поверхность Балтийского моря в пяти милях от границы СССР:

– Коммандо позаботились об остальном, – Марта перевернула шницели на сковородке, – место для высадки с лодки мы выбрали отличное, никто ничего не заметил, тем более ночью... – проскользнув мимо советских радаров, моторка доставила их на безлюдный, топкий латышский берег:

– Утром мы проголосовали на шоссе до Сигулды, где сели на псковский поезд, а остальное было просто... – в Пскове, остановившись тоже в частном секторе, они обзавелись не вызывающим подозрения багажом:

– Не с пустыми же руками нам ехать на великие стройки Сибири, – Марта набила чемодан и рюкзак подержанными вещами из рыночной скупки, – никто багаж не проверит, но надо быть аккуратным даже в мелочах... – в общем вагоне поезда на Москву Марта внимательно изучала прошлогодний путеводитель по столице СССР, с приложенной картой транспорта:

– Видишь, – сказала она Вере, когда женщины курили в пустом тамбуре, – деревня, где я спрыгнула с поезда, двадцать лет назад, давно стала районом Москвы, там теперь открыли метро... – Марта задумалась:

– Нам удобнее оставаться на западном направлении, по понятным соображениям... – лодка ожидала их в точке randevu на побережье ровно через две недели:

– Времени не так много, – заметила Марта в поезде, – но опасно здесь болтаться дольше положенного... – она затянулась папиросой:

– Попробуем обосноваться в Немчиновке. Это стародачное место, вроде Мейденхеда, – женщина коротко улыбнулась, – в поселке должны сдавать комнаты даже сейчас... – в первой же закуской на станции подавальщица направила Марту, как она выразилась, к сватье:

– Мы с ней куковать остались, – невесело сказала женщина, – мой сын и ее дочка, как поженились, тоже в Сибирь подались. И что им здесь не сиделось, под материнскими крыльями... – Марта заставляла себя не думать о Теодоре-Генрихе:

– Ему двадцать два года, – она приняла от подавальщицы пластиковый поднос с чаем и коржиками, – совсем большой мальчик. Где он, что с ним... – Марта не верила, что старший сын мертв:

– Он уехал из Новочеркасска, – твердо говорила себе она, – у него хорошие, надежные документы. Может быть, он тоже в Сибири... – вслух Марта весело заметила:

– У вас с мужем теперь вроде медовый месяц получается... – подавальщица смерила ее тяжелым взглядом:

– Получился бы, если бы он из земли сырой встал. Он в наших местах погиб, в октябре сорок первого, а Лешка мой декабрьский, я его в эвакуации родила. Сватья моя мужа после войны потеряла, в местах не столь отдаленных... – хозяйка дачи не распространялась о прошлом:

– Я торговый работник, – заметила она, – ларьком заведу на станции. Ухожу рано, прихожу поздно, обедов от меня не ждите... – Марта всплеснула руками:

– Что вы, милая, я повар. Если хотите, я и вам приготовлю... – хозяйка усмехнулась:

– Я дочке говорила, что две бабы на кухне захотят, а не разминутся. Своим домом надо жить, какая бы свекруха золотая не была, из ее рук смотреть нельзя. Наташка моя еще и поэтому в Сибирь ускакала... – Марта подняла бровь:

– Она бы могла у вас остаться, с мужем... – женщина отозвалась:

– Лешка в примачи не пошел бы, он парень гордый. Не беспокойся, на своей кухне я сама управлюсь. Вы все равно в Москве пропадать будете, гости столицы... – хозяйка добавила:

– Муж твой что, ссылки не пережил... – Марта покачала головой:

– Умер, как сын наш еще младенцем был... – хозяйка выпятила губу:

– Если у тебя в одном месте горит, можешь комнаты убрать, я вам оплату скину... – уборкой занималась Вера. Марта с Джоном с утра поехали в Москву, сдавать багаж в камеру хранения:

– Для вида, – сказала женщина племяннику, – нам надо обзавестись какой-то бумажкой, в добавок к нашим билетам в Иркутск... – билеты на отходящий через неделю поезд, в отличие от их паспортов, были насквозь фальшивыми:

– В общем, съездили мы не зря, – шницели Марта купила в кулинарии гастронома на Патриарших прудах, – едва мы вышли из электрички, как Джон наткнулся в камере хранения на Павла Левина... – разложив еду, она присела к шаткому, покрытому клеенкой столу, – у Механика точный глаз, он его отлично описал... – Джон взялся за бутылку сидра:

– Значит, его сестер, то есть девочек дяди Эмиля, вы не видели, тетя Марта... – Марта проторчала в гастрономе больше часа. Перешупав картонные пачки советских макарон, выпив два стакана кофейной смеси «Здоровье», она ухватила обещанную в очереди докторскую колбасу.

На Белорусский вокзал, где ее ждал Джон, Марта приехала с батоном и пакетами дешевых конфет:

– Соевые сладости, – сказала она наследному герцогу, – Виллема в свое время было от них за уши не оттащить... – батончики понравились всем. Марта обещала Вере:

– Я тебе дам рецепт. В конфетах только сахар, соевая мука и арахис... – откусив от бутерброда, она покачала головой:

– Девочек не было. Либо их увезли раньше Павла, – Марта помрачнела, – либо они живут не в этой квартире или даже не в Москве... – Павла Левина, в сопровождении двоих мужчин в серых пальто, забрала «Волга» с затемненными стеклами:

– Видно было, что он садится в машину не по своей воле, – Марта принялась за чай, – мы постараемся выяснить, что случилось... – она поднесла сигарету к зажженной племянником спичке:

– Значит, пирожки с лотка и московские девушки тебе нравятся... – Джон кивнул:

– Очень красивые, тетя. Правда на меня, в этих тряпках, – он подергал подержанный свитер, – никто не смотрит.

На вокзале Марта застала юношу с эскимо:

– В Италии в феврале тоже едят мороженое на улице, – бодро сказал наследный герцог, – только там в это время цветут апельсиновые деревья... – нацарапав что-то на листке из блокнота, Марта перебрала бумажку племяннику:

– Завтра посетишь Красную площадь, – обнадежила она юношу, – загляни в ЦУМ, постарайся найти Виктора. Держи адрес старого поделщика Волка, Алексея Ивановича Лопатина. Дом на Смоленке, рядом с резиденцией посла США... – Джон поинтересовался:

– А вы с тетей Верой что будете делать... – Марта спокойно забрала грязные тарелки:

– Мы с тетей Верой навестим мое давнее пристанище, Замоскворечье... – миссис Мэдисон знала о привезенном Механиком портрете Густы:

– Но Джон не знает, – Марта искоса взглянула на юношу, – пока так лучше. В конце концов, может быть, я ошибаюсь, а сэр Дик прав, и все это игра КГБ...

Открыв воду в облупившейся раковине, она велела: «Включайте радио, послушаем последние известия».

Перед поездкой в Россию Маленький Джон провел неделю над картами города:

– Тебе не надо особенно хорошо разбираться в столице, ты провинциал из казахской степи, – напутствовала его тетя Марта, – однако, бродя с потерянным видом, ты привлечешь внимание милиционеров... – документы Вальдов были надежными, но Марта не хотела никакого риска. Джон и не собирался болтаться по городу наугад, приставая с прохожим с расспросами. Он хорошо помнил холодную манеру Павла Левина:

– Настоящий столичный житель, облил невежу презрением, – усмехнулся Джон, – то есть он, конечно, Юдин. Тетя Марта так называет его для удобства. Интересно, он знает о своих настоящих родителях? Аня и Надя знают, не зря Павел говорил Механику о докторе Гольдберге. Но Павел, наверное, считает себя сыном Кепки... – несмотря на советское происхождение, юноша напомнил Маленькому Джону аристократа:

– Он и есть такой, – развеселился наследный герцог, – по материнской линии он граф, наследник древнего тосканского рода, у него есть палаццо во Флоренции... – Италия давно стала республикой, однако тетя связалась с тамошними официальными лицами:

– Палаццо никуда не делся, – хмыкнул Джон, – Волк рассказывал, что покойная графиня Лючия использовала только один этаж. На остальных графы д'Эсте устроили музей, у них хорошая коллекция картин... – отец Лючии передал палаццо городу с условием сохранения за семьей квартиры в здании:

– Апартаменты сейчас закрыты... – Джон остановился на Театральной площади, – как и их загородная вилла. Наш замок тоже почти пустует, семья появляется в Банбери только на каникулах. Но Полина поселится там с мужем и детьми. Павел тоже вернется в свое законное владение, надо только вывезти его отсюда. А я... – он вдохнул сырой, дымный московский воздух:

– Я тоже когда-нибудь женюсь, наверное... – сестра намекала, что он нравится принцессе Анне:

– Которая еще девчонка, как и сама Полина, – усмехнулся наследный герцог, – у них пристрастия меняются по несколько раз на дню. Полина пока что без ума от Че Гевары... – сестра пристроила на стену портрет команданте и кубинский флаг. Такие плакаты Маленький Джон заметил и в Москве:

– И апельсины у них кубинские и марокканские... – глаза на театр, юноша очистил один, – а к нам фрукты везут с карибских островов... – апельсин он купил на лотке перед бывшим Елисейским магазином:

– Выпил сидро и дошел пешком до Красной площади, – Джон долго стоял в восхищении перед собором Василия Блаженного, – видно, что Кремль возводили итальянские мастера, но собор русский, у нас так строить не умеют... – под ногами хлюпала волглая грязь, с реки дул теплый южный ветер:

– Завтра обещали плюс пять градусов, – вспомнил Джон, – но тетя Марта говорит, что это обманная весна. Хотя все девушки надели короткие юбки... – москвички только скользили скучающими взглядами по дурно одетому, неловкому провинциальному парню. Стоя в очереди у лотка, Джон услышал легкий шепоток:

– Смотри, Гутиэррес... – очень красивая черноволосая девушка в легкой дубленке, покинув белую «Волгу», независимо прошла в гастроном. Джон проводил ее взглядом:

– Вертинская, дочь знаменитого певца. Тетя Марта показывала мне ее фильмы... – товарищ Вальд должен был хорошо знать советский кинематограф:

– Теодор-Генрих, наверное, теперь отлично говорит по-русски, – Джон выбросил шкурки из-под апельсина в урну, – это если он вообще жив, конечно... – юноша все же считал, что кузена не арестовали:

– Не такой он человек, – уверенно думал Маленький Джон, – он водил за нос Штази и Комитет, он не дастся им в руки... – юноша заметил припаркованную у Малого театра «Волгу» с затемненными стеклами:

– Лубянка в пяти минутах ходьбы отсюда, – вспомнил Джон, – но Лубянка не станет меня пасти, они понятия не имеют, кто я такой... – порывшись в кармане, он подсчитал деньги в дерматиновом портмоне, с портретом его предполагаемых матери и тетки. Тетя Марта долго наставляла миссис Мэдисон в искусстве съемки у советских фотографов:

– Боже тебя упаси улыбаться, – строго заметила тетя, – в СССР ценятся серьезные лица. Сделаем подходящие прически, приоденемся... – Вера вскинула бровь:

– Космический век на дворе, а мы будем выглядеть, как деревенские простушки... – Марта вздохнула:

– Мы такие и есть, милая. Нас привезли в товарных вагонах из приволжской глуши в глушь казахскую, где мы и просидели последние двадцать лет... – родня носила блузки в цветочек с бантиками.

По краю фигурно обрезанного фото вилась еще более фигурная надпись: «Милому сыну и племяннику Яну от любящих матери и тети. Курган, 1963». До отъезда на сибирские стройки Вальды, по документам, обретались именно в пригороде Кургана:

– Деньги на оперативные расходы брать нельзя, – Джон хотел купить подарок сестре, – ладно, у меня есть и свои рубли... – рубли он поменял в Coutts & Co, где банковские работники еще с позапрошлого века приучились не задавать клиентам ненужных вопросов:

– Через два года я окончательно стану совершеннолетним, – пришло в голову Маленькому Джону, – пока ее величество наш с Полиной опекун, вместе с тетей Мартой. Ко мне перейдут герцогский титул и все владения семьи. Но я верю, что папа жив, он не мог погибнуть. Он где-то в СССР, но как его искать... – «Волга» медленно двинулась в сторону Тверской. Маленький Джон чиркнул спичкой:

– Найдем. Виктор, – он взглянул в сторону зеркальных окон ЦУМа, – судя по всему, друг Павла. Он может знать, почему его вчера увезли с квартиры и что с ним случилось. На крайний случай, у меня есть адрес мистера Лопатина на Арбате, куда я и направлюсь, если не увижу Виктора в ЦУМе... – оскальзываясь на вычищенном дворниками тротуаре, Джон пошел к вертящимся дверям универмага.

Холеная, сильная рука постучала сигаретой о край пепельницы. Низкий голос сказал:

– Я знаю, мой милый, что курение дурная привычка и комсомол ее не одобряет. Однако позволь мне на седьмом десятке лет потворствовать моим прихотям... – Наум Исаакович подмигнул мальчику:

– Мавзолей ты посетил, на Красной площади мы побывали, перед тобой Большой театр, который ты еще навестишь, – а сейчас... – он посмотрел на швейцарский хронометр, – время обеда... – официально парня курировал Скорпион, однако вчера Науму Исааковичу передали, что старший лейтенант Гурвич временно занят по службе:

– Товарища Брунса привезут вам на дачу, – сухо сказал начальник Первого Управления Сахаровский, – вам разрешено устроить экскурсию по Москве... – Эйтингон чуть не поправил генерала: «В тюрьму»:

– На зону меня не вернули, – усмехнулся он, – экономят казенные деньги на разъездах. Но мне осталось сидеть еще два года... – кроме начальства в дачном уединении его навещали только леди Августа, Невеста и сам Саша:

– Страница преуспевает на Кубе, – довольно подумал Наум Исаакович, – активистка тамошнего комсомола, обратила на себя внимание Че Гевары. Пусть посидит на Острове Свободы, и мы отправим ее в Америку, в движение пастора Кинга. И в Риме все в порядке, Монахиня скоро примет обеты и отцу Кардозо будет от нее никак не отвертеться...

О пропавшей троице шпионов и предателей, во главе с 880, Наум Исаакович предпочитал не думать. Допросы в Новочеркасске, где после бунта расстреляли зачинщиков, ничего не дали. Герцог, фальшивый товарищ Рабе и Мария Журавлева словно провалились сквозь землю:

– Ладно, – сказал себе Эйтингон, – их кости могут гнить в земле, а если нет, то мы рано или поздно их найдем... – пока что он, по его выражению, складывал под сукно и докладные записки профессора Кардозо. Герой Социалистического Труда требовал доставить к нему на остров Возрождения дочь:

– Он читал ее докторат и полагает, что доктор Кардозо внесет неопенимый вклад в советскую медицину, – Эйтингон презрительно выпятил губу, – никто сейчас не станет заниматься ее похищением, есть заботы важнее... – от настойчивого Кардозо отделялись обещаниями:

– Он еще тридцать лет проживет, – желчно сказал себе Эйтингон, – ему нет шестидесяти. Подождет он свою Маргариту, ничего страшного... – Кардозо напирал на то, что хочет передать экспериментальный институт в надежные руки:

– Профессор до ста лет дотянет, – хмыкнул Наум Исаакович, – пусть не притворяется стариком...

Он подозревал, что именно так думает о нем мальчик, сидящий рядом в комитетской «Волге». Комсомольца товарища Брунса, шестнадцати лет от роду, направили в ленинградское нахимовское училище по просьбе руководства Германской Демократической Республики и лично Маркуса Вольфа. После фиаско с так называемым перебежчиком Рабе, Наум Исаако-

вич скептически относился к рекомендациям немецкого коллеги, однако изучив досье мальчика, приехавшее с ним из Берлина, он изменил свое мнение:

– Важно даже не досье, а сам парень... – он смотрел в прозрачные, голубые глаза, – он не лжет, он говорит правду... – немецкие коллеги тщательно порылись в документах гитлеровских времен. Эйтингон внимательно рассмотрел лагерные фотографии родителей Брунса:

– Нам повезло, что и Бухенвальд, и Равенсбрюк находятся на востоке... – бывшая Гертруда Моллер, в парадной форме вспомогательных частей СС, кокетливо улыбалась в камеру, – бедный Иоганн, он словно олицетворение трагедии немецкого народа... – мальчик много говорил о погибших отце и сестре, но почти не упоминал мать:

– Ему стыдно, – понял Эйтингон, – она тоже сгинула в пожаре, но мать есть мать... – ему казались знакомыми глаза и повадка подростка:

– Будто он аристократ, а не уроженец деревенской глухомани, – понял Наум Исаакович, – но Моллер негде было завести связь с аристократом... – он предполагал, что Моллер получила новые документы, оказав услуги союзникам:

– Понять бы, какие, – вздохнул Эйтингон, – в ГДР, кстати, давно выписали ордер на ее арест... – он сказал парню, что пожар на ферме, скорее всего, устроил посланец беглых нацистов:

– Женщина в маске и черном плаще, – задумался Наум Исаакович, – по-немецки она говорила без акцента. Зачем она прятала лицо, если не собиралась никого оставлять в живых... – получить доступ к западногерманским материалам по расследованию пожара было невозможно:

– Но и расследовать нечего, – Наум Исаакович велел шоферу: «Домой», – парень сбежал в море в состоянии шока, аффекта, как сейчас говорят. Хотя он молодец, не растерялся и выстрелил в нацистку, если она, конечно, была нацисткой... – отомстить Моллер могла и любая заключенная из Нойенгамме или Равенсбрюка:

– В Равенсбрюке сидели десятки тысяч женщин, – устало подумал Эйтингон, – ищи ветра в поле, что называется... – он утешил себя тем, что у Иоганна, по его признанию, не осталось никакой родни в Германии:

– Он знает только материнскую ласку, – сказал себе Эйтингон, – то есть любовь нашей страны, любовь социалистического ГДР. На западе его бы заперли в психушку, никто бы не поверил его истории о черном плаще... – он потрепал мальчика по плечу:

– Обед нам накроют на даче... – Иоганн знал его, как товарища Котова, консультанта служб государственной безопасности, – поиграем в шахматы, посмотрим телевизор... – на даче оборудовали и кинозал:

– Надо показать ему наши ленты, – решил Эйтингон, – вообще он напоминает Скорпиона в его юношеские годы... – Иоганн на своем неловком русском отозвался

– Спасибо, товарищ Котов. Я счастлив, – он повел рукой в сторону промелькнувшего мимо здания стадиона, – счастлив, что я здесь, в СССР... – черная «Волга» с затемненными стеклами скрылась в пелене оттепельного дождя.

Заставленный хламом унылый дворик арбатского дома тонул в серых клочьях промозглого тумана. Тощая кошка, пройдясь по верху проржавевшей кровати, ловко прыгнула на забор. Моросила капель, с реки дул почти весенний ветер. Тулуп и ушанка Джона казались неуместными среди легко одетой московской толпы. Не желая рисковать проверкой документов, он не сел в метро на площади трех вокзалов, а добрался до Арбата, как выразился бы Волк, на перекладных. Он хорошо помнил адрес Алексея Ивановича:

– Дом на Спасопесковском переулке, рядом с резиденцией американского посла... – Джону пришло в голову, что он может появиться на пороге резиденции:

– Или поехать в Замоскворечье, в наше дипломатическое представительство, – он усмехнулся, – здравствуйте, я герцог Экзетер. Ерунда, советские охранники меня быстро скрутят и сунут в воронок. Тем более, мне надо позаботиться о Генрихе, Маше и Феденьке...

Миновав пару остановок на троллейбусе, Джон понял, что на его наряд никто не обращает внимания. В выходные дни Москву наполняли провинциалы, приезжающие в столичные магазины за провизией. Тощий рюкзак Джона болтался за его плечами. Кроме смены белья, зубной щетки с порошком и безопасной бритвы, в его так называемом багаже больше ничего не было:

– Дворик писал художник Поленов, – очнулся он от скрипучего голоса за спиной, – видели вы картину... – сизый дым сигареты вился рядом с раскрытой форточкой, Джон отозвался:

– Только в альбомах. В мои прошлые... – он поискал слово, – визиты в СССР, у меня не оставалось времени на экскурсии в музеи... – мебель в гостиной покойного, как теперь знал Джон, Алексея Ивановича Лопатина, сдвинули к стенам. Два неприметных парня в рабочих спецовках аккуратно вскрыли искусно устроенный тайник в паркете наборного дерева:

– До переворота вся квартира принадлежала Лопатиным, – старик курил американскую сигарету, – отец Алексея Ивановича числился купцом третьей гильдии. Он держал лавку на Смоленском рынке. Для вида, разумеется, – добавил незнакомец, представившийся Аркадием Петровичем, – вообще он занимался скупкой краденого товара... – на звонки Джона в мощную дверь арбатской квартиры ответил один из парней:

– Два звонка, как на табличке указано, – они с Аркадием Петровичем пили хорошо, по-московски, заваренный чай, – парни шестерки, если говорить на их манер... – Аркадий Петрович отставил пустую гарднеровскую чашку:

– Максиму Михайловичу привет передавайте, – мимолетно улыбнулся он, – я его годовалым парнишкой помню. Я его родителей знал, светлой памяти... – старик перекрестился, – бабушку, Любовь Григорьевну... – новый московский смотрящий не упоминал о своем возрасте, но Джон понял, что перед ним человек, родившийся в прошлом веке:

– Он объяснил, что вышел из отставки после убийства Алексея Ивановича, – герцог вздохнул, – значит, ни Лопатин, ни его люди не выдали меня и Машу... – один из парней, почти с поклоном, поставил на столик маркетри невидный саквояж:

– Приберите все, – Аркадий Петрович щелкнул сухими пальцами, – и подгоните машину. Наш гость поедет в Малаховку, на дачу... – старик прищурился:

– Смотрите, тучи рассеиваются. Сегодня ожидается теплый день, но это обманная весна, Иван Иванович, то есть Василий Корнеевич... – повертев просроченный паспорт Джона, старик утвердительно сказал:

– Окольными путями в Москву добирались. В вагон дальнего следования вас с такой филькиной грамотой не пустили бы... – Джон кивнул:

– И в приграничную зону не пустят, а мне надо вывезти отсюда племянников и их ребенка, то есть моего внука... – Аркадий Петрович пробормотал:

– У гробового входа младая жизнь будет играть... – почти бесцветные глаза озарились усмешкой:

– Я дворянин, – неожиданно сказал старик, – закончил Поливановскую гимназию на Пречистенке... – он перешел на старомодный, изысканный французский язык, – но из университета меня выгнали перед смутой пятого года. За шулерство и другие дела... – поведя рукой, он щелкнул замком саквояжа:

– Паспорта мы вам сделаем, ваша светлость... – Джон не скрывал, кто он такой, – но придется подождать. Еще одного Гудини в Москве нет, придется искать мастера в других городах... – ребята Аркадия Петровича, по его собственному выражению, присматривали за квартирой на Патриарших прудах:

– Гудини они называют Павла Левина, то есть Юдина, – понял Джон, – он дружит с Витей Лопатиным, сыном Алексея Ивановича... – старик поджал губы:

– По закону не положено в армии служить, но Виктор и не пойдет по нашей дороге, его ждет легальное трудоустройство... – по словам старика, герцог удачно выбрал время для визита на Арбат:

– Меня разбудили звонком, – признался Аркадий Петрович, – сначала из квартиры вывели сестру Гудини, – он помолчал:

– Мы путаем девочек, они близняшки. Непонятно, кто это был, Аня или Надя, но она шла одна. Потом появился Павел, он поднялся наверх, а через десять минут и его сунули в комитетскую машину. Береженого Бог бережет, – Аркадий Петрович заглянул в саквояж, – ключи от комнат Вити у меня есть, мы поспешили на Арбат. Комитет знает адрес, сюда после гибели Алексея Ивановича приезжали псы... – Генрих рассказывал Джону о визите на Арбат и встрече с Павлом на танцах в ДК МГУ:

– Это был мой племянник, – объяснил Джон, – он работал под видом перебежчика с запада, но после Новочеркасска ему пришлось уйти в подполье... – Аркадий Петрович помолчал:

– После Новочеркасска. Понятно было, что там все обречено на провал... – он взглянул на часы:

– По коням, ваша светлость. Насчет Гудини и его сестер мы постараемся что-нибудь выяснить, но на Лубянку ходов у нас нет. С Петровкой было бы легче, это милицейская вотчина... – резко затрещал звонок. Джон посчитал:

– Два раза, к Лопатиным. У меня при себе нет оружия, а сейчас может начаться пальба... – шестерки Аркадия Петровича взглянули на старика. Джон невозмутимо допил чай:

– Здесь, наверное, есть черный ход... – старик кивнул, – отправляйтесь туда, а я открою... – звонящий опять нажал на кнопку. Поправив обвисший деревенский пиджак, герцог спокойно пошел в переднюю. Щелкнув засовом, он взглянул на топтавшегося на площадке невысокого парня, в разбитых сапогах и затрепанном пальто. Юноша вскинул голубые, прозрачные глаза:

– Вырос, – Джон заставил себя устоять на ногах, – Господи, совсем большой мальчик. Сыночек мой, он не верил, что я погиб, он приехал за мной... – сын едва слышно прошептал:

– Папа... Папа, милый, ты жив... – Маленький Джон, как в детстве, нырнул в раскрытые отцовские руки. Запахло табаком и лесом, он уткнулся мокрым от слез лицом в твердое плечо:

– Папа, папочка, я поверить не могу... – юноша послушал ровный стук отцовского сердца:

– Поверь, – отец погладил, как маленького, по голове, – поверь, милый. Я здесь, я с тобой. Пойдем... – Джон перевел сына через порог квартиры, – ты мне все расскажешь.

Список орденов доктора Гольдберга занимал треть страницы убористой машинописи. К составленной архивистами справке подкололи вырезанный из газеты снимок седоватого мужчины с длинным носом, в простых очках:

– Ордена Британии, Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии... – Саша едва не сбился со счета, – американцы выписали ему генеральскую награду. Он и есть генерал, только партизанского движения...

Провинциальный доктор на фотографии никак, по мнению Саши, не тянул на знаменитого Монаха, главу бельгийского Сопротивления:

– Он почти пять лет воевал за линией фронта, устраивал диверсии, взрывал рельсы и военные корабли, убивал бонз из гестапо и спасал евреев... – Саша подумал, что, живи Гольдберг в СССР, он давно бы стал Героем:

– Но вместо звездочки мы отвесили ему смертный приговор... – в справке указывалось, что Гольдберг возглавлял бандитские вылазки в освобожденной Польше:

– В сорок пятом году, – Саша затянулся сигаретой, – а через десять лет герой-партизан устроил танковый бой с нашими войсками в Венгрии... – венгры, как выяснилось, тоже выписали Гольдбергу расстрел:

– Нацисты ему с десятков таких расстрелов обещали, а он жив и здоров... – Гольдберг, глава рудничного госпиталя в шахтерском местечке Мон-Сен-Мартен, представлял Бельгию во Всемирной Организации Здравоохранения:

– Первая жена погибла в Польше, в сорок пятом году, – Саша исподтишка взглянул на старшую Куколку, – вторая жена умерла от ранений, полученных в венгерском выступлении контрреволюционеров, третья жена... – Саша поднял бровь:

– О ней ничего не сообщают, но я уверен, что она есть... – ему хватило одного взгляда на доктора:

– Он словно 880, – хмыкнул Саша, – пройдешь и не заметишь, но, приглядевшись, понимаешь, что они непростые люди...

Скорпион аккуратно вложил в папку с досье Гольдберга письмо, найденное в квартире покойного Королёва. Экспертиза показала, что смерть писателя произошла от естественных причин:

– У него случился сердечный приступ, – Саша покачал линейкой, – неудивительно в его возрасте, при виде Надежды Наумовны... – о визите младшей Куколки в квартиру Королёва Саша узнал рано утром. Обычный куратор писателя отдыхал в Сочи:

– Он забыл меня предупредить, что кроме Королёва, он ведет и других осведомителей... – желчно подумал Саша, – меня разбудили на Фрунзенской в семь утра... – дежурный по Лубянке сообщил о звонках от трех, как они выражались, представителей творческих кадров:

– Все торопились сказать, что автор «Братской ГЭС» позволил себе пару политических анекдотов на вечеринке... – Саша закинул ногу на ногу, – а известный беллетрист Королёв покинул Дом Кино в сопровождении не менее известной в узких кругах светской бабочки, то есть Надежды Наумовны...

Судя по беспорядку в одежде, Королёв умер, едва успев приступить к развлечениям. Саша сильно сомневался, что младшая Куколка подцепила Королёва с намерением весело провести время:

– Он был ей нужен не для этого... – Саша раздул ноздри, – мерзавки выяснили имя своего отца и пытались передать ему письмо... – в весточке на французском языке Куколки не скрывали своего намерения покинуть СССР. Саша сомневался в подлинности архивной справки:

– Гольдберг действительно поехал в Польшу, мутить воду и даже жену взял с собой. Но она не погибала, – понял Саша, – она оказалась в нашем плену, ее отправили в Москву... – он подумал, что мать Куколок и Фокусника была редкой красавицей:

– Фокусника она родила позже, – понял Саша, – наверняка, с ней жил кто-то из окружения Берия или даже сам министр. Куколки не напоминают отца, хотя нет... – он пригляделся, – подбородок у них отцовский, им железо можно резать...

Анна Наумовна невозмутимо рассматривала беленую стенку над головой Саши:

– Понятно, почему младшая Куколка сбежала, – зло подумал Саша, – мерзавки не хотели, чтобы кто-то знал об их планах. Получив записку, Гольдберг немедленно отправился бы в СССР, пусть и нелегально. Он бы не оставил своих детей на произвол судьбы... – пока Анна Наумовна упорно молчала, только заметив, что со вчерашнего дня не видела сестру:

– Надя взрослый человек, – сухо сказала девушка, – у нее много знакомых в Москве. О каком письме идет речь, я вообще не знаю... – письмо отстукали на машинке, но Куколки подписались от руки:

– Графологическая экспертиза покажет, что это их почерк, – Саша оставил линейку, – если Анна Наумовна продолжит записываться, она сильно пожалеет... – Саша водрузил на стол ротапринт и рукописный учебник иврита:

– В СССР не запрещено изучать иностранные языки или пользоваться множительной техникой, – вспомнил он издевательский голос девушки, – бремя доказательства моей так называемой вины лежит на вас, гражданин Матвеев. Остальное антиконституционно и станет предметом моей жалобы в вышестоящие органы законности. – она поправила темные, тяжелые волосы. Саша все же щелкнул линейкой по краю стола:

– Я ухожу, Анна Наумовна, – он хотел поговорить с Фокусником, – но скоро вернусь... – она независимо вздернула изящную голову:

– Советую не упрямяться, такое поведение не в ваших интересах... – мягко закрыв дверь, Саша поднялся на этаж выше, где сидел Фокусник.

Кофе Павлу принесли хороший:

– Не секкио, – весело подумал юноша, – здесь не вокзальная забегаловка. У псов в буфете наверняка стоит итальянская кофейная машинка. Мерзавцы держат народ в черном теле, а сами жрут шоколад и икру, – к кофе полагались деликатные птифуры.

Не притрагиваясь к пирожным, юноша дымил собственной американской сигаретой, разглядывая голый двор в окне небольшого кабинета:

– Я на первом этаже, – понял Павел, – но Аня может быть, где угодно, здание огромное... – он вспомнил рассказы Аркадия Петровича, имевшего дело с тогда еще ВЧК во времена Дзержинского:

– Его арестовали за спекуляцию золотом и чуть не расстреляли, – Павел незаметно осмотрелся, – он говорил, что здесь есть подвалы и чуть ли не подземные ходы... – за инструменты и запасы химикатов Павел не беспокоился:

– Вряд ли комитетчикам придет в голову прямо сейчас отправиться на Арбат, – он стряхнул пепел, – а за нашей квартирой на Патриарших приглядывают ребята Аркадия Петровича. Ему сообщат о случившемся, он обо всем позаботится... – гораздо больше Павла волновал паспорт на имя Бергера, во внутреннем кармане его дубленой куртки. Юношу пока не обыскивали:

– Аня бы заявила, что они не имеют права на обыск без санкции прокурора... – он обвел глазами беленую комнату с разохшимся канцелярским столом, – но здесь территория законности заканчивается. Весь СССР одна сплошная вотчина беззакония...

Павла, как несовершеннолетнего, нельзя было допрашивать без присутствия органов опеки, но юноша предполагал, что товарищу Матвееву на это наплевать:

– Но нельзя, чтобы паспорт попал к ним в руки... – услышав шаги в коридоре, Павел выпрямился, – ладно, Гудини, настал твой звездный час... – он не сомневался, что Аня напишет себе и учебник иврита, и ротапринт:

– Надя тоже бы так сделала на ее месте, – вздохнул Павел, – они мои старшие сестры, пусть и не по крови, они считают своей обязанностью меня оберегать... – юноша мимолетно коснулся антикварного серебряного медальона на шее. Безделушку он купил за бесценок в комиссионке на Арбате:

– У Ани и Нади тоже такие есть, я подарил им вещицы на день рождения. Мы обещали, что никогда не расстанемся со свитками... – Павел подумал о Свете и Софии:

– У них остались записки с их именами. То есть, наверное, остались. Непонятно, где они и что с ними случилось. Скорее всего, мы их больше никогда не увидим... – сейчас это было неважно:

– Соberись, – велел себе Павел, – Аня одобрила бы мою тактику. Надо сбить их со следа, заставить растеряться. Пусть ищут Надю, пусть хоть обыщутся. Но если Аня сказала, что учебник и ротапринт принадлежат ей, Лубянка может обозлиться и выписать ей срок в колонии. Ане и Наде восемнадцать лет, их можно судить, как взрослых... – Павел не сомневался, что его не тронут:

– Аня сделает вид, что сама занималась незаконной печатью незаконного учебника на незарегистрированной технике, а мой куратор напомнит Матвееву, что я, то есть мои навыки, ценны для Лубянки. Я все правильно делаю, – Павел почувствовал тяжелую ярость, – Ане такого не позволят, а мне разрешат. Пусть разрешают, на их голову... – на него пахло сандалом. Нос товарища Матвеева сильно распух:

– Так ему и надо... – Павел откинулся на спинку скрипучего стула, – тварь, он даже собак не пожалел. Ничего, мы вырвемся отсюда и навсегда забудем о нем...

Павел предполагал, что письмо сестер их отцу попало в руки Матвеева:

– Они пришлют Ане намерение покинуть нашу советскую родину, – зло подумал юноша, – если бы Надя осталась на квартире Королёва, ее бы тоже арестовали... – Саша взглянул на спокойное лицо Фокусника:

– Он похож на французского актера из фильма Антониони... – Саше понравилось «Затмение», – точно, Ален Делон. Красавчик, каких поискать, он мог бы пойти во ВГИК, сниматься... – Саша прислонился к стене:

– Нет, его бы не пустили в кино. Начальство сказал бы, что осведомителей в творческих кругах у нас много, а Фокусник, с его талантами, один... – длинные пальцы парня аккуратно смяли окурочку в привинченной к столу жестяной пепельнице. Саша решил не церемониться с мальчишкой:

– Бить его нельзя, усиленные методы допроса мне пока не одобряли, однако здесь не детский сад. Избаловали парня, он считает себя бесценным достоянием страны... – кинув папку на стол, Саша поинтересовался:

– Где ваша сестра, гражданин Левин? Я имею в виду Надежду... – ему показалось, что в серых глазах парня промелькнул страх:

– Ага, – обрадовался Саша, – он не Анна Наумовна, у него нет партизанской крови... – он понимал, откуда у Куколок взялось их упорство:

– Дочери своего отца. Гольдберг наш враг, но бесстрашия у него не отнять. Однако Фокусник не такой. Его отец, кем бы он ни был, не имел никакого отношения к партизанам. Он, наверняка, один из подручных Берия...

Саша искренне верил, что именно расстрелянный министр госбезопасности виноват в прошлых беззакониях, случившихся в его ведомстве:

– Анна Наумовна собралась жаловаться в вышестоящие инстанции, – вспомнил он, – пусть жалуется, это ее конституционное право. На учебнике и ротапринте остались отпечатки ее хорошеньких пальчиков. Она получит пятерку за антисоветскую агитацию и поедет в колонию, как миленькая. Она нам не нужна. Фокусник признается, куда сбежала Надежда Наумовна... – парень смерил Сашу коротким взглядом:

– Я скажу вам, где Надя, – Павел помедлил, – но только после выполнения моего условия... – Саша хотел, как следует, встряхнуть наглеца, но велел себе сдержаться:

– Какого же, Павел Наумович... – вежливо спросил он:

– Я должен встретиться с моим отцом, – вытащив из пачки новую сигарету, Левин шелкнул зажигалкой, – если он жив, конечно.

– Это было весной, в зеленеющем мае...

Высокий тенор перекрывал дребезжание растрескавшейся гитары. По окну стучала капель. На горизонте полыхал ветреный, ясный закат.

Первая, опустевшая бутылка водки перекочевала под стол. Герцог ловко скрутил золоченый язычок со «Столичной»:

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – щегольнул присказкой Маленький Джон. Отец посоветовал:

– Закусывай, товарищ Вальд, – он коротко улыбнулся, – зря, что ли, шестерки Аркадия Петровича доставили сюда весь ассортимент гастрономии ресторана «Прага» ... – чугунную сковороду с разогретым пловом водрузили на колченогую подставку для горячего:

– Плов из «Узбекистана», – поправила его Марта, – я узнаю вкус, за пятнадцать лет ничего не поменялось... – Джон пока не хотел говорить о делах:

– Надо посидеть с Мартой наедине, – решил он, – я еще не упоминал, что она стала бабушкой... – приехав в Немчиновку с Маленьким Джоном, они обнаружили, что женщины только что вернулись из Москвы:

– Они были рядом с посольством, но Марта не объяснила почему они туда отправились... – Джон успел успокоить кухню тем, что и Теодор-Генрих, и Маша живы. Марта с заметным облегчением перекрестилась:

– Слава Богу. Получается, что вы встретились в Новочеркасске, – она покачала головой, – кто бы мог подумать. Мы слышали записи ваших выходов в эфир и боялись, что... – она обрвала себя:

– Все хорошо, что хорошо кончается. Значит, ты приехал сюда за документами, а их оставил в Сибири... – Джон замялся:

– Место надежное, они в безопасности... – о том, что у Марты появилась невестка, она же падчерица, Джон тоже решил сказать позднее:

– Теперь она спокойна, а это главное... – он заметил, что кухня приехала в СССР с родовым пистолетом, – интересно, зачем она брала оружие к посольству? И для чего они с Верой туда ездили... – Марта согласилась, что дебрифинг, как выразилась женщина, надо устроить ночью:

– Миссис Мэдисон, – неловко сказал герцог, – у нас есть кое-какие семейные новости, их надо обсудить первым делом. Потом мы с миссис М к вам присоединимся. Я очень сожалею о вашей утрате, Джеймс был замечательным человеком... – бледные щеки Моли слегка покраснели:

– Спасибо, ваша светлость... – Джону показалось, что Моль сейчас делает реверанс, – что вы, я все понимаю. Я пока приберу... – она захлопотала над столом, заставленным судками. Джон передал сыну гитару:

– Давай теперь ты... – на шее мальчика, в расстегнутом воротнике свитера, блеснула медная оправа клыка, – я только старые песни знаю, а ты, наверное, нахватался новых... – Маленький Джон еще не мог поверить, что отец жив:

– У него поседели волосы, он потерял глаз, но это папа... – отец, странным образом, стал похож на фамильный портрет Ворона:

– Не чертами лица, они у Экзетеров другие, а его выражением. По папе видно, что он никогда не сдастся... – Джон разозлился:

– Папа не мямлил бы, а двинулся дальше, что называется... – юноша не собирался обременять отца своими личными, как думал Маленький Джон, делами, – он бы забыл о случившемся и не выпрашивал у родни, под надуманными предложениями, ее фотографии...

Сердце немного щемило:

– Папа и мама любили друг друга, – напомнил себе Джон, – они ждали, искали, они прошли через огонь и воду, но оказались вместе, пусть и ненадолго. Если бы Фрида меня любила, я бы ничего не побоялся. Но ведь она ясно все сказала...

Юноша опустил светловолосую голову к гитаре:

– Новое, да, – Маленький Джон помолчал, – в Лондоне, на русской службе Би-Би-Си, я услышал пленку. Пленку привез в Британию кто-то из молодых дипломатов.

– Вечеринка актеров и художников, – вспомнил юноша, – там пела девушка, очень красиво. Французский шансон, похоже на кузину Дате. Я подумал, что она тоже иностранка, у нее нет акцента в языке... – переписав пленку, Маленький Джон поставил Волку русскую песню. Дядя заметил:

– Не знаю, что за парень поет, но слова правильные. В лагере так и думаешь, поверь моему опыту... – Джон не хотел играть мелодию, но пальцы сами пробежались по струнам:

– Не заплачешь ты и не станешь ждать, и навещать не станешь родных. Только мне плевать... – горло перехватило, он скомкал песню:

– Никогда больше не вспомню о ней, – пообещал юноша, – она точно обо мне забыла... – отец мягко отозвался:

– Хорошие слова... – он налил Джону немного водки, – а теперь на посошок, милый и кое-кому пора в постель, то есть на раскладушку... – он коснулся руки сына:

– Если мы теперь не выездные из Малаховки, как в СССР говорят, посидим завтра с тобой, поговорим... – Марта поднялась:

– Я на веранду, – женщина сняла с гвоздя в косяке двери ватник, – приходи... – из тесного угла с раковиной доносился плеск воды. Сын умывался, Моль собирала грязные тарелки:

– Я помогу, миссис Мэдисон, – герцог подхватил стопку:

– Мне не хочется называть ее Молью, – понял Джон, – она с волосами что-то сделала, ей идет... – Моль сменила мышиный пучок на кокетливые светлые кудри. Перехватив его взгляд, женщина зарделась:

– Миссис М мне посоветовала, – она опустила глаза, – так в Кургане носят, в провинции. Изучив фотографии в советских газетах, я составила анализ наиболее популярных в СССР женских стрижек, распределив модели по частоте появления в прессе.

Герцог не сомневался, что ради правильной стрижки Моль переворошила в библиотеке Набережной все толстые тома переплетенных газет:

– Она всегда отличалась дотошностью, что в нашем деле хорошо... – опустив посуду в таз, он напомнил женщине:

– Мы вас ждем, миссис Мэдисон... – Вера смутилась:

– Конечно. Но не торопитесь, ваша светлость, времени у нас много...

На деревянной террасе дул сырой западный ветер, пахло тающим снегом и весной. В темном небе сверкал Млечный Путь, вспыхивал и тух огонек сигареты Марты. Набросив на бронзовую голову платок, она склонилась над тетрадкой. Джон щелкнул зажигалкой:

– Начну прямо с того, что она теперь бабушка... – он едва успел открыть рот. Марта повернулась к нему, блеснули зеленые глаза:

– Я не хотела говорить о таком при мальчике... – женщина тяжело вздохнула, – но Густя работает на СССР, Джон.

Марта с Верой появились на улице Серафимовича, рядом с посольством ее Величества, сойдя с троллейбуса. Вера тащила матерчатую сумку с пакетами конфет и пряников. Марта размахивала плетеной авоськой. Под ногами женщин хлюпал тающий снег. Над площадью Репина в прозрачном московском небе ошалело кричали речные чайки:

– Площадь переименовали, – шепнула Вере Марта, – когда я здесь росла, – женщина махнула в сторону серой громады Дома на набережной, – она называлась на старый манер, Болотной. Памятник Репину новый, его возвели несколько лет назад... – Марта помолчала:

– Тогда я провела всего полгода в СССР. Мой отчим погиб на испанской войне, а маму направили на работу в Швейцарию, куда мы с ней и поехали. Я почти не ходила по городу пешком, у мамы была служебная машина... – Марта помнила, что гастроном в ее бывшем доме всегда считался хорошим. Пряники и конфеты они купили на улице Горького, для отвода глаз:

– Здесь мы тоже что-нибудь ухватим, как в СССР говорят, – пообещала Марта Вере, – рядом кассы «Ударника», театральные кассы. Понятно, зачем провинциалки здесь болтаются... – в «Ударнике» крутили «Тишину». Театр Эстрады обещал бенефис Аркадия Райкина.

Кроме авоськи, во внутреннем кармане драпового пальто Марты лежал небольшой браунинг с золоченой табличкой на рукояти:

– Стрелять мы не собираемся, упаси Боже, – сказала она Вере, – но я не хочу оставлять оружие без присмотра. В отличие от биноклей, пистолет я не достану...

Черные бинокли, на вид обыкновенную театральную оптику, снабдили сильными линзами. Из кафетерия гастронома Марта отлично видела мощные ворота посольства ее Величества, с наглухо закрытой дверью для посетителей и будкой охраны. Вери она отправила в унылый сквер, разбитый вокруг статуи великого русского живописца:

– Внимательно следи за воротами и подай сигнал платком, если кто-то покинет посольство... – Марта взглянула в серо-голубые, блеклые глаза Моли. Женщина сплела тонкие, покрасневшие от холода пальцы:

– Марта, ты ошибаешься, – неожиданно, мучительно сказала Вера, – это совпадение, игра Комитета. Леди Августа не могла стать предательницей, она любит свою страну... – Марта сунула товарке белоснежный носовой платок:

– Ты воевала в подполье, Вера. Ты знаешь, что мы не имеем права рисковать жизнями наших работников здесь. Пеньковского казнили, но, кроме него, в СССР есть и другие агенты. В Советском Союзе, в конце концов, мой сын. Теодор-Генрих может воспользоваться сигналом тревоги, прийти сюда... – женщины неслышно переговаривались, делая вид, что изучают театральную афишу. Моль помолчала:

– Я долго не верила ребятам во Франции, убеждавшим меня, что Альбер... – она поморщилась, – предатель. Я уговаривала себя, что бойцы ошибаются, что все совпадение. Когда меня арестовали... – она, не отрываясь, смотрела на яркий плакат, – Альбер пришел на мой допрос и смотрел, как меня... – Вера не закончила:

– Мне оставалось два месяца до родов, но схватки начались почти сразу... – Марта пожалала ее руку:

– Все прошло и не вернется, милая. Но наш долг все досконально проверить... – миссис Мэдисон кивнула: «Да». Вернув Марте рукопожатие, дождавшись зеленого сигнала светофора, Моль направилась к памятнику Репину.

На террасе дачки тускло мерцала старомодная керосиновая лампа. Марта развернула перед Джоном наскоро вычерченную схему. Он водил пальцем по стрелкам и линиям, рассматривал вложенный в блокнот портрет Густы, с нацарапанными на обороте буквами: «КГБ». Женщина тихо заметила:

– Мне кажется, что эскиз руки Павла. На Патриарших прудах я поняла, что за квартирой наблюдают, но я не знала, кто послал туда ребят... – герцог вздохнул:

– Аркадий Петрович, новый, то есть старый московский смотрящий. Но, по его словам, узнать, что случилось с Левиными, пока не представляется возможным... – Марта прикурила новую сигарету от окурка:

– Скорее всего, одну из девочек, Аню или Надю, арестовали еще раньше. Комитет устроил зачистку территории. Близняшки могли пытаться передать письмо Эмилию, учитывая,

что они знают, кто их настоящий отец. Они пытались, но Комитет перехватил послание... – Марта качнула головой:

– Возвращаясь к Густу, остальное оказалось просто... – племянница, в изящном пальто с канадской норкой, покинула посольство пешком, через сорок минут после того, как Вера и Марта обосновались на площади:

– Она села на четвертый троллейбус, – продолжила женщина, – куда прыгнули и мы. Машина была забита, Густу нас не увидела. Мы с Трезором... – Марта называла Веру старой кличкой, – не потеряли навыков наружного наблюдения... – у метро «Октябрьская» Густу вышла из троллейбуса:

– Ее ждала «Волга» с московскими номерами, – добавила Марта, – с затемненными стеклами... – Джон тоже закурил:

– Теодор-Генрих подал сигнал тревоги, когда мистер Мэдисон не пришел на randevу в Нескучный Сад. Я отправил через священника в костеле святого Людовика записку о готовящейся акции на Москве-реке. Весточка попала в руки КГБ, но конверт мог принести и прелат... – Марта согласилась:

– Мог. И Теодор-Генрих мог нарваться на техническую заминку, но все равно меня что-тостораживает... – Джон почесал седеющий ежик:

– Ты велела Густу встречаться с нашим родственником, Пауком... – Марта пожала плечами:

– Нет, конечно. Когда она с ним виделась... – герцог отозвался:

– Еще до Новочеркаска. Теодор-Генрих наткнулся на них в колоннаде Большого Театра, все выглядело, как свидание... – он неуверенно добавил:

– Может быть, Густу решила проявить инициативу. Или она завела здесь связь, что запрещено, но это еще не предательство, Марта... – кузина кивнула:

– Не предательство. Все может быть цепью совпадений, как случилось в Америке, о чем я тебе еще расскажу... – она затянулась папиросой:

– В любом случае, надо немедленно отзывать ее из СССР и сажать на проверку... – Джон хмыкнул:

– Займемся этим, когда достигнем Лондона... – Марта рассказала ему о будущем randevу на Балтике, – только я не знаю, как мы поместимся в одну моторку... – герцог решил завести разговор о женитьбе Теодора-Генриха обиняком. Марта пожала плечами:

– В одну и не надо. Сначала мы отправим на запад тебя, Теодора-Генриха и Машу, а сами дождемся второго рейса. Хотелось бы увезти отсюда и Левиных, но мне кажется, что сейчас мы бессильны против Комитета... – герцог закашлялся:

– Думаю, что сначала на запад надо послать женщин и детей... – кузина недоуменно спросила:

– Каких еще детей... – Джон торопливо сказал:

– Ты только не волнуйся, пожалуйста. У тебя внук, Феденька, – Марта заметно побледнела, – ему год исполнился. У него четыре зуба, – зачем-то добавил Джон, – отличный парнишка. Теодор-Генрих женился, – кузина открыла рот, – в Новочеркаске... – Марта пробормотала:

– Успел. Хорошая там девушка, Джон... – герцог кивнул: «Хорошая. Племянница моя, Мария».

Слушая мерное тиканье ходиков в соседней комнате, Джон поскреб немного чешущийся шрам под ежиком седоватых волос. На его советских часах стрелки миновали четыре утра:

– Сна ни в одном глазу... – он поворочался, – Марта тоже сказала, что с такими новостями она не скоро заснет... – сын улегся на раскладушке в боковушке, как называла темный чуланчик Марта:

– Она с Верой устроилась в гостиной, – герцог прислушался, – нет, кажется, они задремали... – женщины тихо переговаривались и после полуночи:

– У них надежные документы, – вздохнул Джон, – значит, им и наблюдать за Густо. Маленький Джон попробует найти кого-то из приятелей Павла Левина, а мне остается сидеть на дачке, читать для практики в языке знакомого мне Чехова или играть на фортепиано... – при мысли об инструменте он поморщился. Марта не удивилась тому, что профессор Кардозо жив и здоров:

– Такие, как он, всегда выживают, – между бронзовыми бровями залегла жесткая складка, – торопясь от него избавиться, Эстер покойница пристрелила темноволосого борода-того мужчину, не разобравшись, кто перед ней на самом деле... – Марта задумалась, – это мог быть и пан Блау... – Джон отозвался:

– Циона хотела от него освободиться. Наверняка, операцию организовал наш старый знакомец Кепка. Сама Циона, думаю, давно мертва... – Марта ткнула бессчетным окурком в пепельницу:

– Нельзя сбрасывать ее со счетов. Но Полина в безопасности, твоя дочь ей не нужна. Если Циона выжила, она постарается найти... – герцог помолчал:

– Фриду. С этой неизвестной операцией, я теперь знаю, чья она дочь... – в полутьме террасы он видел жесткий очерк лица Марты:

– Она постарела, – понял Джон, – но, если бы мой сын пропал в СССР, я бы тоже постарел. О чем я, – герцог усмехнулся, – мне не исполнилось пятидесяти, а я выгляжу на десять лет старше... – Марта тихо сказала:

– Я знала, с послевоенных времен. Пусть Авраам сам решит, когда поговорить с девочкой и что сказать близнецам насчет их отца. Фриде девятнадцать лет, она служит в армии своей страны, она плоть от плоти Израиля. Авраам ее отец, а вовсе не... – Марта оборвала себя. Герцог отозвался:

– Все верно. Я, разумеется, и словом ни о чем не обмолвлюсь. Что касается мальчика, которого родила Циона, младенец, скорее всего, давно мертв, если его похитила воровка. Но Аврааму надо предупредить Фриду. Максимилиан, мерзавец, настолько обнаглел, с новым лицом и новыми документами, что он может либо сам наведаться в Израиль, либо послать туда... – он передернулся, – Адольфа... – как не старался Джон, он не мог назвать подростка сыном Эммы:

– Она не хотела этого ребенка, – сказал себе герцог, – не считала его своим, а теперь брат Маленького Джона, пусть и по матери, отъявленный нацист... – Марта уверила его, что за Максимилианом следят:

– По мере сил и возможностей, – добавила женщина, – и мы читаем их зашифрованную переписку, когда корреспонденция попадает к нам в руки...

Приподнявшись на тощей подушке, он отпил остывшей заварки, из носика стоящего на полу чайника:

– Насчет Сэма они молодцы, – одобрительно подумал Джон, – хорошо все спланировали, но никто не смог бы угадать, куда его потащат беглые нацисты. Понятно, что парень торчит где-то в тропиках, а не заведует кухней на вилле Макса... – Джон даже с Мартой не обсуждал службу в отряде Барбье:

– Я все делал ради Эммы, – он вернулся на подушку, – приходилось творить и зло. Но я был взрослым человеком, я отслужил в армии, а Сэм мальчишка. Он может оказаться перед выбором, которого я никому не желаю...

Часы хрипло отстучали половину пятого. Марта, разумеется, сама рвалась поехать в Тайшет и Братск, но герцог остановил ее:

– Не торопись, – ласково попросил он, – я понимаю, что ты хочешь первой пробраться к внуку, но надо подождать, пока Маше сделают паспорт. Я вернусь на восток и привезу всех

сюда... – по недовольному огоньку в зеленых глазах кухни, Джон видел, что она хочет отправиться в Сибирь сама:

– Все идет хорошо, – успокоил ее герцог, – твой внук растет, как ему и положено. Пока я доберусь до Тайшета, он, наконец, пойдет, а не поползет. Ты говорила, что Теодор-Генрих тоже никуда не спешил, пока был ребенком... – Марта улыбнулась:

– Именно так. Но у тебя пока тоже нет паспорта, придется подождать и тебе... – по словам Аркадия Петровича, бумаги должны были привезти дня через три:

– Тогда я и отправлюсь в обратный путь... – пошарив по полу, он нашел пачку американских сигарет, – в Сибирь и назад...

Рассохшиеся половицы заскрипели. В свете луны за неплотно задернутыми шторами блеснули светлые волосы. Герцог сварливо сказал:

– Спать надо, мой дорогой. Я в твои годы спал как сурок, особенно после водки... – сын присел на край узкого топчана:

– Ты не поедешь в Сибирь, папа, – твердо сказал Маленький Джон, – туда поеду я.

Чай подали на закрытую мраморную террасу, выходящую в расчищенный от снега сад. На газоне клумб пробилась зеленые ростки.

Усаживая гостью в плетеное кресло, Эйтингон заметил:

– Не поверишь, но, кажется, прилетели грачи. Я сегодня ходил к озеру... – на озере он был с Иоганном, однако гостье он, разумеется, не мог сказать о мальчике, – слушал голоса птиц... – створку окна распахнули. Эйтингон заботливо сказал:

– Накинь платок, – он подал девушке оренбургскую шаль, – это еще обманная весна, нас еще ждут морозы...

Самовар охрана растапливала сосновыми шишками. Чай подавали с яблочной шарлоткой или ванильным кексом, с черничным и крыжовенным вареньем, с пряниками и сушками. По заведенной традиции за самоваром они о делах не разговаривали. В передней дачи Невеста передавала ему конверт с нащелканной за неделю пленкой. Девушку снабдили ручкой особой конструкции:

– Паркер и паркер, – довольно подумал Наум Исаакович, – никаких вопросов он не вызывает... – бывшие шарашки, а ныне закрытые КБ, не зря ели свой хлеб:

– Дочь Вороны хочет попасть в бюро Королева, – о планах Марты Наум Исаакович знал от Саши, – девчонка молодец, она унаследовала упорство матери. И ее интеллект, слава Богу, потому что полковник Воронов не был светочем ума. Как и генерал Кроу, – он исподтишка взглянул на утомленное лицо девушки, – от военных не стоит ждать большой сообразительности. Матвей тоже не отличался инициативой, однако Саша не такой. Он пошел в Горского, хотя тот вообще ни признавал никаких авторитетов...

Иоганна Наум Исаакович засадил за, как он выразился, каникулярное задание:

– Тебе предстоит учиться на русском языке, – мягко сказал Эйтингон, – тебе организуют дополнительные занятия с преподавателем, но лучше приехать в Ленинград подготовленным... – мальчик читал «Остров сокровищ»:

– Английский и французский у него свободные, – порадовался Наум Исаакович, – он вырос на ферме, но совсем не кажется провинциалом...

Невеста курила, прихлебывая чай, завернувшись в платок. Под лазоревыми глазами девушки залегли темные круги, веки припухли:

– На «Октябрьской» никто тебя не видел... – он подвинул гостье хрустальную вазочку с вареньем, – все прошло хорошо... – Густы кивнула:

– Саша не придет, – она оглядела стол, – здесь всего два прибора. Он позвонил в среду, передал приглашение, но его самого нет... – глаза Густы набухли слезами:

– Я ему не нужна... – девушка повертела гранатовый браслет, – он ко мне остыл... – Гуси не хотелось думать о таком, – он живет в Москве, а не в проклятой посольской клетке, – рот девушки дернулся, – он встречается с друзьями, ходит на вечеринки...

Гуси хотелось побывать на брехтовском спектакле в новом театре, о котором ей рассказывал Саша. Она хотела носить джинсы, а не скучный министерский твид, водить «Волгу», танцевать рок и ездить на выходные в Ленинград или Прибалтику:

– Не в Мейденхед или Саутенд, чтобы играть в кегельбан на пирсе... – она скривилась, – британцы не умеют отдыхать... – московская жизнь казалась Гуси гораздо интереснее лондонской:

– В Лондоне все усаживаются у телевизора от «К и К», с подносом на коленях и жуют разогретые обеды, а в Москве только начинают развлекаться...

Она слышала о выступлениях поэтов в Политехническом музее, о концертах бардов, как их называл Саша. Коллега из посольства, за бесценок, скупающий картины непризнанных художников, рассказал Гуси об артистических вечеринках:

– В Москве очень красивые девушки, – по блеску в глазах дипломата, Гуси поняла, что девушки удостоили его вниманием, – жаль, что вы, леди Августа, не можете окунуться в светскую жизнь столицы, – он подмигнул Гуси, – вы особа высшего уровня секретности... – Гуси отчаянно надоел ее статус:

– Пошло все к черту, – девушка скрыла глубокий вздох, – я исчезну, и никто ничего не заподозрит. Но Саша не предлагал мне пожениться, – Гуси ждала предложения каждый день, – а девушке о таком заводить разговор не принято, даже сейчас. Он меня не любит, я ему надоела, он хочет от меня избавиться... – Гуси надеялась на беременность, но Саша был очень осторожен:

– Он говорит, что это обязанность мужчины. Он не хочет ставить меня, в моем положении, в ситуацию, где мне придется... – Гуси вспомнила Иосифа:

– Он меня не любил, я стала для него развлечением. Меня никто не любит, а Стивену почти шестнадцать. Я для него старая дева, у него свои друзья, свои интересы, он, наверняка, бегаёт на свидания, а я чахну над кипами папок... – она пыталась сдержаться, но на накрахмаленную скатерть упала крупная слеза. Гуси хлюпнула носом:

– Извините, товарищ Котов, – голос девушки задрожал, – я устала, сейчас много работы... – на нее повеяло теплым сандалом, крепкая рука погладила ее по голове:

– Что ты, милая, – товарищ Котов присел на ручку ее кресла, – я тебя выслушаю, дам совет. Не стесняйся, Гуси... – он вспомнил пылающий факел бомбардировщика на газоне военного городка в Карлсхорсте, – поговори с мной, как если бы я был твой отец...

Тело генерала Кроу свесилось из разбитого пулями колпака машины, двигатель натужно ревел:

– Мозеса ранили, – вспомнил Эйтингон, – он пытался взлететь. Странница молодец, дочь своих родителей. Леди Августа ей и в подметки не годится. Она звезд с неба не хватает, но нельзя ее считать отработанным материалом, она еще нам пригодится... – достав платок, он ласково вытер слезы с лица девушки:

– Как если бы я был твой отец, – повторил Наум Исаакович, – я здесь для того, чтобы с тобой все было хорошо... – привалившись к его надежному плечу, Гуси тихо сказала:

– Я не хочу возвращаться в Лондон, товарищ Котов.

Саша приехал на можайскую дачу в отличном настроении.

Просьбу Фокусника о свидании с отцом начальство удовлетворило. Скорпион узнал новости в кабинете генерала Мортина, куратора парня. Начальство сухо заметило:

– На квартиру его не возвращайте, поддержите пока здесь, но в хороших условиях... – Фокусника отправили в особое крыло внутренней тюрьмы, – однако организация встречи не ваша забота... – Саша кашлянул:

– Товарищ генерал, что касается его сестры, то есть сестер... – Мортин подвинул ему папку: «Ознакомьтесь». Саша пробежал глазами отпечатанный на машинке приказ с грифом «Совершенно секретно», с размашистой подписью товарища Семичастного. Как и предполагал Скорпион, сестры Левины получили, – здесь Саша едва сдержал смехок, – по серьгам:

– Пять лет колонии, правда, обычной, а не строгого режима, – довольно подумал Саша, – за антисоветскую агитацию... – пятьдесят восьмую статью в новой редакции уголовного кодекса сменили на семидесятую:

– Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя или захвату власти, а равно массовое распространение материалов, содержащих такие призывы, наказываются лишением свободы на срок до трех лет... – вспомнил Саша, – однако здесь группа, Анна Наумовна и Надежда Наумовна. Более того, они действовали по заданию представителей иностранных организаций... – Саша не сомневался, что учебник старшая Куколка подхватила у интуриста, – это десятка, им еще мало дали... – Семичастный предписывал разделить сестер:

– Отыскав Надежду Наумовну... – Саша ожидал, что Фокусник заговорит после встречи с отцом, – мы забросим ее на другой конец СССР, благо у нас большая страна. Они поваляются под уголовницами и конвоирами, истаскаются и потеряют зубы. Они сами приползут и напишут любое требуемое письмо...

Семичастный хотел арестовать приговоренного к расстрелу доктора Гольдберга:

– Одному письму герой-партизан не поверит, – хмыкнул Саша, – он даже не знал о существовании у него дочерей, но несколько весточек, особенно из колонии, заставят его собраться в дорогу... – Куколок должны были судить в закрытом заседании:

– Фокуснику ничего не сообщайте, – велел Саше Мортин, – на его вопросы о сестрах не отвечайте. После вынесения соответствующего приговора мы вернем его на Патриаршие пруды... – Мортин коротко усмехнулся, – пусть заводит новую собаку достойной породы, а не дамскую безделушку... – Саша поинтересовался:

– Может быть, обыскать его, товарищ генерал? Мы его не трогали, но вдруг у него в карманах водится какая-нибудь антисоветчина? В квартире мы ограничились поверхностным осмотром... – генерал покачал сидящей головой:

– Не стоит настраивать его против себя. Письмо с учебником... – Мортин скривился, – инициатива его сестер, он ничего не знал о происходящем. Тем более, у него другой отец...

Ведя машину по Можайскому шоссе, Саша перебирал в уме состав Политбюро. Судя по всему, отец Фокусника заседал именно там:

– Значит, не министр Берия, – решил Саша, – но, кем бы он ни был, он не последний человек в стране. Или это кто-то из генералов, например, Жуков... – маршал сидел в очередной опале. Саша помнил слухи о поведении высших офицеров в оккупированной Германии:

– Мать Фокусника, попав в плен, могла приглынуться армейскому бонзе. Ладно, это не мое дело, пусть его куратор занимается встречей. Фокусник признается, где Надежда Наумовна, иначе мы не выпустим его из камеры... – на допросе старшая Куколка настаивала на полной невинности брата:

– Письмо написали мы, – заявила Анна Наумовна, – я не собираюсь спорить с выводами ваших экспертов... – от издевательского тона девушки у Саши болела голова, – но, кажется, в СССР еще не запретили отправлять корреспонденцию за рубеж... – получив подпись Куколки под протоколом допроса, Саша предпочел не развивать тему далее.

Парковку на даче держали в полном порядке. К вечеру распогодилось, серая вода озера сверкала под низким солнцем. Загнав «Волгу» на расчищенный асфальт, Саша щелкнул зажигалкой:

– Товарищ Котов сказал, что нам надо поговорить... – наставник позвонил на Лубянку, – заодно познакомлюсь с парнишкой, Брунсом... – в досье немца указывалось, что его спасли пограничники ГДР в Балтийском море:

– У него погибла вся семья в пожаре. Испугавшись обвинения в поджоге, он сбежал в море. Бедный мальчишка, ему всего шестнадцать лет... – Саша подхватил с заднего сиденья машины заманчиво громохнувшую сумку:

– Товарищ Котов обещал настоящий кавказский шашлык. Иоганн выпьет сидро, а мы посидим за бутылкой коньяка... – на даче хватало спиртного, но Саша никогда не появлялся здесь с пустыми руками. Он знал, что наставник ценит его внимание:

– О Куколках или Фокуснике я ему рассказывать не могу, – решил Саша, – я не получал соответствующих указаний... – Наум Исаакович полюбовался по-военному подтянутой походкой Скорпиона:

– У Матвея всегда была отличная осанка, армейская косточка, что называется. Саша дослужится до генерала, но сначала ему надо жениться... – Наум Исаакович пыхнул сигарой, – и я даже знаю на ком...

Помахав мальчику, он легко, словно скинув тридцать лет, пошел ему навстречу.

Рыжий баскетбольный мяч стучал по доскам гимнастического зала. Прицелившись, Саша точным броском отправил его в корзину:

– Три очка, – завистливо сказал Иоганн, – ты высокий, а я едва дотягиваю до ста шестидесяти сантиметров... – Скорпион потрепал его по плечу:

– Вырастешь, Немо, – парень привез в СССР немецкую кличку, – тебе всего шестнадцать лет. На подводных лодках ценятся невысокие парни... – Иоганн мечтал о службе на атомной субмарине:

– У вас в ГДР, пока таких нет, – заметил товарищ Котов за шашлыками, – но все впереди. Зато у вас отличная береговая охрана и морская пехота... – Иоганн кивнул:

– Именно там я и хочу служить, когда пойду в армию... – парень должен был провести в нахимовском училище два года, а потом вернуться домой для призыва:

– Потом я опять приеду в СССР, – уверенно заявил Иоганн, – чтобы стать морским офицером. Я буду капитаном во флоте социалистической Германии... – Скорпиону понравился парнишка:

– словно он мой младший брат, – улыбнулся Саша, – надо навестить его в Ленинграде, показать город. Может быть, Мышь тоже приедет, на один из ее университетских семинаров... – завтракали они в малой столовой, с буфетом красного дерева, со старым серебром приборов:

– Погода не меняется, – Саша взглянул в окно, – хотя только начало февраля. Однако товарищ Котов прав, нас еще ждут морозы... – за завтраком он объяснил Иоганну, что дача принадлежит правительству СССР:

– Товарищ Котов живет здесь, потому что он консультирует Комитет Государственной Безопасности, где я работаю, – наставительно сказал Саша, – у него огромный опыт, он начинал с товарищем Дзержинским, работал с Лениным и Горским, моим дедом... – Иоганн даже открыл рот:

– Он никогда о таком не говорил... – Саша пожал плечами:

– Он скромный человек. Я давно его знаю, он был наставником моего героически погибшего отца... – Иоганн не мог поверить, что познакомился с таким человеком:

– Александр тоже, – он искоса взглянул на старшего товарища, – отличный парень, настоящий комсомолец. Мне повезло, что меня окружают такие люди... – в Берлине Иоганн учился в школе для детей высшего руководства ГДР. Он жил в семье генерала Вольфа, почти усыновившего мальчика:

– Потом я пойду в армию и в морское училище, – вздохнул Иоганн, – до своего дома мне пока далеко. Александр тоже, кажется, не женат, хотя ему всего двадцать два года... – в ГДР Иоганн избегал говорить о матери, но много рассказывал о погибшем отце, антифашисте:

– Папой я могу гордиться, – успокаивал себя Иоганн, – он и есть мой отец, а не какой-то неизвестный британец... – он не упоминал о герцоге Экзетере:

– Даже если он жив, я его никогда не видел и не увижу, – решил подросток, – не стоит никому о нем знать... – в зале раскрыли окна, по полу гулял прохладный ветерок. Саша кинул мяч подростку:

– Теперь ты, а потом отправимся на пробежку к озеру. Там проложили отличные дорожки, заодно искупаемся... – Скорпион не боялся холодной воды:

– Парнишка тоже тренированный... – хмыкнул Саша, – конечно, он будущий моряк... – ловко уложив мяч в корзину, Иоганн поинтересовался:

– Ты был в Америке, Александр? Видел, как играют в баскетбол... – Саша кивнул:

– Был два раза, по работе. Они говорят, что белые парни не умеют прыгать, но, как видишь, это неправда...

Открыв дверь зала, Наум Исаакович прислонился к косяку. Нащупав в кармане портсигар, он все-таки решил не курить рядом со спортсменами:

– Семичастный меня поддержал, мы убьем двух птиц одним камнем. Невеста в плохом состоянии, мы рискуем ее провалом. Надо ее успокоить, сильнее привязать к себе. Ребенка не появится, Саша будет осторожен. Если ее переведут в Британию или пошлют куда-то еще, тем лучше. У нас всегда останется надежный агент. Сходить в ЗАГС невеликая проблема. Они туда и не пойдут, вернее пойдут, но в особый ЗАГС... – Наум Исаакович не сдержал улыбки:

– Для нее важно кольцо, платье, букет и бумажка с печатью. Она все получит, пусть и фальшивое. Пусть считает, что она замужем... – он не сомневался, что мальчик согласится:

– Саша выполнит приказ командования, а настоящая жена у него будет другая. Она еще девчонка, но скоро повзрослеет... – мяч запрыгал рядом с ним. Эйтингон весело сказал:

– Молодцы. Кофе готов, а потом Иоганна ждет пробежка... – Саша отозвался:

– Мы хотели отправиться к озеру вместе, товарищ Котов... – Наум Исаакович подмигнул ему: «Для вас, старший лейтенант, есть особое задание».

Засаленные карты шлепнулись на круглый стол антикварного ореха. Герцог высоким тенором напел:

– Дорога дальняя, казенный дом. Быть может, старая тюрьма центральная меня, парнишечку, по новой ждет... – кутаясь в поношенный платок из псковской скупки, Марта сварливо сказала:

– Сплюнь через левое плечо. В Стокгольме перед началом миссии ты тоже пел о Воркуте, и что получилось... – Джон затыкнулся окурком:

– Получилась Средняя Азия. В Воркуте я не побывал, хотя все впереди... – Марта отпила горячего чая, из погнутого чайника старинного олова:

– Сплюнь еще раз. Значит, ты думаешь, вошь сидит в Казахстане... – вспомнив покойного Меира, Джон стал называть профессора Кардозо именно так.

Они могли говорить свободно. Тетка и племянник Вальд уехали в Москву. Вера собиралась занять пост на площади Репина, у британского посольства, а Маленький Джон хотел заехать на Патриаршие Пруды и купить билет до Тайшета:

– Ты правильно сделал, что не остановил его, – Марта рассматривала карту Средней Азии, в завалывшемся на дачке атласе, – парню девятнадцать лет, он рвется в бой. Язык у него хороший, пусть и с акцентом. Фильмы он смотрел, состав Политбюро и решения съездов знает назубок. Он справится, – подытожила Марта. Джон тасовал колоду:

– Папа любил этот пасьянс, – заметил герцог, – его бабушка Марта научила... – Марта кивнула:

– Мой отец тоже его знает. Если сойдется, то все будет в порядке... – женщина улыбнулась: «Впрочем, он всегда сходится». Джон раскладывал карты:

– Все равно, – недовольно сказал герцог, – сколько я с мальчиком побыл? Даже недели не получилось, а я его пять лет не видел... – он помолчал:

– Марта, он хотел поступить в Кембридж, стать историком. Чего ради он в Сандхерст подался? Из-за меня?

Женщина почесала карандашом серебристую прядь на бронзовом виске:

– Следующим месяцем мне только сорок, а я седею, – заметила она, – что касается военной академии, то Джон посчитал себя обязанным пойти в армию после твоей смерти, то есть исчезновения... – о личных делах сын с ним не говорил. Герцог вздохнул:

– Он скрытный, как я. Ладно, в его года я учился и ни о чем таком не думал... – не выдержав, он нарочито небрежно спросил у Марты:

– Наверное, парень на свидания бегает... – кухня задумалась:

– Если и бегает, то мы ничего не знаем. У нас только Питер планирует будущую свадьбу с мисс Луизой Бромли, – она усмехнулась, – а остальные пока этим не озабочены. Полина тем более, ей всего четырнадцать. У нее голова занята статьями в левой прессе и испанской грамматикой, – поставив несколько точек на карте, Марта показала Джону лист. Герцог пожал плечами:

– В Новосибирск меня привезли на самолете. Это может быть и Аральское море, и Каспийское, берега у них безлюдные, островов хватает... – Марта уперла карандаш в лист:

– Лиза и Стивен во время войны обретались в Казалинске, на севере Арала. Она слышала от местных о каком-то острове, но непонятно было, кто там обосновался. Хотя Байконур ближе к Аралу... – герцог мрачно ответил:

– Я помню материалы из нацистских концлагерей. Профессор Стругхольд, которому Ворон заслуженно отказался подавать руку, исследовал влияние экстремальной высоты на организм человека. Теперь Стругхольд уважаемый американец, а профессор Кардозо не менее уважаемый советский ученый, член партии и орденоседец... – герцог витиевато выматерился:

– Профессора Кардозо мы навестим, – спокойно сказала Марта, – в память Эстер покойницы я этого не оставлю. Что касается Куйбышева... – герцог вздохнул:

– Услышав, что брат Марты жив, Мария собралась к Журавлевым, требовать у них отпустить девочку. Я запретил ей даже ногой ступить на Волгу. Завидев ее, Журавлевы немедля бы побежали в комитет... – Марта наблюдала за аккуратно лежащими картами. Подняв голову, герцог заметил хорошо знакомый упрямый блеск в больших, зеленых глазах:

– Даже не думай, – предостерегающе сказал он, – случившееся случилось двадцать лет назад. Журавлев тебя не пощадит, ему наплевать на тогдашние чувства...

Откинувшись на спинку покойного кресла, обитого растрескавшейся кожей, Марта покачала маленькой ногой в растоптанной войлочной пантуфле:

– Наплевать, – согласилась она, – однако на его обязательство о работе ему не наплевать. Такие вещи не имеют срока давности, он не рискнет расстрелом... – герцог поскреб шрам на голове:

– Сначала надо выяснить, что происходит с Густы и какое отношение к ней имеет Паук, то есть Гурвич... – Марта налила себе еще чая:

– Гурвич с ней спит, – она скривилась, – сработала медовая ловушка. Густы сирота, ее завлекли не постелью, а обещанием дома и семьи. Она жила у Клары, потом привыкала к мачехе, потом осиротела... – герцог пробурчал:

– Ее отца убили русские, об этом она забыла... – Марта поболтала в чае кусочком рафинада:

– Уверяю тебя, что Паук навешал ей лапши на уши, скормил слезливую легенду, из тех, что он тебе толкал в Суханово. Произошла трагическая ошибка, такие вещи случаются в небе, никто машину не расстреливал, это была авария... – Джон угрюмо отозвался:

– Хотелось бы увезти отсюда и Паука, чтобы он тоже закончил электрическим стулом, как его отец... – Марта прислушалась к хрипящей тарелке:

– Февраль бьет температурные рекорды, – сообщила она, – завтра до плюс семи градусов, но скоро нас ждет похолодание... – в открытую форточку дачной комнаты задувал теплый ветер, за окном щебетали воробьи:

– У ФБР есть его фото, – кисло сказала Марта, – как и фото Ширли Бриджес, то есть Сары Мозес, но Гувер больше озабочен поисками моего брата, которого он считает советским шпионом, вкуче с мамой и остальной нашей семьей. Хорошо, что до Канады ему не дотянуться... – выложив последнюю карту, Джон удовлетворенно сказал:

– Сошелся, все будет хорошо!

Марта приподнялась:

– Я, что ли, королева червей... – герцог усмехнулся:

– Король червей при тебе, блондин, как ему полагается... – пасьянс загадывался на играющего, однако он мог выбрать в раскладке и других родственников:

– На Волка похож, – одобрительно сказала Марта, – а ты король бубен, тоже светловолосый... – она ткнула пальцем в карту:

– При тебе дама, не королева. На Веру смахивает... – завитая дама бубен, блондинка, кокетливо улыбалась. Герцог немного покраснел: «Да, есть что-то общее». Марта хмыкнула:

– Она рядом, но королева тоже рядом, только не твоя, а пиковая... – рыжие волосы королевы пик прикрывала черная траурная накидка:

– Если карта осталась в пасьянсе, значит, человек жив... – Марта зорко взглянула на герцога. Джон смешал карты:

– Ее расстреляли или она не перенесла операции, каким бы ни было вмешательство. Ерунда, – он поднялся, – пошли жарить картошку, Вера и мальчик вернутся голодными... – собирая посуду, Марта перевернула королеву пик рубашкой вверх:

– Джон прав, это ерунда, Циону не пощадили бы после ее попытки прорваться на запад. Кардозо пустил ее на опыты, у него бы не дрогнула рука...

Марте казалось, что она еще видит торжествующую улыбку дамы пик. Засунув карту подальше в колоду, она понесла поднос в тесный кухонный закуток.

Посольские охранники слушали трансляцию ВВС из Инсбрука. Возвращая Густы ее пропуск, мужчина средних лет смешливо сказал:

– Моя сестра после войны уехала в Канаду. В сорок четвертом году она служила во вспомогательных женских войсках, в столовой на базе Бриз-Нортон, откуда ваш батюшка покойный летал бомбить бошей. Познакомилась с канадским офицером, ну и... – охранник повел рукой:

– Племянники мои с хоккейной площадки не вылезают. Но даже канадцы бессильны против русских... – старший смены хмыкнул: «Пока ничья». Второй охранник обернулся:

– Может быть, останется такой счет, еще не финал... – он поинтересовался:

– Погулять собрались, леди Августа? Погода отличная. Ждешь, что распустятся нарциссы, словно дома, в Лондоне...

Москва сияла прозрачной голубизной неба, рваные белые облака неслись над Кремлем. Лед на реке подтаял, в промоинах виднелась темная вода. Ноздреватые куски снега плыли по канаве, черные стволы деревьев на площади торчали из оплывших сугробов. На сухих дорожках отчаянно чирикали, толкались птицы. Гуси очнулись:

– Да, – девушка вздрогнула, – мне надо в книжный магазин... – охранник улыбнулся:

– Подышите воздухом, не все над бумагами сидеть. Хорошего вам дня... – калитка щелкнула, загудел звонок:

– Славная девушка, – охранник проводил глазами темную норку на воротнике пальто, – она говорила, что брат ее в авиационные кадеты подался. Растет второй Ворон, пока юный... – транзистор от «К и К» взорвался аплодисментами. Старший смены требовательно сказал:

– Русские ведут, три-два. С тебя фунт... – охранник налил себе чая:

– Еще десять минут до конца матча, в хоккее все меняется быстро...

Через десять минут Гуси встала в хвост маленькой очереди в вестибюле станции метро «Новокузнецкая». Она решила не ждать троллейбуса, медленно тащащегося через Большой Каменный мост и не ловить такси:

– Площадь у посольства вся, как на ладони... – девушка справилась с часто бьющимся сердцем, – отдел внутренней безопасности может заинтересоваться моими маршрутами. Но до метро я хожу переулками, они меня потеряют... – по дороге к «Новокузнецкой» Гуси не заметила никого подозрительного. Звонок раздался в ее кабинете, когда девушка работала с записями разговоров на позавчерашнем приеме в посольстве:

– Скука смертная, – зевнула Гуси, – переводить такое лень. Болтали о смерти писателя Королёва, о новом романе Солженицына, о каком-то Бродском, вроде поэте... – Гуси никогда в жизни о нем не слышала:

– Творческая интеллигенция знает, что в здании нет жучков КГБ, – усмехнулась Гуси, – у них развязываются языки. Правда, есть подслушка британская, для наших целей... – она несколько раз приносила товарищу Котову фотографии расшифровок:

– Он всегда говорит, что такая болтовня не стоит пленки, которую на нее тратят... – Гуси взяла разменянные пяточки, – он просит меня снимать только действительно важные документы... – такие бумаги через Гуси почти не проходили:

– Посольство использует меня, как переводчика, – недовольно подумала она, ступая на эскалатор, – а на приемах я изображаю секретаршу, в платье с декольте, – начальник Гуси, тоже работник Набережной, служивший в посольстве под видом третьего секретаря, считал, что присутствие красивой женщины расслабляет гостей.

– При виде вас твердокаменные коммунисты теряют бдительность, – весело говорил он, – особенно, когда вы лепечете на ломаном русском... – Гуси устала от притворства:

– Стивен поймет, – в который раз сказала себе девушка, – я напишу письмо, отправлю весточку через советское посольство в Лондоне. Я объясню, что встретила любимого человека и решила остаться в СССР. Мы не виноваты, что наши страны прекратили быть союзниками. Русские не несут ответственности за гибель папы и Лизы, товарищ Котов мне все объяснил... – Гуси верила старшему товарищу Саши.

На платформе «Новокузнецкой» собралась небольшая толпа. День был выходной, москвичи выбрались в центр с детьми. Гуси смотрела на трогательные пальтишки и шубки, на пуховые капоры и шапочки с помпонами. Малыши тащили дешевые мячики на резинке, грызли ядовито-красные леденцы:

– У нас тоже появятся дети, – ласково подумала Гуси, – мальчики и девочки. Александр, как и я, сирота, у нас будет большая семья... – по ночам, перебирая детские имена, Гуси ловила себя на улыбке. Толпа задвигалась, в тоннеле послышался грохот:

– Вагоны здесь всегда набитые, они приходят с «Павелецкой», – вздохнула Гуси, – ладно, всего одна остановка... – Александр ждал ее у колонн Большого театра:

– Ваш заказ готов, забирайте его в обычном магазине в два часа дня... – вежливо сказал утром хорошо знакомый посольскому коммутатору голос. По дороге обратно в посольство Густы всегда покупала какую-нибудь книжицу:

– Русскую классику или современного автора, – она поправила сумочку, – в посольстве меня считают очень серьезной девушкой... – пропуская выходящих из вагона людей, Густы взглянула поверх голов скопившейся у дверей толпы.

Пальцы похолодели, она помотала головой:

– Почудилось. Похожая женщина, какая-то провинциалка... – она еще раз посмотрела на скамью у колонны бежевого мрамора, но пассажирка в скромном пальто слилась с толпой:

– Почудилось, – Густы ступила в вагон, – что ей здесь делать... – Густы рассеяно окинула взглядом забитые народом сиденья.

– Осторожно, двери закрываются... – она услышала шипение, – следующая станция «Площадь Свердлова», переход на... – поезд закачался на рельсах, Густы вовремя схватилась за поручень. Вскинув голову, она почувствовала, как кровь отхлынула от щек. Прямо на нее смотрели блеклые, серо-голубые глаза миссис Веры Мэдисон, Моли.

Перед началом миссии Марта засадила Веру за русский алфавит и карты Москвы:

– К глухонемым в СССР относятся, как к умственно отсталым, – заметила миссис М, – но даже глухонемой лучше не привлекать к себе излишнего внимания...

Вера назубок выучила названия центральных станций метро и могла прочитать русские буквы. С племянником, как она шутливо называла Маленького Джона, Вера рассталась на Казанском вокзале. Всю дорогу от дачки до платформы Малаховка юноша насвистывал песенку:

– Привязалась, тетя Вера, – шепотом сказал он, – с той записи, что я слышал в Лондоне... – Маленький Джон перевел ей пару строчек:

– По Курской, Казанской железной дороге построили дачи, живут там как боги... – в ответ Вера хмыкнула:

– Наш сарайчик вряд ли сойдет за дворец, но сосед за оградой возвел целый особняк... – юноша выкинул окурочек в покосившуюся урну рядом с платформой:

– Он директор вокзального ресторана. Только он никакого отношения к евреям не имеет, папа мне рассказывал. У него работал, то есть держал документы, покойный мистер Лопатин... – юноша добавил:

– Здесь есть синагога, папа показал. Только она тоже больше напоминает сарай... – взглянув на толпу, заполнившую перрон, Маленький Джон ухмыльнулся:

– Все, тетя Вера, переходим на язык жестов... – в электричке бродили и настоящие глухонемые, продающие из-под полы всякую дребедень:

– Может быть, они тоже притворяются, – пришло в голову Вере, – на войне, в подполье мы так часто делали. Немцы не обращали внимания на глухонемых, считали их идиотами, а в Германии их вообще умерщвляли...

На площади трех вокзалов они сели в разные поезда кольцевой линии. Билет в Тайшет товарищ Вальд собирался купить на обратном пути:

– Джон хочет проверить, что происходит на Патриарших Прудах, – недовольно вздохнула Вера, – он надеется наткнуться на товарищей Павла или на кого-то из девочек... – они пока не знали, кого из дочерей месье Эмиля арестовал Комитет. В Лондоне Вера видела фотографии покойной Розы Левиной:

– У меня дух захватило, – вспомнила женщина, – такая она была красивая. Марта говорит, что месье Механик встречал кого-то из ее дочерей, они тоже словно королевы красоты... – Вера, привыкшая к скромному пучку волос, чувствовала себя неловко со светлыми кудрями, пусть и прикрытыми шерстяным платком:

– Не придумывай себе ничего, – сердито пробормотала она, торопясь вслед за леди Августой к метро, – его светлость на тебя и не смотрит. Он герцог, у него титул со времен Вильгельма Завоевателя, а ты дочка обедневшего эсквайра и учительницы французского языка... – брак родителей Веры до первой войны считался мезальянсом:

– Мама приехала в Лондон из Ренна, – вспомнила Вера, – у нее была дворянская кровь, но очень дальняя. Она рано потеряла родителей, устроилась преподавательницей в Лондоне... – отец Веры тоже учительствовал, но в школе для мальчиков:

– От меня до его светлости дальше, чем до Луны, – подытожила Вера, – и вообще я Моль... – она отлично знала свою кличку на Набережной, – кто на меня посмотрит... – она все равно не могла не заметить короткие взгляды герцога. Стоя на платформе, Вера поняла, что покраснела:

– Здесь жарко, – она размотала платок, – леди Августа, значит, собралась в центр... – в вагоне Вера спряталась за широкой спиной провинциала с фибровым чемоданом, явившегося в Москву в лохматом тулупе. Поезд качнуло, она на мгновение потеряла равновесие:

– Леди Августа могла меня увидеть, – забеспокоилась Вера, – посмотрим, где она выйдет... – бывшая подопечная проехала одну остановку. Платформа «Площади Свердлова» кишела людьми. Вера быстро нашла глазами пальто цвета спелых ягод с воротником темной норки, каштановые, аккуратно уложенные локоны леди Августы:

– Нашла и потеряла, – она озиралась, – нет, вроде бы такое пальто... – пальто оказалось только похожим. Дама, его носившая, была толще леди Кроу фунтов на тридцать.

Издали послышался гудок подходящего поезда, рельсы осветились белыми лучами. Толпа напирала на Веру, она почувствовала сильный толчок в спину. Мужчина вовремя подхватил ее под локоть:

– Осторожней, гражданочка, – он рванул Веру назад, – вы едва не упали... – что-то промычав, Вера ринулась к эскалаторам, в сторону стрелки: «Пушкинская улица». На ступенях мелькнуло красное пальто, Вера услышала скороговорку дежурной:

– Стойте справа, проходите слева, как в Лондоне... – слева размеренно шагали люди, – Марта мне все объяснила. Леди Августа не могла толкнуть меня под поезд... – движение замедлилось. Вера вцепилась побелевшими пальцами в резиновый поручень:

– Если она увидела меня в вагоне, – женщина помотала головой, – нет, я не верю, что это она. Она знает, что у меня дети, она играла с Чарли и Эмили.

Выскочив в вестибюль, заметив красное пальто, Вера велела себе:

– Соберись. Делай свое дело, Трезор... – заставив себя успокоиться, она незаметно вышла вслед за леди Августой на Пушкинскую.

Саша приехал к Большому театру с пышным букетом роз. В кармане дубленой куртки лежала обтянутая бархатом коробочка. Скромное кольцо с бриллиантом Саша выбрал в служебном каталоге:

– Я не собираюсь дарить ей ничего роскошного, – угрюмо подумал Саша, – много чести тратить народные деньги на Пиявку...

Он, тем не менее, согласился с доводами сначала товарища Котова, а потом председателя Комитета, товарища Семичастного. Сейчас Невеста редко приносила что-то значащее, однако, по мнению начальства, девушку ждала хорошая карьера на Набережной:

– Она тебя любит, милый мой, – смешливо сказал товарищ Котов, – ради тебя она каштаны из огня потащит. Этот брак, – он повел рукой, – не стоит и бумажки, которая его засвидетельствует, однако церемония служит интересам нашей державы...

С интересами державы Саше было никак не поспорить. Пиявке предстояло увидеть квартиру на Фрунзенской:

– Твой свадебный подарок, – заметил товарищ Котов, – в путешествие вам не отправиться, но пусть Невеста посмотрит из окна на реку и парк... – в квартире их ждало шампанское и шоколад. На следующей неделе Саша вел Невесту в так называемый ЗАГС:

– Объяснишь, что по соображениям секретности ваш брак регистрируется на выездной церемонии, – заметил товарищ Котов, – она выберет платье по каталогу, а на мероприятие вас доставят на машине... – роли сотрудников ЗАГСа играли коллеги Саши. Он не намеревался баловать Пиявку:

– Она привыкла, что мы видимся два раза в неделю, если я в Москве, – хмыкнул Саша, – пусть так и остается. Скоро я поеду в Европу... – следующим летом Саша хотел встретиться с Драконом, перехватив его по дороге в Гонконг, – меня ждет работа с команданте Че Геварой в Южной Америке... Так называемая жена будет меня видеть редко, что мне только на руку. Надеюсь, ее переведут из Москвы в Лондон или еще куда-нибудь...

Зная Невесту, Саша предполагал, что она будет считать себя замужней женщиной. Его это никак не касалось:

– Даже когда я женюсь на любимой девушке, придется сохранять связь с Невестой, – вздохнул он, – надо выполнять задания партии и правительства. Невеста нужна для работы, она бывает хорошим источником данных. Может быть, потом она получит доступ и к более ценным документам...

Утром Саша успел передать Иоганна его будущему куратору. Приехавший из Ленинграда коллега забрал парня в аэропорт:

– Ты полетишь в колыбель трех революций, – весело сказал Саша на прощанье, – жди меня в гости на белые ночи. Я тоже там учился, побродим по городу, съездим в Кронштадт... – вспомнив о Кронштадте, он подумал о Фокуснике:

– Виктор Лопатин, его приятель, служит во флоте, – Саша нахмурился, – когда мы подстрелили его отца на Москве-реке, в документах я видел, что, кроме комнат на Арбате, им принадлежит дача в Малаховке...

В Малаховке находилось гнездо буржуазного сионизма и религиозного мракобесия, как писали в газетах, синагога, при которой, по данным осведомителей, содержались подпольные, незаконные курсы иврита. Учебник старшей Куколки, вернее, его копии, мог предназначаться именно для Малаховки:

– Где может прятаться и младшая Куколка, – пришло в голову Саше, – Лопатин мог оставить Фокуснику ключи от дачи, вернее, летнего строения... – именно так собственность Лопатиных именовали в бумагах. Саша решил не дожидаться результатов свидания Фокусника с отцом:

– Хватит мерзавцу нас шантажировать... – Саша взглянул на часы, – может быть, Малаховку никто не навещал, но я не пойду на поводу наглого мальчишки. Если Надежды Наумовны на даче нет, Фокусник нам расскажет, где она, а если птичка, – Саша быстро улыбнулся, – именно там, то мы не выпустим ее из клетки... – Саша с удовольствием думал о будущих бонусах от Надежды Наумовны:

– В ближайшие пять лет ее ждут нары у Полярного круга, – он ощерил крупные зубы, – пьяная вохра и уголовницы. Дура, в Москве, под моим крылом, она могла бы кататься как сыр в масле. Нет, сестрички захотели на запад. Однако вместо запада они очень скоро поедут на восток...

Саша спустился на площадь Свердлова, к своей «Волге», припаркованной у Малого театра. Машину оборудовали рацией. Отдав соответствующие распоряжения, он заметил на ступенях Большого знакомое красное пальто. Невеста пришла на десять минут раньше назначенного времени:

– Пиявке не терпится, – Саша нацепил на лицо улыбку, – сил нет, как она мне осточертела. Ладно, придется в который раз поиграть в любовь... – по рации его уверили, что свяжутся с малаховским отделением милиции:

– Пусть пошлют туда машину, – велел Саша, – и пусть будут осторожны. Надо не спугнуть подозреваемую... – держа букет, он легко взбежал по ступеням. У Невесты было странное, бледное лицо. На скулах горел румянец, лазоревые глаза расширились. Девушка тяжело дышала, комкая перчатки:

– Мне нельзя возвращаться в посольство, Саша, – она кусала губы, – за мной прислали миссию с Набережной. Они сейчас в городе. За мной следят, чтобы похитить и вывезти в Лондон... – Гуси всхлипнула:

– Я не могу пойти обратно в Замоскворечье, иначе ты меня больше никогда не увидишь. Спаси меня, милый, спаси... – разрыдавшись, девушка уткнулась в его плечо.

Утром в камере Павла появился тюремный парикмахер.

Комната с кроватью старинного ореха за китайской ширмой, с письменным столом и отдельной ванной, выложенной муранской плиткой, несколько не напоминала камеру, но на допросах юноша упорно называл помещение именно так. Он получил альбомы, пишущую машинку, китайские тетради и книги:

– Если вам что-нибудь понадобится... – вежливо сказал неприметный человек, – мы готовы выполнить ваши заказы... – Павел сухо отозвался:

– Доставьте мне «Образы Италии» Муратова... – охранник, как о нем думал Павел, даже бровью не повел, – и Playboy... – Павел держал в своей спальне на Патриарших подшивку растрепанных, приобретенных у фарцы журналов:

– Где еще в Советском Союзе прочитаешь Набокова на английском языке, – весело говорил он, – его и по-русски при нашей жизни не издадут...

«Образы Италии» Павел купил из-под полы у ловких людишек, крутившихся рядом с букинистическими отделами. Муратова, эмигранта, в СССР не издавали.

Ему привезли все заказанное, не задавая вопросов. Павел коротал время за китайской грамматикой, отстукивал на машинке курсовую об итальянском Ренессансе или листал журналы, развалившись на кровати с сигаретой. Ему позволяли курить, в комнату принесли импортный электрический чайник и запасы кофе:

– Еще бы кормили по меню и был бы настоящий санаторий, – мрачно подумал юноша, – только в подвалах Лубянки... – в комнате не было окна. За железной дверью лежал тюремный коридор:

– Товарищ Котов наверняка сидел в курортных условиях, – издевательски подумал Павел, – он слишком ценный кадр, его не пустили в расход вместе с министром Берия... – после стрижки и бритья, завидев в чемоданчике парикмахера знакомый флакон, Павел велел:

– Туалетную воду, пожалуйста... – от охранников, севших с ним в «Волгу», пахло «Шипром»:

– Не Floris of London, как у меня... – юноша принялся, – Аня и Надя любят аромат... – юноша не задавал вопросов об Ане, зная, что ему ничего не ответят. За Надю Павел был спокоен:

– Фаина Яковлевна не вчера на свет родилась, – твердо сказал себе он, – Надю на первое время спрячут и никакой Комитет ее не найдет. Может быть, ей достанут новые документы... – после встречи с так называемым товарищем Котовым Павел собирался заявить, что Надя подалась в Сибирь:

– Пусть хоть все за Уралом перетряхнут, – пожелал он, – пусть товарищ Матвеев, гнида, лично отправится в какой-нибудь Братск, где он отморозит себе задницу и все остальное... –

предполагая, что Аня взяла на себя ответственность за учебник и ротапринт, Павел, тем не менее, не мог поступиться честью. Он заявил, что множительная машинка вышла из его рук:

– Безделка, товарищ Матвеев, – спокойно сказал юноша, – подражание аппарату из мемориальной типографии «Искры». Вдохновившись примером подпольщиков времен первой русской революции, я решил повторить их инженерные изыскания... – по глазам товарища Матвеева Павел понял, что комитетчик ему ни на грош не верит:

– На что мне откровенно наплевать, – устроившись на заднем сиденье черной «Волги», он вытянул ноги, – как наплевать и на товарища Котова. Но я хочу посмотреть в глаза убийце моих родителей... – Павел не собирался упоминать о сестрах:

– Аня и Надя никакого отношения к нему не имеют, – он смотрел на ленту шоссе, – он держал их мать в заключении, в золотой клетке, удовлетворяя свои прихоти. Не удивлюсь, если он убил ее при попытке к бегству... – машина шла на запад. Охранники молчали, Павел лениво шуршал сегодняшней «Комсомолкой». Газетами его снабжали каждый день:

– Материалы совещания в ЦК ВЛКСМ «Об усилении борьбы комсомольских организаций с проникновением буржуазной идеологии в среду молодежи» ... – юноша сдержал смех, – давайте, ребята, боритесь со штанами и музыкой... – он взглянул на фото на соседней странице: «Герои Братской ГЭС»:

– Конечно, – зевнул Павел, – легче запрещать джинсы, сидя в Москве. В Братске не носят джинсы, они ютятся в бараках, а комсомольские вожди распинаются на трибунах, предостерегая от опасности рока... – машина замедлила ход у мощных ворот серого железа:

– До Можайска мы не доехали, – понял Павел, – свернули с шоссе... – бетонная, оцетившаяся колючей проволокой, ограда уходила в густой, заснеженный лес:

– Сюда оттепель не добралась, – на воротах замигали лампочки, – недурно устроился товарищ Котов... – «Волга» нырнула в открывшуюся щель. Павел огляделся:

– Из машины выходить только по нашей команде, – предупредил его один из охранников. Юноша пробормотал себе под нос:

– Шаг вправо, шаг влево считается побегом... – в ветровом стекле «Волги» выросла вилла в палладианском стиле. Павел не помнил дальневосточный особняк, но сестры рассказывали о розарии, окружавшем здание, о парке с прудами и фонтанами:

– Товарищ Котов вдохновлялся идеальными пропорциями классицизма, – зло подумал Павел, – сейчас двуличная тварь услышит, что я о нем думаю...

Высоко вскинув рыжеватую голову, засунув руки в карманы щеголеватой замшевой куртки, он пошел вслед за охранниками к дому.

Брезентовый рюкзак стоял на расшатанном столе. По разохшимся ступеням террасы в пятне солнечного света прыгали воробьи. Отщипнув привезенного Маленьким Джоном калача, Марта бросила птицам крошки:

– Значит, с площади Свердлова ты ушла... – Вера укладывала в рюкзак консервы, – но Густы могла тебя видеть... – миссис Мэдисон мрачно отозвалась:

– Она меня видела, Марта. Я не хочу лелеять химеру недоверия, как говорит его светлость, – женщина слегка покраснела, – но мне кажется, что я не случайно споткнулась на платформе метро. Меня попытались столкнуть под поезд... – сидя на перилах с чашкой кофе, Марта затынулась сигаретой:

– Химера бывает очень полезна, – задумчиво сказала она, – мы с тобой работали в подполье и знаем, что без нее иногда не выжить... – Марта жалела, что не может позвонить матери:

– Хотя зачем звонить, – она вздохнула, – все понятно. Джон тоже считает, что Густы надо отзывать в Лондон и начинать детальную проверку... – Вера вернулась из Москвы первой. Услышав о randevу Густы у Большого театра, Марта заметила:

– Боюсь, Джон, нам некого будет проверять... – герцог удивился:

– Марта, она не перебежит к русским. У нее брат, у нее семья. Ладно, у нее есть связь... – Джон немного смутился, – но связь еще не значит, что она пошла на предательство... – Марта подняла бровь:

– С одной стороны, хорошо, что ты идеалист, несмотря на все случившееся, – хмыкнула она, – но с другой, болтаясь в СССР, мы рискуем жизнью. Я, видишь ли, склонна думать, что именно Густы принесла в Комитет твою записку... – герцог хотел что-то сказать. Марта покачала головой:

– У меня здесь остаются сын, невестка и внук. Твой Маленький Джон тоже едет не на запад, а на восток. Аркадий Петрович привезет нам паспорта, и мы снимемся с места. Сейчас главное, оказаться в Лондоне, где мы и решим, что делать дальше... – паспорта доставил на дачу приятного вида паренек:

– Аркадий Петрович передает привет, он уехал в командировку, в Среднюю Азию, – Марта усмехнулась, – вот машина, ключи и права... – паренек приехал на потрепанном «Москвиче-403». Права выписали на Марту:

– Иван Иванович глухонемой, – объяснил паренек, – глухонемым права не выдают... – герцог обзавелся паспортом Ивана Ивановича Вальда, уроженца бывшей автономной республики немцев Поволжья:

– Вы у нас временно муж и жена, – весело сказала Марта Вере, – надо купить календарей, именно их глухонемые продают по вагонам... – «Москвич» они бросали в Волоколамске, где садились на рижский поезд:

– Мы покидаем Советский Союз словно по учебнику, – поняла Марта, – надеюсь, так и останется... – они ничего не говорили Маленькому Джону о Густы. Марта, однако, велела племяннику не появляться на московских вокзалах:

– Береженого Бог бережет, – заявила женщина, – доберешься на электричке до Владимира, где и поймаешь состав. Сейчас лучше не маячить в столице... – на Патриарших Прудах, по словам Маленького Джона, он никого не увидел:

– Шестерка Аркадия Петровича тоже ничего не знает, – недовольно подумала Марта, – попрощаемся с мальчиком и двинемся в путь... – Маленький Джон вез в Сибирь свидетельство о браке Марии Ивановны Миллер и метрику на ее сына, Федора:

– Фотографий Марии нет, – развел руками герцог, – в Тайшет или Братск ездить было опасно, но я все же сходил в ателье... – Марта отмахнулась:

– Ладно, сойдет. На Сахалин они отправятся на пароме, где документов не спрашивают, а остальное дело техники... – Вера затянула горло рюкзака:

– Марта, – неуверенно сказала женщина, – ты думаешь, что леди Августа не вернется в посольство... – Марта смотрела поверх покосившегося забора дачки:

– Вера, – спокойно ответила она, – зови его светлость и Маленького Джона, садитесь в «Москвич». У нас гости, чего я и ожидала... – женщина достала из кармана ватника браунинг с золоченой табличкой. Пробормотав «Быстро, они обернулись», Марта подогнала Веру:

– Что стоишь, немедленно в машину... – по ухабистой улочке, среди луж растаявшего снега, медленно ехал милицейский газик.

Гражданка Вальд, Марта Теодоровна, сорока лет от роду, бывшая жительница более несуществующей Автономной Республики Немцев Поволжья, пекла отличные пирожки:

– С капустой возьмите, – радушно предложила женщина, – с яичками, товарищ начальник. Яички свежие, из-под курочки... – у гражданки был уютный, провинциальный говорок, – еще с ливером, с мясом.

Румяные пирожки, вынесенные на крыльцо, были теплыми. Гражданка Вальд, как следовало из ее трудовой книжки, месяц назад работала поваром на заводе «Кургансельмаш».

– Сын мой там токарем был, – гражданка подтолкнула неловкого, дурно одетого парня, – Ян, поздоровайся с товарищем начальником... – старший из милиционеров приосанился. Парень что-то пробормотал, гражданка извинилась:

– Он у меня застенчивый с детства, а дома мы жестами говорим... – сестра и зять гражданки Вальд оказались глухонемыми:

– Иван Иванович у нас токарь, – объяснила гражданка, – глаз он на производстве потерял, после войны... – Марта Теодоровна, как все работники общественного питания, была словоохотлива:

– Соскучилась по болтовне в столовой, – весело подумал милиционер, – дома у нее все немые, или из них клещами слова не вытянешь, как из Яна... – за пирожками последовали блины. Гражданка Вальд предложила поставить самоварчик:

– Машина моя... – гордо сказала женщина, указывая на «Москвич», – мы в Кургане домик продали, а в столице купили машину... – оказалось, что неловкий Ян отправляется в Тайшет:

– Он вперед поедет, – объяснила Марта Теодоровна, – а мы потихоньку на машине двинемся... – на веранде дачки громоздились провинциального вида чемоданы.

Вальды приехали в Москву не только за подержанным «Москвичом»:

– Мы были в Мавзолее Владимира Ильича, в Третьяковской галерее... – повар совала под нос милиционерам открытки, – ходили в ГУМ, в ЦУМ... – она понурилась:

– Только в Большой театр мы не попали, но снаружи все хорошо рассмотрели, и колонны и эту... – она наморщила лоб. Младший из милиционеров помог: «Квадригу». Гражданка Вальд вздохнула:

– Спасибо. Слово сложное, товарищ начальник, с первого раза не запомнишь. Я туфли сюда взяла, лаковые и кофточку шелковую, думала, что в театр надену, но не получилось... – вытерев пальцы носовым платком, старший небрежно пролистал паспорта семьи:

– Муж у вашей сестры Вальд, и она сама тоже, по девичьей фамилии, – он кивнул на невзрачного инвалида и его не менее невзрачную жену в сером пальто и шерстяном платке, – как так вышло.

Марта Теодоровна убрала опустевшую тарелку из-под блинов:

– Мальчику в дорогу наготовила... – ласково сказала женщина, – и вам заверну, товарищи начальники... – милиционер вспомнил свою рано умершую мать, военную вдову:

– Я немногим старше этого Яна, – понял он, – я с сорок первого, а он с сорок пятого. Мама тоже такие блины пекла... – от гражданки Вальд веяло домашним, кухонным запахом:

– Мы все родственники, – женщина улыбалась, – Иван Иванович, значит, наш с Верой брат троюродный... – она аккуратно сложила блины в провощенную бумагу:

– Поедите в отделении... – руки у женщины были маленькие, ловкие, – чайку, значит, попьете... – старший милиционер нарочито строго сказал:

– Только с временной пропиской у вас непорядок, гражданка... – Марта Теодоровна потупилась:

– В гостиницах мест нет, а на станции койки предлагают... – гражданка Вальд не помнила, что за старушка привела их на дачку:

– В сером платке, как у Веры, – она ткнула пальцем в сестру, – мы, значит, деньги ей отдали, а ключи она велела сунуть под половичок... – Марта Теодоровна показала и половичок:

– Вообще это карается штрафом, – старший отдал ей документы, – здесь не Курган, а Подмосковье... – Вальд совсем загрузила. Старший наряда добавил:

– Но если вы сегодня уезжаете, то простим вас на первый раз... – милиционер полагал, что оборотистая местная бабка просто зарабатывает деньги:

– Наверное, она прибиралась у покойного Лопатина, как моя тетушка, – решил милиционер, – хотя тетушка занимается не сараем, а настоящим дворцом... – тетя милиционера приглядывала за дачей покойного композитора Глиэра:

– В Переделкино у писателей, тоже хорошие дома, да и у нас достаточно богатых особняков, а Лопатин, хоть и отпетый вор, но жил совсем скромно... – милиционерам сообщили приметы девушки, могущей обретаться на дачке, однако никого похожего они пока не видели:

– Мы ищем высокую и темноволосую, а здесь одни тетки, пройдешь мимо и не посмотришь... – глухонемые бродили вокруг «Москвича», размахивая руками:

– Вальд всю дорогу до Сибири поговорить будет не с кем, – понял милиционер, – поэтому она сейчас языком болтает. Ладно, нам здесь больше делать нечего... – старший решил для очистки совести отправить описание Вальдов в Москву:

– Собирайтесь, товарищ Вальд, – позволил он, – не будем вас задерживать, путь до Сибири долгий. Вас ждут новые трудовые свершения, новые подвиги... – ему показалось, что большие глаза женщины заблестели:

– С немцев почти десять лет, как сняли ссылку, – вспомнил милиционер, – они могут ездить по всей стране. Вальды рабочие люди, пусть трудятся на благо нашей родины... – Марта проводила глазами удаляющийся узик:

– Брøde пока пронесло... – услышала она голос герцога, – ты все разыграла, как по нотам... – Марта сомкнула пальцы на рукоятке браунинга в кармане ватника:

– Это пока, – вздохнула женщина, – уверяю тебя, что через пару часов все вокруг будет кишеть комитетчиками... – Вера внезапно сказала:

– В Малаховке, в двадцать пятом году арестовали Сиднея Рейли. Потом его расстреляли на Лубянке... – Марта кивнула:

– Я помню. Чтобы нас миновала такая судьба, надо как можно быстрее оказаться вдали от поселка. Маленького Джона мы посадим на шоссе, он поймает машину до Владимира... – герцог устроился за рулем:

– Выезжаем, – коротко распорядился он, – Марта права, нельзя терять время... – мотор зарычал, Джон поморщился:

– Совсем развалюха. Но до Волоколамска «Москвич» нас довезет, а больше нам никуда не надо... – вспугнув птиц на заборе дачки, машина скрылась из вида.

Наум Исаакович не мог поверить своим ушам. Выяснилось, что две машины малаховского отделения милиции не оборудовали рациями. С работниками, отправленными на дачку покойного Лопатина было никак не связаться:

– Мы найдем только трупы, – заорал он на блеющего в трубку главу московской милиции, – мы имеем дело с профессионалами, не оставляющими следов...

Полчаса назад Наум Исаакович принял звонок от Скорпиона. Невеста пребывала в безопасности, на Лубянке. Площадь Свердлова перекрыли, метро прочесали, но миссис Вера Мэдисон, следившая за девушкой, словно провалилась сквозь землю. Саша растерянно сказал:

– Товарищ Котов, но что жена Мэдисона делает в Москве... – Эйтингон поправил мальчика:

– Его вдова. Она не просто вдова, милый мой... – для заказа архивной справки времени не оставалось, но Эйтингон никогда не жаловался на память

– Не просто вдова, – повторил Наум Исаакович, – она с довоенных времен работает на Набережной, которая, впрочем, тогда официально не существовала. Британцы писали о ней в открытых источниках. Она героиня войны, кавалер орденов, сражалась в рядах французского Сопротивления. Партизанская кличка у нее Трезор... – Эйтингон не сомневался, что Трезор появилась в столице не только ради леди Августы:

– Но Саша не виноват, – вздохнул он, – мальчик ничего не знал о проклятой бабе. Он правильно подумал о Малаховке, но не успел сообщить приметы 880, Рабе и Марии... – Наум Исаакович предполагал, что на дачке сидят именно беглецы из Новочеркасска:

– Они связались с посольством, – злобно подумал он, – в обход леди Августы... – Эйтингон доверял девушке, считая, что она не может быть двойным агентом:

– У нее слишком открытая натура, – сказал он как-то раз Саше, – хотя ее отец, генерал Кроу, в свое время почти два года водил нас за нос, притворяясь полковником Вороновым. Но Невеста тебя любит, милый мой. Она не предаст тебя и не разыграет комедию... – девушка была права в своем нежелании возвращаться в посольство Ее Величества:

– В таком случае ты ее действительно больше никогда не увидишь, – сказал он Саше по телефону, – ее вывезут отсюда под наркотиками, ближайшим рейсом в Лондон... – он услышал недовольный голос:

– Теперь мне от нее не избавиться, товарищ Котов, а оперативной ценности она не имеет... – Эйтингон почесал паркером седеющий висок. Невесте можно было пустить пулю в затылок прямо сегодня, однако, по мнению Наума Исааковича, такое было непредусмотрительно:

– Она пригодится в работе, – объяснил он Саше, – когда она вернется в Британию, до секретных сведений ее больше не допустят, но и не расстреляют, – он усмехнулся, – у них расстреливают за измену только военных, остальных вешают. Однако петля ей не страшна, она женщина, а британцы не казнят женщин. Может быть, ее даже не отправят в тюрьму. Она сошлется на любовь, на чувства... – Эйтингон затянулся сигарой, – а у нас появится безопасный адрес в Лондоне. Это многого стоит, потерпи еще пару лет... – Саша кисло сказал:

– Я все понимаю. Ей сделали успокоительный укол, я могу поехать в Малаховку... – Наум Исаакович отозвался:

– Только не один. Думаю, что паре дуболомов, отправленных туда, пришел конец. Но надо подождать, пока милиция не звонила... – он заметил в окне кабинета черную «Волгу», въезжающую на территорию закрытой дачи:

– Кто еще сюда явился... – он сорвал трубку с рычага. Голос у начальника московских милиционеров был веселый:

– Никого подозрительного на даче не нашли, товарищ Котов, – отрапортовал генерал, – там обретаются провинциалы, снявшие помещение частным образом. Они из Кургана, приехали в Москву за машиной, а вообще направляются в Сибирь, на стройки... – собеседник зашуршал бумагами, – ребята вернулись от них с пирожками. Фамилия Вальд, их две сестры. Одна глухонемая, ее муж инвалид труда. При них парень, сын Марты Теодоровны Вальд... – у Эйтингона похолодели руки, – токарь, девятнадцати лет от роду...

Наум Исаакович нарочито спокойно поинтересовался:

– Инвалид труда потерял глаз на производстве, а глухонемую сестру зовут Верой... – глава МУРа недоуменно ответил:

– Да, но откуда вы знаете... – Наум Исаакович взорвался:

– Пусть ваши работники подавятся пирожками! Вы упустили опасных шпионов запада... – дверь скрипнула, он услышал голос охранника:

– К вам гость, товарищ Котов... – Эйтингон обернулся:

– Я никого не...

Рыжеватые волосы искрились в свете полуденного солнца. Высокий парень в американских джинсах и дубленой куртке прислонился к косяку двери. Вокруг шеи он замотал на парижский манер полосатый шарф. Серые глаза юноши спокойно посмотрели на Эйтингона:

– Здравствуй, – парень помолчал, – папа.

Ноздреватый снег проседал под сапогами. В промоинах чернела земля, усыпанная пожелтевшими сосновыми иглами. Большой ворон, почуяв шаги, подхватив клювом шишку, метнулся к верхушке вековой сосны. Яркое небо расписали белые следы самолетов. Дул теплый ветер, среди почти растаявших сугробов звенел ручеек.

«Москвич» они загнали в карман окружной дороги, на заброшенную зимой стоянку. На проржавевшем щите виднелся силуэт шалаша. Рядом торчал щит с облезлым плакатом: «Береги лес от огня!».

Заглушив двигатель, Марта указала вперед:

– Поворот на Владимирский тракт, на Балашиху, – добавила она, – тебе туда, мой дорогой Ян Вальд... – Маленький Джон потянулся за рюкзаком, герцог нахлобучил на голову вытертый треух:

– Провожу тебя, сыночек, – он помолчал, – хотя бы немного... – они вылезли из машины. Глядя вслед прямой спине старшего Джона, Марта попросила:

– Ты тоже выйди, Вера. Оружие у нас одно на троих, – она коротко улыбнулась, – присмотри, чтобы с ними все было в порядке. Сходи по нужде, – она махнула в сторону бревенчатой избушки, – нам еще восемьдесят миль тащиться до Волоколамска. Если не успеем на сегодняшний рижский поезд, придется искать ночлег в частном секторе... – Вера повязала светлые кудри платком:

– Думаешь, наши приметы уже в полиции... – Трезор упорно пользовалась британскими словами. Марта повела зажженной сигаретой:

– Отсюда и до Владивостока, моя дорогая. Но вроде номер машины они не записывали, а фотоаппарата у них при себе не было, что большая удача... – Вера недоуменно взглянула на избушку:

– Но здесь нет таблички «Туалет», Марта... – женщина отозвалась: «Поверь мне, он именно там».

Оглядываясь на стоянку, герцог видел выбившиеся из-под платка локоны Веры. Прислонившись к машине, Трезор покуривала, посматривая в сторону окружной дороги:

– Она молодец, не потеряла партизанских навыков, – хмыкнул герцог, – а что Густы ее увидела в метро, то никто не застрахован от случайностей... – с дальнего конца просеки доносился гул машин:

– Владимирское шоссе, милый, – герцог остановился, – будь осторожнее, пожалуйста. Твои приметы тоже гуляют по СССР, товарищ Вальд... – сын широко улыбнулся:

– Таких парней, как я, двенадцать на дюжину, папа. Билет на поезд у меня в кармане, паспорт в кассах предъявлять не придется... – в расстегнутом воротнике невидного шерстяного свитера Маленького Джона поблескивала медная цепочка. Герцог велел:

– Клык не теряй, то есть постарайся не потерять... – отец прижался небритой щекой к его щеке, – Теодор-Генрих ждет каждую субботу на тайшетском вокзале, у барельефа Горского, его прадеда... – юноша ухмыльнулся:

– То-то он удивится. Он молодец, двадцать два года, а уже жена и ребенок. Увел он Марию, а кто бы мог подумать, вроде тихий парень... – Джон потрепал сына по коротко стриженным волосам:

– Она все равно тебе слишком близкая родня. Может быть... – он неловко посмотрел в сторону, – ты кому-то хочешь передать привет в Лондоне... – Маленький Джон отчаянно подумал:

– Пусть папа пошлет ей открытку от моего имени. Она моя кузина, она в армии, как и я, ничего подозрительного. Нет, она скоро выйдет замуж, за еврея, этого Эмиля. Она все ясно сказала, граф Хантингтон... – он отозвался:

– Нет, папа. То есть, я не успел... – единственный глаз отца подмигнул ему:

– Может быть, ты в СССР кого-то найдешь... – Джон подумал о дочках дяди Эмиля:

– Тетя Марта видела, как кого-то из них арестовывали. Наверное, вторую забрали раньше, но за что? Месье Механик видел кого-то из них на экскурсии для малийской делегации. Может быть, они узнали, чьи они дочери на самом деле, попытались передать письмо для дяди Эмиля, но Комитет перехватил конверт... – он не мог разжать рук, не мог выпустить отца из объятий:

– Значит, ты понял, – сварливо сказал герцог, – из Тайшета поезжайте в Иркутск, перебирайтесь за Байкал и двигайтесь на восток. На Кунашир вас вряд ли пустят, но от южного Сахалина до Хоккайдо тоже недалеко... – он прибавил:

– Пока ты до Тайшета доедешь, наш первый внук сам пойдет. Федор забавный парень, хотя с ребенком вам будет сложнее... – Маленький Джон шепнул:

– Ты тоже увидишь внуков, папа. Внуков и правнуков, обещаю... – на них посыпался снег, юноша вскинул глаза. Ворон парил в голубой прогалине чистого, почти весеннего неба:

– Это к счастью, – ласково сказал отец, – я теперь вроде первого Ворона... – он поправил повязку на глазу:

– С Богом, милый, и помни, делай, что должно тебе... – шлепая по грязи, сын пошел на шум Владимирского шоссе:

– Он хороший мальчик, – вздохнул герцог, – он мягким получился, в Эмму. Джон улыбается так, как она... – он погрел руки в карманах ватника:

– Как это он мне сказал? Не будь строг с Полиной, ей только четырнадцать лет. Полина и пять лет назад характером напоминала Тони, а сейчас, наверное, еще больше. Надо ей рассказать про Циону... – герцог не мог заставить себя признаться дочери в правде:

– Фрида ее сестра, – угрюмо подумал он, – надо сначала поговорить с Авраамом, заручиться его согласием. Хотя он вряд ли скажет Фриде, чья она дочь... – герцог был уверен, что новорожденный младенец, сын Ционы и Максимилиана, давно умер:

– Если его похитила воровка, вряд ли она стала его воспитывать. Наверняка, она украла младенца, чтобы просить с ним милостыню, а потом избавилась от него... – загребая сапогами снег, он пошел к стоянке.

Джон бы и не заметил его, если бы не очередной ручеек, появившийся на пути:

– Не может быть, – герцог наклонился, – но это обманная весна. Он слишком рано расцвел... – аккуратно сорвав подснежник, Джон одним ловким движением оказался на сухом асфальте. Марта завела машину, Трезор шагнула к нему:

– Проводили графа Хантингтона, ваша светлость... – Джон взглянул в голубовато-серые, большие глаза. Золотистый завиток волос упал ей на потный лоб. Вера, смутившись, потянула из кармана носовой платок:

– Жарко в пальто, – она избегала смотреть на герцога, – Марта обещала морозы, а сегодня, кажется, почти десять градусов тепла. Но это ложная весна... – Вера вздрогнула. Белые лепестки легли ей в ладонь:

– Не ложная, Трезор, – тихо сказал Джон, – совсем не ложная... – Вера почувствовала мимолетное касание его пальцев. Высунув бронзовую голову из отвернутого окна машины, Марта закричала:

– Пора ехать, до Волоколамска еще далеко...

Пробормотав «Спасибо», зажав подснежник в руке, Вера пошла к «Москвичу».

В последний раз Павел видел человека, которого он долго считал отцом, одиннадцать лет назад. Юноша разглядывал сильное лицо, с почти сгладившимся шрамом на лбу. Котов носил твидовый пиджак с заплатками на локтях, белоснежную рубашку с расстегнутым воротом. Павел с удивлением увидел на нем джинсы:

– Следит за модой, мерзавец, – юноша бросил взгляд на антикварный стол с тремя телефонами, – он почти не изменился, только поседел... – Котов коротко стриг густые волосы цвета перца с солью:

– У него появилось больше морщин, но не скажешь, что ему идет седьмой десяток... – насчет седьмого десятка Павел только предполагал. Они с сестрами не знали ни возраста, ни настоящей фамилии Котова:

– Только имя, Наум, которое тоже может оказаться фальшивкой, – зло подумал Павел, – не собираюсь я ему ничего говорить. Я только хочу посмотреть ему в глаза...

Глаза у Котова были карие, спокойные, с золотистыми искорками. Павел вспомнил о старой, выцветшей фотографии в саквояже, где он держал наличные:

– Правильно я сделал, что не оставил снимок папы на Патриарших прудах, – порадовался юноша, – и на Арбате его тоже хранить не стоило. Жаль, что я не знаю, как выглядела моя мать. Лючия, ее звали Лючия. У близняшек есть могила, куда можно прийти, а мои родители сгинули без следа... – на глаза навернулись слезы, Павел велел себе собраться. Он не хотел плакать перед Котовым, что-то у него просить или о чем-то рассказывать:

– Много чести, – решил юноша, – он от меня и слова не услышит. Он, наверняка, знает, что Аню арестовали. Судя по здешней обстановке, он не последний человек в Комитете... – Павел окинул взглядом искусно отреставрированную мебель и персидский ковер, – у него даже подлинник Левитана висит. Ему на нас наплевать. Он одиннадцать лет о нас не вспоминал, а сейчас приказал привезти меня, чтобы узнать, где Надя. Обещаю, что я и рта не раскрою...

В хрустальной пепельнице дымилась сигарета. Пахло крепко заваренным кофе и сандалом.

Один из телефонов зазвонил. Эйтингон, не глядя, дал отбой аппарату:

– Ему шестнадцать лет, – Наум Исаакович взглянул на спокойное лицо парня, – он как две капли воды похож на предателя Юдина... – Эйтингон хорошо помнил допросы бывшего партизана, – но осанка и манеры у него материнские, замечен аристократизм... – Павел напомнил ему портреты времен итальянского Ренессанса:

– Я видел картину в Музее Метрополитен, до войны. Бронзино, «Портрет молодого человека с книгой». Павел даже стоит точно так же... – зазвонил второй телефон, прямая линия с Лубянки. Эйтингон опять дал отбой. Павел даже не сделал шага в комнату:

– Я вижу, что ты занят, – услышал он холодный голос парня, – впрочем, я тоже здесь ненадолго... – Павел раздул ноздри, его лицо дрогнуло, – я знаю, что ты не мой отец... – Эйтингон не успел ничего сказать. Юноша оторвался от косяка. На Эйтингона пахнуло знакомым ароматом пряностей:

– Он тоже носит Floris, – понял Наум Исаакович, – судя по его одежде, с ним все хорошо. Непохоже, что его привезли сюда из колонии. Надо у него спросить о девочках. Но как он узнал о Юдине, его не могли допустить до таких папок... – юноша повторил:

– Не мой отец. Ты не имеешь ко мне никакого отношения... – Эйтингон вспомнил мягкие ручки мальчика, обнимавшие его за шею, мирное сопение собаки, страницы детских журналов, разбросанных по кровати:

– Я читал ему о Питере Пэне и Белоснежке. Он брал мою ладонь, подсовывал себе под щеку и так засыпал. Он любил грызть печенье в постели. Я всегда приносил ему что-нибудь с кухни... – Павел вскинул голову:

– Никакого отношения, – красивое лицо юноши замкнулось, – я знаю, что моя мать мертва, что ее зарыли в лагерьном рву с другими зэка... – он сжал кулаки, – где мой отец, Павел Юдин, что с ним... – Эйтингон растер окурки в пепельнице:

– Нет смысла притворяться, – устало подумал он, – я вижу по его глазам, что он мне не поверит. Он ничего не скажет о девочках, спрашивать бесполезно... – Эйтингон зажег еще одну сигарету:

– Твой отец, – сказал он, – пропал без вести на Колыме. Он бежал из лагеря, но следов его не нашли. Скорее всего... – Эйтингон почувствовал странную радость, – он сдох

в каком-нибудь болоте, его кости обглодало зверье... – ему было неожиданно приятно смотреть на изменившееся лицо парня:

– Пусть помучается. Случившееся в прошлом ничего не значит, – напомнил себе Эйтингон, – и вообще, прошлого не существует. Прошрое творим мы. Если кто-то попытается задать ненужные вопросы, он исчезнет, как исчез Уинстон Смит или отец Павла. Нечего жалеть парня, он приехал сюда крикнуть, как он меня ненавидит. Проклятая кровь предателей, ничего с ней не сделаешь. Мерзавка Марта такая же, дочь своей матери. Но Кукушки больше нет и Марта тоже сгинет без следа... – ничего не ответив, Павел пошел к распахнутой двери. На пороге юноша обернулся:

– Тварь, – брезгливо сказал он, – надеюсь, что я больше никогда тебя не увижу... – зазвонил очередной телефон. Павел от души грохнул дверью. Прислонившись к шелковым обоям, не обращая внимания на охранников, юноша опустил лицо в ладони:

– Мой отец может быть жив, – Павел незаметно вытер слезы, – жив. Я сделаю все, чтобы его отыскать, но пока надо скормить им фальшивку о Наде...

Глубоко вздохнув, он велел охранникам: «Везите меня на Лубянку, к товарищу Матвееву».

Волоколамск

Над подтаявшим льдом Ламы полыхал огненный закат. Вдалеке послышался гудок электровоза, размеренно забил колокол Возмищенской церкви.

Храм упраздненного при императрице Екатерине Николо-Богородицерождественского монастыря оставался единственной открытой церковью в городе. Марта прошла через погребенный под сугробами, почти разрушенный Волоколамский кремль. Воскресенский собор, выстроенный в пятнадцатом веке удельным князем волоцким, Борисом Васильевичем, больше напоминал руину:

– Здесь тоже углы обваливаются, – поняла Марта, – а ведь церковь шестнадцатого века... – она прочла вделанную в угол храма каменную доску:

– Церковь сия возведена по словеси митрополита Луки в году 7045 от сотворения мира... – Марта разобрала почти стершиеся буквы:

– В году 7057 от сотворения мира добавлена трапезная, попечением боярина Федора Васильевича Вельяминова и повелением архимандрита Ионы Возмищенского. Строил же мастер Повилика Тверитин... – от трапезной не осталось даже фундамента. Марта сунула в карман ватника валявшийся на волглой земле кусочек старинного кирпича:

– Надо папе рассказать, – она мимолетно улыбнулась, – хотя папа, наверное, знает о храме. Надо еще добраться домой и обрадовать папу тем, что он теперь прадед, а мама прабабушка... —

В темном провале растворенной храмовой двери переливались огоньки:

– Петя теперь двоюродный дед, – весело подумала Марта, – а он младше Теодора-Генриха... – среди дрожащих отсветов стояли и ее свечи.

Марта зашла в Возмищенскую церковь по дороге с вокзала. Как она и предсказывала, путь в Волоколамск занял больше времени, чем они ожидали:

– Но мы все нагоним, – Марта припарковала «Москвич» на станционной площади, – как говорится, поспешай медленно... – рижский поезд ушел за два часа до того, как они добрались в город. Марта вернулась в «Москвич» с бумажным пакетом, откуда упоительно пахло выпечкой:

– Частный сектор торгует, – подмигнула она герцогу и Вере, – о ночевке я договорилась... – бабка с эмалированным ведром, полным пирожков, обещала им не только две комнаты с койками, но и харчи, как выразилась старуха:

– Она мне и сказала, что церковь открыта, – Марта погладила шершавую штукатурку, – хорошо, что я сюда зашла... – в машине, кусая пирожок с капустой, она заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.